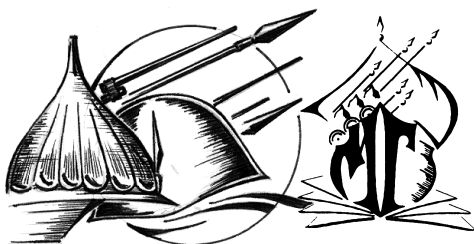

Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2022

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валентин КАТАСОНОВ. Это мог бы только Сталин	3
Павел АГАПОВ. По нацистским заветам	8
Мария МОНОМЕНОВА. Бильдербергский переполох	56
Олег КАССИН. Новый нацистский интернационал	62
Александр СКОКОВ. Кто поднимет село Рождество?	90

ПРОЗА

Геннадий КАРПУНИН. Отец Григорий. Рассказ	15
Камиль ЗИГАНШИН. Волчья смерть. Рассказ	33
Николай ДОРОШЕНКО. Мои курские древности. Воспоминания	67
Юрий СЕМЁНОВ. Рассказы	156
Ольга СЕВОСТЬЯНОВА. Горькие хризантемы. Простые истории	199

ПОЭЗИЯ

Вилиор ИВАНОВ. И мать, и рожь, и васильки. Стихи	40
Юрий МАНАКОВ. Свидание с родиной. Стихи	51
Валентина КОРОСТЕЛЁВА. Искры в траве... Стихи	80
Людмила БАНЦЕРОВА. И затеплится свет... Стихи	85
Анатолий ЗЕЛЕНЦОВ. Зацвели клевера. Стихи	176
Николай ПИДЛАСКО. На родимом рубеже. Стихи	180

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ШАМБАРОВ. Две Отечественные	184
Владимир АНИЩЕНКОВ. Освобождение Европы от шведских захватчиков	193

ДОСЬЕ «МГ»

Андрей СОШЕНКО. Борьба с содомией или её имитация? ..	222

РУССКИЙ МИР

Владимир БОЛЬШАКОВ. Время быть с Россией	226
Лев ГОРЕЛИКОВ. Главная угроза нашему будущему	235

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Константин СКВОРЦОВ. Пророчество поэта. К 85-летию Вячеслава Богданова	240
Вячеслав БОГДАНОВ. Стихи	244

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Обнуление псевдозвёзд	251

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Вадим РЫБИН. Договор с нацистами — отложенная война	258
Павел ДМИТРИЕВ. Запад сходит с ума	260
Андрей АНТОНОВ. Интересы страны и госчиновники	263
Валерий ГАБРУСЕНКО. Болонская система: выходя, остаёмся	267

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	272

КРУГ ЧТЕНИЯ

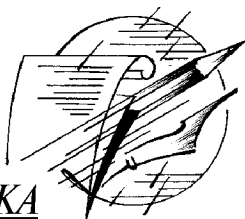
Николай ПЕРЕЯСЛОВ. Книга без начала и конца	282
Лидия ДОВЫДЕНКО. Духовный свет Истины	287

ЭТО МОГ БЫ ТОЛЬКО СТАЛИН

Санкционная война против России требует перехода отечественной экономики к мобилизационной модели. Она должна сменить ту модель, которая сложилась три десятилетия назад и которую можно назвать либерально-рыночной.

Напомню, что в истории советского государства было несколько реформ кредитной (банковской) системы. После Октября 1917 года одной из приоритетных задач новой власти в области экономики была национализация предприятий, принадлежащих частному капиталу. И началась она с банковской сферы. Особая актуальность национализации кредитных организаций была обусловлена тем, что банковский сектор дореволюционной России находился под контролем иностранного капитала. Из восьми больших частных банков лишь один (Волжско-Вятский) был действительно русским. Иностранцам принадлежало 34% акционерного капитала банков. Поэтому национализация банков должна была стать актом освобождения всей российской экономики от засилья иностранного финансового капитала.

Одним из первых актов советской власти стал декрет ВЦИК от 27 декабря 1917

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

года о национализации банков: банковское дело объявлялось государственной монополией. Все частные акционерные банки и банкирские конторы были включены в состав Государственного банка Российской Империи, который вскоре был переименован в Народный банк РСФСР.

В 1921 году начался переход к новой экономической политике (НЭП), во многом напоминающей либерально-рыночный курс в Российской Федерации. Народный банк был восстановлен (в октябре 1921 г.) под новой вывеской «Государственный банк РСФСР», в 1923 г. он был переименован в Государственный банк СССР. В период НЭПа в банковском секторе стали создаваться государственные (специализированные) банки, акционерные, кооперативные, коммунальные банки, а также кредитные кооперативы, ссудо-сберегательные товарищества, общества взаимного кредитования (примерно в том виде, какой они имели до революции). В 1922—1926 гг. наблюдался бум учредительства банков. В 1924 г. при правлении Госбанка был создан комитет по делам банков, который должен был координировать и контролировать их деятельность. На завершающей фазе НЭПа количество банковских и кредитных учреждений превысило их количество до революции. На 1 октября 1929 г. в стране насчитывалось 1312 кредитных учреждений и их филиалов, не считая более 10 тысяч кредитно-кооперативных обществ.

Между тем в стране начиналась индустриализация, а кредитная сфера оставалась последней тихой заводью НЭПа.

Индустриализация требовала другой кредитной системы, которая могла бы обеспечить мобилизацию финансовых ресурсов на приоритетных объектах, включенных в пятилетние планы. Для этого и была проведена кредитная реформа в 1930—1932 годах. Началась она с Постановления ЦИК СССР и СНК СССР «О кредитной реформе» от 30 января 1930 г. Прежде всего, запрещалось коммерческое кредитование (кредитные отношения между предприятиями), разрешалось только банковское кредитование. Постановление предусматривало, что Госбанк сосредоточивает в своих руках всё краткосрочное кредитование. Создаются четыре специальных банка долгосрочного кредитования капитальных вложений, которые выводятся из-под контроля Госбанка и передаются в ведение Народного комиссариата финансов. Это — Промбанк, Сельхозбанк, Цекомбанк, Торгбанк. Их основная задача заключалась в доведении бюджетных средств до предприятий и обеспечении целевого их использования. Реформа 1930—1932 гг. окончательно сформировала двухконтурную систему денежного обращения, состоявшую из кон-

туров наличного и безналичного обращения. Четыре специализированных банка работали исключительно в контуре безналичного денежного обращения, обслуживая предприятия.

Все расчеты, платежи и кассовые операции сосредоточиваются в Госбанке. В результате кредитной реформы деятельность Госбанка окончательно утратила коммерческий характер и сформировались основные функции Госбанка: 1) плановое кредитование хозяйства, 2) организация денежного обращения и расчетов, 3) кассовое исполнение государственного бюджета и 4) осуществление международных расчетов.

К концу 1932 года были окончательно ликвидированы акционерные банки, а затем кредитные кооперативы. Что касается обществ взаимного кредитования, они исчезли еще до начала реформы. На момент окончания реформы в кредитно-банковской системе СССР, помимо Госбанка и четырех специализированных банков кредитования капитальных вложений, был еще Внешторгбанк, имевший широкую сеть корреспондентских отношений с иностранными банками. Он выполнял функции государственной валютной монополии.

Еще одним важным элементом системы была сеть сберегательных касс, представлявших единое общегосударственное кредитное учреждение, обслуживающее население путем привлечения свободных средств, оплаты услуг, размещения займов. Сеть сберегательных касс была подчинена Наркомфину.

Итак, в результате реформы 1930—1932 гг. была установлена государственная банковская монополия, которая просуществовала до 1988 года.

Известно, что И.В. Сталин планировал провести очередную реформу кредитной системы в начале 40-х годов, но этому помешала Великая Отечественная война. До времен горбачевской перестройки радикальных реформ не было, менялись лишь названия отдельных банков, появлялись новые и упразднялись старые, менялось подчинение (Госбанку или Наркомфину). Но в любом случае количество банков было очень ограниченным (не более десятка или дюжины), все они имели четкую специализацию, получение прибыли не было целью их деятельности. Проценты по кредитам были символическими (1—2% годовых). Главной функцией банков был контроль за текущей финансово-экономической деятельностью предприятий (соблюдение платежной дисциплины, эффективность использования основного и оборотного капитала, обоснованность кредитных заявок, контроль исполнения кредитных договоров и др.).

Обеспечение рубля было не золотое (как до революции), а товарное. Потребность народного хозяйства в наличных деньгах определяли путем составления кассового плана Госбанка. В

этом плане устанавливалась величина наличных денег в обращении на начало и конец планируемого периода. Изменение этой величины на конец планируемого периода означало эмиссию или изъятие денег из обращения, определяло их размеры. Степень обеспечения в планируемом периоде наличных денег товарами и платными услугами устанавливалась с помощью баланса денежных доходов и расходов населения.

В системе Госбанка имелись республиканские конторы во всех союзных республиках за исключением РСФСР. В 1959 г., наконец, появилась Российская республиканская контора Госбанка. С 1960 г. значимость Госбанка возросла в связи с тем, что он начал составлять планы кредитования долгосрочных вложений. В 1962 г. Государственному банку были переданы сберегательные кассы, которые до этого находились в ведении Минфина СССР. С 60-х годов наиболее значимыми институтами советской банковской системы, кроме Госбанка, были Всесоюзный банк финансирования капитальных вложений (который сначала назывался Стройбанком, а позднее — Промстройбанком) и Банк для внешней торговли (Внешторгбанк). Стройбанк в силу особой его значимости был выведен под-под Минфина СССР под непосредственное кураторство правительства. Внешторгбанк везде именовался «акционерным банком», но фактически единственным его акционером был Госбанк СССР. Поэтому Внешторгбанк воспринимали как структурное подразделение Госбанка. Руководитель Внешторгбанка одновременно был заместителем председателя Госбанка.

Государственная банковская монополия и централизованное управление денежно-кредитной системой страны стали размываться в ходе перестройки под видом реорганизации банковской системы. На первом этапе (1987 г.) была создана новая структура государственных банков. Центральное место в системе по-прежнему занимал Госбанк СССР. Предполагалось отделить эмиссионную функцию от функции кредитования хозяйства. Функции кредитования предприятий и организаций были переданы ряду специализированных банков: Промышленно-строительному банку (Промстройбанк), Агропромышленному банку (Агропромбанк), Банку жилищно-коммунального хозяйства и социального развития (Жилсоцбанк), Банку трудовых сбережений и кредитования населения (Сбербанк), Банку внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк). Промстройбанк был создан на базе Стройбанка, а Внешэкономбанк — на базе Внешторгбанка. Было немало противников подобного рода реорганизации, которые предупреждали, что она создаст серьезные издержки для экономики. Было немало коллизий в связи с

тем, что у ряда специализированных банков не было необходимой материально-технической и кадровой базы на местах. Шел передел филиальных сетей Госбанка и Промстройбанка. Пришлось вернуться к системе межбанковских расчетов. Резко возросли издержки денежного обращения и денежных расчетов, стал расти банковский аппарат, общие расходы на заработную плату. Госбанк стал заниматься только распределением ресурсов на верхнем уровне, не имея возможности воздействовать на выполнение кредитных планов.

Правительство заявило, что в стране создается двухъярусная банковская система. В 1988—1989 гг. были приняты законы, разрешившие создавать кооперативные и частные коммерческие банки. Началось бурное развитие «второго яруса».

В 1988—1989 гг. в Советском Союзе было зарегистрировано 150 кооперативных и коммерческих банков. Уставные капиталы этих банков были сформированы в основном за счет средств промышленных предприятий, получивших большие «рыночные» свободы в части распоряжения своими денежными фондами. Несколько специализированных государственных банков (самый крупный из них — Промстройбанк) были акционированы и приватизированы, многие их филиалы превратились в самостоятельные коммерческие банки. На 1 января 1992 г. в стране уже действовало 1414 коммерческих банков, из которых 767 были созданы на базе бывших специализированных банков и 646 — образованы вновь. Крупных банков (с уставными капиталами свыше 200 млн. руб.) среди них было всего 24. Почти три четверти всех банков (1037) относились к категории мелких (уставной капитал от 5 до 25 млн. руб.).

Централизованное управление денежно-кредитной системой было окончательно разрушено в 1990 г., когда в РСФСР был создан самостоятельный Государственный банк. На территории главной союзной республики возникло «двоевластие», которое закончилось лишь в 1992 году. После развала СССР Государственный банк СССР был упразднен, а Государственный банк РСФСР был преобразован в Центральный банк Российской Федерации (Банк России).

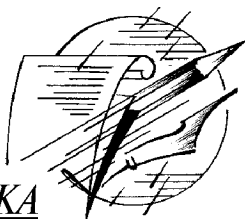
Та банковская система, которая сложилась в России 30 лет назад и которая, по сути, остается той же самой и сегодня, очень напоминает ту, созданную в Советском Союзе в конце 1920-х годов.

Как я постарался показать, за какие-то два года тогдашняя банковская система в результате кредитной реформы 1930—1932 гг. была радикально преобразована. Такая же радикальная реформа банковской системы России необходима и сегодня.

ПО НАЦИСТСКИМ ЗАВЕТАМ

Что мы сегодня видим в медийных СМИ? Выдающихся русских публицистов и ученых по-прежнему не подпускают к центральным каналам телевидения. Это — Олег Платонов, Валентин Катасонов, Валерий Ерчак, Владимир Большаков, Юрий Воробьевский, Татьяна Грачева и другие. Так, однажды В. Соловьев проговорился, что у него есть стоп-лист с несколькими сотнями фамилий, коих ни под каким видом не подпускать к телеэфиру...

Это же касается наших ведущих патриотически настроенных экономистов-государственников: главного статистического зубра Василия Семчеры (почил в 2020 г.), академика Сергея Глазьева, Александра Агеева, Сергея Батчиков, Константина Бабкина... То же самое можно констатировать в отношении нашего главного военного геополитика и мыслителя генерал-полковника Леонида Ивашова. За 15 лет пресс-конференций Путина ни один журналист из русских патриотических изданий не был допущен до них. До сих пор не отменена антирусская 282-я статья УК РФ, по которой было осуждено более тысячи русских патри-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

отов, многие из них прошли тюрьмы и лагеря или до сих пор томятся в них.

Мы вовсе не слышим на российских телеканалах имена русских гениев и талантов, ушедших от нас в последнее время: композитора Георгия Свиридова, академика и мыслителя Игоря Шафаревича, писателей Валентина Распутина, Василия Белова, Владимира Солоухина и Вадима Кожина, Василия Шукшина, художника и мыслителя Ильи Глазунова, скульптора и общественного деятеля Вячеслава Клыкова... Что уж говорить о гениях царской эпохи. За три десятилетия Николай Бурляев со своим кинофестивалем «Золотой витязь» открыли более восьми тысяч талантливых кинолент разных жанров, но в широкий кинопрокат они так и не пошли. Пошлятина и бездарность не терпят настоящей конкуренции. На телеэкранах — одна и та же надоевшая бездарная русофобская тусовка, мыльные телесериалы, вызывающая тошноту реклама и разные шоу и смеховины.

Мы хотим денацифицировать нынешнюю Украину, в основании которой лежит злобная и агрессивная русофобия. Однако, как видим, махровая русофобия процветает в нашей собственной стране. Первое условие для любого воспитания и перевоспитания — это добрый личный пример. Начинать надо всегда по-христиански — с самого себя. А если этого нет, то не будет и нужного результата. Думаю, что русофобия в России — одна из главных причин русофобии не только на Украине, но и в Прибалтике, на Кавказе и в Средней Азии.

В связи с войной на Украине и возродившимся бандеровским неонацизмом, да и 77-летием Великой Победы стало много разговоров о борьбе с фальсификацией истории. Но странное дело, мы не видим фальсификации, которая творится на наших глазах! Вот лишь несколько штрихов.

Все восемь главных заправил евромайдана в 2014 году случайно оказались махровыми сионистами. А именно: Яценюк (кличка Кролик; его мать из знатного хасидского рода Бакаи), Тягнибок (кличка Фюрер; его бабушка по матери носила фамилию Фротман, его прадед по отцовской линии звался Ленгин Цегельский, который был палачом галицких русинов и русофилов и депутатом австрийского рейхстага), Кличко (его бабушка по отцу — Этинзон), Порошенко (Вальцман), Тимошенко (ее дед по отцу — Абрам Капительман), Турчинов (Коган), Яворивский и Луценко (по матери). Главой «Правого сектора» случайно оказался Дмитрий Ярош, махровый сионист с детства. А костяк этой экстремистской организации случайно составили 300 израильтян, родом из

Украины, прошедших ЦАХАЛ. (Кстати, и сейчас, как отметила газета «Едиот Ахронот», в Израиле ведется подготовка отборных диверсантов в помощь украинским неонацистам и ВСУ. Более того, как стало известно, израильский спецназ из подразделения «Голани» уже участвует в боевых действиях и инструктирует новобранцев на Украине, вряд ли это происходит без ведома властей Израиля.) Первым послемайданным премьером случайно оказался Сеня Яценюк с раввинской родословной, а его жена Терезия случайно оказалась из знаменитого хасидского рода Гуров. Вторым послемайданным премьером, опять случайно, оказался сын Сиона — Владимир Гройсман. Первым послемайданным президентом случайно стал «богоизбранный» Петр Порошенко (Вальцман). Вторым — также случайно оказался еврей Владимир Зеленский. Поразительная цепь случайностей!

В интернете приведена статистика национального состава руководства Украины:

— Верховная рада: евреи — 43%, русские — 34%, украинцы — 22%, другие — 1%;

— Кабинет министров: евреи — 62%, русские — 15%, украинцы — 15%, другие — 8%.

И это при 0,2% евреев в составе населения Украины. Некоторые оспаривают эту статистику, не приводя при этом никакой другой. Ясно, что время от времени эти цифры колеблются, правда, принципиально не меняя картины. Еще вспомним про институт сионских невест: у многих руководителей неевреев оказываются «сионские шеи». А также, как и после 1917 года, русские и украинские руководители со всех сторон обкладываются еврейскими заместителями, советниками и помощниками. Все это надо учитывать при рассмотрении национального состава руководства страны. На сегодня это фактически запретная тема. Есть такой замечательный публицист, знаток еврейской проблемы, честный еврей из Харькова Эдуард Ходос, который уже много лет буквально кричит о еврейском засилье в руководстве Украины.

Что касается сионистских персоналий нынешней независимой, то они, ясно дело, маскируются под украинцев, как в свое время Арсений Яценюк. Правда, кой-какая информация все же проскальзывает. Вот лишь несколько фамилий лиц с еврейскими корнями: премьер Денис Шмыгаль; министры: Алексей Резников, Вадим Гутцайт, Алексей Чернышов, Дмитрий Кулеба, Юлия Свириденко... Пытливый читатель уточнит и дополнит этот список.

Сделаю важное уточнение: нынешний режим на Украине не нацистско-бандеровский, как обычно говорят, а жидобан-

деровский, что намного хуже и страшнее. Игорь Коломойский в свое время публично дефилировал в майке с надписью «жидобандера». По концепции этногенеза Льва Гумилева, есть государства-химеры, когда руководство страны — «голова» — составляет один народ, а ее «тело» — другой, аборигены. Две совершенно разные по религии, культуре, менталитету и традиции части. Он показал это на примере Хазарского каганата, где «голова» была иудейская, а «тело» — тюркское. Есть также аналогичная концепция академика Игоря Шафаревича — малый и большой народ в Державе.

Как видим, нынешняя Украина тоже стала формироваться как государство-химера, с сионистской «головой» и «телом» их малоросских аборигенов. Как показывает мировая история, когда сионисты начинают доминировать в государствах, то эти государства ослабевают, беднеют, деградируют, разворачиваются и погибают: Древний Рим (V в.), Византия и Испания (XV в.), Польша (XVIII в.), Царская Россия (1917 г.). Подобно паразитам в природе, сионисты высасывают из жертвы все соки, и она постепенно погибает. Это же наблюдается на современной Украине: экономика развалена; задолженность огромная; невероятные воровство и коррупция; по жизненному уровню — на последнем месте в Европе; земля и недра распродаются; наркомания; официально зарегистрирована церковь сатаны; тотальное вранье; фальсификации и обольванивание населения... Страна превращена в полуколонию с внешним управлением. Несостоявшееся государство.

Правда, сейчас на Украине явно добавилась третья компонента — янки с их пакостным менталитетом и гнусной историей. Получилась триединая страшная ментальная «гремучая смесь», какой мировая история еще не знала.

Чтобы понять, что сейчас происходит в незалежной и еще долго будет тянуться, надо знать суть евромайдана, предысторию и истоки нынешней тяжелой и трагической проблемы государства-химеры.

«Во времена всеобщей лжи говорить правду — это экстремизм» (Оруэлл Дж. 1984. М.: Прогресс, 1989).

Третий президент Америки Томас Джефферсон 200 лет назад сказал удивительную фразу: «Мне жалко смотреть на моих сограждан, которые, читая газеты, живут и умирают с верой, что им стало что-то известно о том, что происходит на их глазах». Сказано, как будто вчера, и о населении современной Украины. Многим ныне жалко смотреть на своих сограждан, кои смотрят «зеленское» телевидение и думают, «что им стало известно о том, что происходит на их глазах» сейчас в стране. Да, современная информационная война,

поток фейков плюс изощренные провокации делают высказывания Джефферсона удивительно актуальным.

В январе 2017 года на корабле «Кристина» из Хайфы в Одессу приплыли 183 израильских переселенца на Украину. Так начался проект «Новый Иерусалим». Что собой представляет сей проект, замалчиваемый мировыми СМИ? Намечается колонизировать евреями пять украинских областей: Днепропетровскую, Запорожскую, Херсонскую, Николаевскую и Одесскую. К середине 2018 года должно было приехать на Украину 100 тысяч сынов и дочерей Израиля, а к 2027 году — 6 млн. евреев из Израиля и 12 млн. из других стран. Планируется две столицы (центра): в Одессе — культурная и в Днепропетровске — финансово-экономическая), где, кстати, крупнейший в мире еврейский культурный центр. Замысел грандиозный. Должен быть создан новый Израиль на пяти лучших землях Украины.

Ясно, что сей проект зародился в умах сионистов не вчера. Отсюда понятно, почему ударной силой «Правого сектора» еврея Дмитрия Яроша являлись 300 израильтян, прошедших ЦАХАЛ, а также зачем и почему свергался Янукович со своей командой и с каким дальним прицелом был организован евромайдан и приведен к власти на Украине хазарский кагал. Конечно, реализация проектов всегда отличается от самих проектов, но то, что замышляют сыны дьявола, они обычно и осуществляют. Замыслили — и силой, деньгами, обманом и реками арабской крови добились создания государства Израиль на палестинской земле, изгнав с нее миллионы палестинцев.

Проект «Новый Иерусалим», конечно же, согласован с мировым сионизмом и с нынешним руководством Украины. Глава полумиллионного еврейско-масонского ордена «Бнай Брит» Генри Киссинджер в 2012 году заявил, что через десять лет государство Израиль перестанет существовать. В интервью газете «Нью-Йорк пост» он однозначно заявил: «К 2022 году государства Израиль не будет». И потом еще дважды повторил эту мысль. Деятели такого ранга слов на ветер не бросают. Киссинджер знал, о чем говорил.

Еще раньше знаменитый любавичский ребе Шнеерсон оставил после себя иудеоцентричный прогноз нового миропорядка, который никто не опроверг и не назвал фальшивкой. В частности, он считал, что через несколько десятилетий в результате глобального потепления (и южного зноя) территория нынешнего Израиля станет малопригодной для проживания. Отсюда — потребность в создании сионистского еврейского государства. С территориями «богоизбранные»

давно определились. Шнеерсон считал, что Украина, Кубань, Ростовская область — исконные земли древней иудейской Хазарии, и евреи должны их себе вернуть.

Палестинский пророк шейх Ясин тоже предрекал с 2022—2025 годов невозможность проживания евреев на нынешней территории Израиля из-за тяжелого климата, природных аномалий, враждебного отношения к Израилю окружающего арабского населения и грядущего катаклизма «Битвы Конца». «Битва Конца» — это откровение библейских пророков о финальной мировой войне: в нынешних условиях в треугольнике США—Россия—Китай с запалом на Ближнем Востоке или на Украине. Ко всему прочему, у главного спонсора и защитника Израиля — Америки в ее высших эшелонах власти все чаще раздаются голоса, что израильское бремя для США слишком накладное, что Израиль надоел с его бесконечными и беспросветными конфликтами с арабами, из-за которых последние всё недоверчивее смотрят на янки, что пора оторвать от себя этого паразита и кровососа и отдать его на откуп стихии арабского мира.

Как видим, всё складывается один к одному, и проект «Новый Иерусалим» становится всё более необходимым и оправданным для сынов Сиона.

Как сообщало в 2020 году на своем сайте израильское информационное агентство «Небесный Иерусалим», на Украине теперь не только Рада, но и всё правительство, кроме министра МВД Авакова, будет состоять из молодых евреев, нигде прежде не работавших и прошедших через американские НКЮ. Возраст членов нового «Кабинета министров» в большинстве своем от 25 до 35 лет, т.е. поколение специфически подготовленных и зомбированных западной пропагандой молодых исполнителей воли транснациональных корпораций по созданию на территории независимой «Небесного Иерусалима» или, говоря приземленнее, Нового Израиля. Собственно, для этого, для подписания с Зеленским неких «секретных протоколов», и прилетал в конце августа 2020 года на Украину премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху, о чем также сообщил информационный интернет-канал «Небесный Иерусалим». Не случайно визит Нетаньяху в Киев стал первым визитом в независимую главу другого государства после вступления Зеленского в должность президента. И опять же не случайно одним из первых законов, поставленных к утверждению новой Верховной радой, являлся закон о продаже украинской земли. То есть украинская территория очень скоро будет распродана тем самым транснациональным корпорациям, во главе которых стоят олигархи опреде-

ленной национальности. О том, что это произойдет в ближайшем будущем, этот интернет-канал сообщал еще ранее.

Что ждет украинцев в «Новом Иерусалиме», несмотря на щедрые посулы его организаторов, догадаться нетрудно: эксплуатация, рабский труд и изгнание гоев со своей земли, как это было в Палестине. Украинский политический и общественный деятель Беркут-Гокко заявил: «Украине хватит пяти миллионов жителей, остальных — утилизировать». Вряд ли совпадение то, что он назвал те же цифры, что в свое время озвучила Маргарет Тэтчер и другие масонские деятели, утверждавшие, что от России надо оставить 15 миллионов, а от Украины — пять миллионов. Вот такие виды на Россию и Украину от мирового сионизма! Для своих планов сионисты-талмудисты всегда используют людей и народы втемную (русских — в 1917 году, немцев — в 1933-м, малороссов — с 2014 года), как пушечное мясо, не считаясь ни с какими их жертвами, как, впрочем, и с жертвами простых евреев. Очень грустно видеть, что они сотворили с мозгами и душами украинцев, как отравили злобной русофобией их души, оторвали от своих родовых корней, заставили ненавидеть и презирать всё русское, как превратили многих в зомби. Грустно и страшно!

г. Севастополь

ОТЕЦ ГРИГОРИЙ

РАССКАЗ

Очень худо было Олегу, так худо, что... Он посмотрел на стакан люстры, что скрывал крюк, и гримаса отвращения появилась на его лице.

«Не дождётесь... — пронеслась в голове расхожая фраза. И тут же: — Слава богу, что дома проснулся, а не в морге».

Это было не с похмелья и — не шуткой.

Где-то полмесяца назад Олег действительно проснулся в морге. Как это произошло? Да очень просто. За неделю до того, как попал в морг, выехали на пикник: Олег и двое его приятелей. Каждый на своей машине, семьями. Расположились на берегу небольшой речушки. Как и положено, установили мангал, разожгли огонь. Всё приготовили, выпили под шашлык. А конец мая, жара. Светку, жену Олега, разморило. Она и прилегла на заднее сиденье его старенького «мерса». Машина же стояла аккуратно у самого берега, под уклоном, носом вверх. И как уж так получилось... то ли сам Олег забыл машину на ручник поставить, то ли дети баловались... Словом, машина покати-лась с горки и вместе со спящей в

ПРОЗА

ней Светкой съехала задом в речку. Спихнулись, когда на поверхности воды крыша одна сверкала. Разумеется, переполах. Только Олег спокоен, как удав:

— Да хрен с ней, — ответил он, не моргнув и глазом. — Эта не утонет.

Никто тогда толком не понял, а может, значения не придал, что имел в виду Олег: то ли хрен с машиной, то ли с женой. Но когда Светку вытащили — в том месте неглубоко было — и передали ей слова мужа, напуганная и протрезвевшая вмиг Светка пришла в бешенство, такую сцену ему устроила, что пикник пришлось свернуть. А известно: женщину обидеть — себе дороже. Тем паче жену. Здесь уже, считай, пропал. Мстительная она, сделать может такое — врагу не пожелаешь.

Похоже, не простила Светка мужниных слов. Он же, беспечный и чуждый ухищрений, даже не подозревал, на что способна его обиженная супруга, какой коварный «подарок» ему приготовила. Как раз в день его рождения.

Впрочем, это лишь одни домыслы: Олег до сих пор не знает, чьих это рук дело.

День тот пришёлся на четверг. Олег тогда работал в первую смену. А работал он в автосервисе, жестянщиком. Больше десяти лет на одном месте, поэтому знал, что будут его поздравлять, что на «сухую» отработать не получится и надо будет, по заведённой у них негласной традиции, проставляться.

Короче говоря, к концу смены он уже был, что называется, нетранспортабелен. Его и отправили на такси домой. Если он что и помнил, то очень смутно. Помнил, что домой вроде бы доехал без приключений. Ещё помнил, как жена открыла ему дверь. Даже, как ему теперь казалось, припоминал не сколько настороженный взгляд жены, её странную умилённо-коварную улыбку. Кого он не мог вспомнить, так это детей: то ли они были в другой комнате, то ли во дворе гуляли, то ли у тещи с тестем находились.

Не помнил он и праздничного стола, который по случаю его дня рождения обещала накрыть жена. Хотя... что-то всё-таки было. Он даже припомнил, как Светка усадила его за стол, сказала какой-то чудной тост и они, кажется, выпили. За его, естественно, здоровье, за его день рождения. А вот дальше... дальше ничего не помнил, как говорится, полная отключка.

Проснулся от холода. Сначала не понял, где находится. И как понять, если полумрак? Лишь почувствовал, что лежит на спине, необычно как-то, в очень неудобной позе, что будто бы снизу, под ним, что-то твёрдое и бугристое, а под лопат-

ками в спину что-то давит и мешает. Опёрся рукой, чтобы приподняться, да так и оторопел. Даже трудно сказать, что быстрее сработало — инстинкт или соображалка. Наверно, всё-таки чувство. Слева и справа от него кто-то лежал. И под ним, снизу, тоже кто-то лежал. А твёрдое и холодное, то, во что он упёрся рукой... Словом, те, с кем он находился, были как будто без признаков жизни.

Эта мысль пришла по двум причинам. Первую причину он объяснить не мог, ибо, как уже было упомянуто, сработало некое чувство, а вот вторую... кулаком надавить спящему на грудь с такой силой, с какой надавил своему соседу Олег, весивший под девянносто кэгэ... да-да, надавить живому человеку с такой силой, а тот — хоть бы хны, ноль эмоций, ни вздохов, ни ахов...

О-о, этот кошмар был пострашнее любого фильма ужасов. Потому что это был не фильм, а самая что ни на есть реальность. Когда он понял, где и среди кого находится, он не то чтобы оторопел — он был на грани предобморочного состояния. И если б не санитар морга, работавший в ту ночь и услышавший его дикий крик, трудно представить, чем бы для Олега закончилась вся эта история. Такого страшного потрясения он ещё не испытывал. И сейчас, лёжа на диване и глядя на люстру, вспоминая те ужасные минуты, он не мог смириться с мыслью, что всё это произошло с ним на самом деле. Ведь кому рассказать — не поверят! Да и сам он теперь с трудом верил, что с ним это случилось. Подобное, наверно, только в кино бывает.

Он уже почти не сомневался, что всё это подстроила Светка. В отместку за его глупый язык. Вот и поплатился. Но ведь он не со зла тогда брякнул — «хрен с ней», так, случайно вырвалось. И вообще... может, он и впрямь машину имел в виду, а не жену.

Но что было, то было. Да и мучило его теперь совсем другое, тем более что с того случая, с моргом, прошло достаточно времени, и на жену он зла не держал. Оставалась, правда, некоторая досада, но не более того.

Олег поднялся с дивана и, чувствуя сильную слабость, пошатываясь, прошёл на кухню. Взяв с плиты чайник, стал большими глотками пить воду. Руки слегка дрожали, а та, что держала чайник, и вовсе: металлический носик стучал по зубам.

Утолив жажду, вернулся в комнату и плюхнулся на диван. Но не лёг, а сел, откинувшись на спинку. Хотел закурить, но вспомнил, что сигареты ещё ночью закончились. Смятая от них пустая пачка почему-то находилась в пепельнице, сто-

явшей на столе, а окурки были разбросаны на полу, вызывая лишь отвращение.

«Бардак», — тяжело вздохнул Олег, но не сдвинулся с места. По жизни он любил чистоту и порядок, к коим был приучен ещё с детства, особенно дедом, у которого в квартире всегда было чисто, аккуратно прибрано, всё лежало строго на своих местах.

Утомившись сидеть, прилёг и с мрачным чувством стал прокручивать в памяти то, что произошло с ним за последнее время. Случай с моргом тут же отбросил, вспоминать о пережитом кошмаре было тяжело. Несколько дней ему казалось, что он пропитался специфическим мертвецким запахом, что от него пахнет то ли хлороформом, то ли ещё чем-то. Почти весь день не вылезал из ванны, треть флакона Светкиного шампуня израсходовал, смывал с себя грязь и запахи. Не только рубашку с брюками, но и нижнее бельё сменил. А всё казалось, что запах остался.

Словом, рассудок помимо воли отказывался думать о времянахождении в покойницкой. И пару дней спустя, появившись на работе, Олег, всегда любивший поговорить и порассуждать, был немногословен. Но утаить всё равно ничего не смог, и уже к обеду все в автосервисе знали, что с ним произошло. И можно ли было утаить? Весь вид и поведение Олега указывали на то, что с ним произошло нечто из ряда вон выходящее.

Бледный, заторможенный, точно зомби, он ходил по цеху, навлекая на себя разного рода неприятности: того и гляди — или под опускающийся подъёмник встанет, или электросваркой шибанёт его, или что-нибудь в этом роде с ним случится. Он и ушёл раньше. Вернее, отпустили его, сразу же после обеда.

«Лучше бы тогда до конца смены доработал, — думал Олег, лёжа теперь на диване, — возможно, в запой бы не ушёл».

Ведь после того, как Семёныч, мастер смены, домой его отпустил, всё и началось. Или продолжилось. Сейчас уже и не поймёшь. Сначала с дружками во дворе, а потом и вовсе непонятно, с кем и где.

И правильно, что Светка его выгнала — незаметно для себя перешёл он на самокритику — как знала, что жильцы съедут.

Он задумался: а не коварный ли тут подвох со стороны жены — сначала в морг, а потом из дома... Но что-то не сходилось, всё получалось естественно, и виноватым оказывался всё равно он. А жильцы, снимавшие квартиру, которую он сдавал, съехали чуть больше месяца назад. Правильнее сказать — вместе со Светкой они квартиру сдавали, просто квар-

тира досталась Олегу от деда, который три года как умер. Так вот, если б не съехавшие жильцы, Олегу и ночевать негде было бы. Дружки, с которыми он последнее время пил, лишь до первого стакана дружки, пока выпивка есть. Или деньги. А коснись чего — если какие-нибудь неприятности — продадут за милую душу. Событьельники, а не дружки.

«И зачем я во все тяжкие-то?!» — терзался Олег.

Под «тяжкими», конечно же, подразумевался запой, да такой продолжительный, что самому не верилось. Олег даже застонал, и в первую очередь от мысли, что ещё пару недель назад можно было бы всё поправить. Ну, прогулял он работу, сорвался, с кем не бывает... К нему даже Игорь приходил, накурник, в одну смену с ним выходили, так он рассказывал, что все его на работе понимают и сочувствуют. Начальство тоже навстречу пойдёт, прогулы оформят за его, Олега, счёт. Так что пусть он дурака не валяет: два дня на «акклиматизацию» — и в свою смену.

Олег сунул руки в карманы брюк с надеждой найти там какую-нибудь мелочь. И действительно в правом кармане обнаружил мятую купюру. Это была сторублёвка. Разгладив её и положив возле пепельницы, поднялся с дивана и начал искать деньги в джинсовой куртке. Обшарив все карманы, но так ничего и не найдя, снова завалился на диван.

«Интересно, Светке с зарплаты что-нибудь дал? Детям-то?..» — всё ещё тяготился он думами, стараясь хоть чем-то урезонить свою совесть. Но совесть мучила. И голова болела не столько с похмелья, сколько от мыслей. Неужели все деньги он вот так... на ветер? Найденная сторублёвка лишь усугубляла горечь вины. И что на неё купишь? Пару бутылок пива? Хотя бутылка пива ему сейчас не помешала бы. Но не хотелось выходить из квартиры, не хотелось ни с кем встречаться. Тем более с соседями, у которых и денег наверняка назанимал, и которые знали его как облупленного, знали о его загуле, так сказать, о дне его рождения. Ещё бы! Сам всем растрезвонил, что ему стукнуло тридцать три — возраст Христа.

Олега вдруг с какой-то надсадой задела мысль, что он посмел, пусть даже в такой, отвлечённой форме, провести некую параллель с Христом. «Что толку, — рассуждал он, — что достиг такого возраста? Что из того? Ведь если покаяться, как на исповеди, без утайки, во всей полноте, то грехов наберётся — не вагон, а состав железнодорожный. А он... возраст Христа...»

Дело в том, что эта квартира в двухэтажном кирпичном доме, построенном так давно, что Олег даже не знал, когда именно, и доставшаяся ему по завещанию от деда (хотя тот

уже с отцовой мачехой жил, и претендентов на квартиру хватало), пробуждала в нем противоречивые воспоминания.

По рассказам деда, когда тот только-только въехал в этот дом, получив от исполкома комнату в коммуналке, в каждой комнате, даже на кухне, были печи-голландки. Топили углём, который хранили в деревянных сараях, недалеко от дома. У каждой семьи был свой сарай. Там же, при желании, конечно, держали скотину, большей частью мелкую.

То время Олег уже не застал. Помнил только сторевшие остовы этих сараев. Их почему-то долго не убрали. Наверное, никому не было до них дела. И правда, кому это нужно, когда в стране полный бардак был. К тому же район давно газифицирован, и все дома снабжены горячей водой. Лишь лет десять назад всё, что оставалось на пепелище, сгребли и вывезли, а участок разровняли и заасфальтировали, сделав автостоянку. Детскую площадку тоже построили. Словом, облагородили территорию.

Так вот, Олег смутно помнил, что в одном из тех сараев, по слухам, конечно, кто-то то ли руки на себя наложил, то ли сторел. И всё из-за того, говорили, что некие недостойные человека и противные Богу «параллели» проводил.

И ещё вспомнилось. Когда дед был жив, в большой комнате (вторая, маленькая, досталась ему позже как ветерану Отечественной войны), в её восточном углу, на полке, в киоте стояла икона. Олег до сих пор помнил её название — Почаевская Божья Матерь. Киот покрывал рушник — белый, с ярким красивым орнаментом. А ещё на полке, перед киотом, теплилась лампада. Олег, правда, не помнил, чтобы дед когда-нибудь её зажигал, но кажется, что фитилёк лампады как будто бы всегда горел. В общем, к иконе этой относился он очень бережно, ухаживал за ней, как за живой, и однажды, когда Олег очень уж раскапризничался, — ему, наверно, года три было, — остерёг: «Будешь проказить, Боженька ушко отрежет».

Это так поразило его, так запало в память, что никакими словами не передать. И сейчас, не сказать чтоб очень ранимая, душа Олега хранила воспоминание о том давнем случае с неописуемо сладким трепетом. Вот почему, вспомнив про свой день рождения и возраст Христа, он вдруг обеспокоился. Да разве он, пусть даже косвенно, вправе сравнивать себя с Тем, Кто... Страсть-то какая!..

Олег снова поднялся с дивана и обвёл тяжёлым взглядом комнату. Он не надеялся найти в киоте старую икону, так как много лет её уже не видел. Она пропала. Когда? Трудно сказать. Первый раз сдавая жильцам квартиру и забирая лич-

ные вещи, уже тогда Олег икону не нашёл. Куда она подевалась, он не знал, и теперь корил себя. Даже что-то ёкнуло у него внутри, словно в душу что-то закралось, а по сердцу кто-то острым царапнул.

На всякий случай прошёл в маленькую комнату, оглядел и её. Но искать икону не стал, не было смысла. С тех пор, как он последний раз её видел, в квартире несколько раз ремонт делали. Правда, чаще косметический, но всё же... могли и выкинуть.

От мысли, что икону могли выкинуть, он даже застонал. За все годы своей сознательной жизни ему впервые так жалко стало икону, а на сердце стало так муторно, что на глазах невольно выступили слёзы. Не склонный к сантиментам, прислонившись спиной к косяку, он стал медленно сползать вниз и, уже сидя на корточках, обхватив руками голову, тихо, с подвывом, снова простонал:

— Де-е-ед...

Во рту у Олега пересохло, но пить не хотелось. Он с трудом слотнул то, что было слюной, поднялся с корточек и прошёл в ванну. Раздевшись, с минуту стоял под холодным душем. Лишь потом пустил горячую воду.

Мысли пришли в некоторый порядок, но легче не стало. Прогулы на работе, разлад в семье... Всё это давило, угнетало. И холодильник был пуст. А голод, как говорится, не тётка. Надо было что-то делать.

Наскоро побрившись, избавившись от недельной щетины, приведя себя, что называется, в божеский вид, вышел на улицу.

Солнце застыло в зените и безжалостно палило. Стоя у подъезда, под козырьком, огляделся. Густые заросли уже отцветающей сирени и деревьев скрывали обзор, но по доносившимся неподалёку голосам и звукам было ясно, что двор не безлюден.

Стараясь не попасться на глаза соседям, Олег осторожно перешагнул через низкий металлический штaketник и, пройдя вдоль стены дома, свернул за угол и пошёл по протоптанной тропинке через палисадник в сторону высокого забора, где были выбиты доски. Он уже хотел было нырнуть в проём, как вдруг лицом к лицу столкнулся с Игорем.

— Надо же... — нисколько не удивился тот. — Как знал, что здесь надо идти.

Олег посторонился, уступая приятелю проход: не хотелось выходить на тротуар, где за забором среди прохожих немало знакомых, лучше уж в палисаднике поговорить.

— Куда направился-то? — спросил Игорь.

Олег пожал плечами: он и сам ещё не знал, куда.

— Со Светкой-то как? Всё по-старому? Или?.. — Игорь сыпал вопросами, как компьютерная игра-стрелялка, не дожидаясь ответов. Казалось, они ему были не нужны. Вернее, он и так всё знал. Или догадывался.

— Денег не одолжишь? — мрачно оборвал Олег.

Игорь выдержал значительную паузу и, загадочно улыбаясь, полез в барсетку. Вынул сто долларов.

— Рублей нет?

— Есть, но тебе вряд ли хватит.

Олег почесал затылок и, словно сам делал Игорю одолжение, нехотя произнёс:

— Ладно, давай доллары. Только знай: отдам нескоро.

— Можешь вовсе не отдавать.

— Шутишь?

Игорь продолжал загадочно улыбаться, и эта загадочность сбивала Олега с толку, он даже внутренне напрягся, мысли замелькали одна хуже другой. Первая мысль: не продал ли он Игорю по пьянке свой «мерс»? Игорь давно хотел у него машину купить, сменить свою «девятку» на иномарку. А может, во время запоя Олег такое накуролесил, что сам теперь не помнит?..

— Да успокойся, — приятель вдруг понял, что перегнул палку. — Это твои сто долларов. Когда ты только... ну, словом, когда ты уже в загуле был, мы с тобой на улице встретились, случайно, ты мне двести долларов и отдал.

— Зачем? — не понял Олег.

— На сохранение.

— На сохранение?!

— Ну да. Ты так и сказал: на сохранение. За тобой тогда такой длинный хвост тянулся...

— Какой ещё хвост? — опять не понял он.

— Да пьянь вся местная...

Как уже сегодня случалось, Олег от досады чуть было не застонал, но перед Игорем показывать собственную слабость...

— А почему сто долларов, а не двести отдаёшь?

— Хм, — весело хмыкнул Игорь. — Да потому что сто долларов я тебе ещё неделю назад вернул.

— Зачем?

— Так ты ко мне домой ночью ввалился, в два часа... Всю семью разбудил. Такое устроил!.. Так что скажи спасибо, что хоть эти сто долларов сохранил. Ведь ты всё просил вернуть.

— Вот дурак-то!.. — вырвалось у Олега.

— Дурак?! — теперь не понял Игорь.

— Да я дурак, что сотку у тебя тогда забрал. И зачем ты только отдал её?

— Ну-у, брат... попробовал бы я тебе её не отдать... Ты бы весь подъезд на ноги поднял, всех жильцов разбудил бы...

Олег раздражённо махнул рукой: дескать, хватит, и так тошно.

Какое-то время стояли молча.

— Мне пора, — сказал Игорь, — на работу. У меня же вторая смена сегодня.

Вышли на дорогу, где неподалёку, на обочине, была припаркована машина Игоря.

— Ты это... прекращай с пьянством-то, — сидя уже за рулём, произнёс он. Включив зажигание и выжав сцепление, добавил: — Семёныч всё понимает. С начальством он договорится. Короче, он даёт тебе ещё один шанс: два дня. Не выйдешь — пеняй на себя.

И резко, не без лихачества, сорвался с места и укатил.

Когда машина Игоря, подняв клубы пыли, скрылась, Олег тут же направился к торговому центру, где находился пункт обмена валюты.

По пути, ещё издали, он заметил свой сверкающий на солнце рубиновый «мерс». После неудавшегося пикника, тогда же вечером, иномарку вытащили из реки автокраном и на погрузчике привезли на автостоянку. Машина до сих пор не просохла, хотя все дни стояли жаркие, но оставлять её надолго с открытыми дверями и багажником Олег не решался: иномарка хоть и старая, но «начинка» в ней — любой шумахер позавидует. И как оставить её с настежь распахнутыми дверями и открытым багажником, да ещё на ночь?.. Тут же умельцы найдутся — до винтика разберут. А с охраны взятки гладки, сопи потом в две дырочки.

Машину, конечно, надо было бы отогнать в сервис, в котором работал Олег: там и охрана своя, и вообще всё было бы по высшему классу, но так уж получилось — не сразу сообразил, не до того было, и в первую очередь — из-за скандала со Светкой. А потом и вовсе в загул ушёл. Так что теперь, после всего случившегося, Олег даже думать не хотел о том, чтобы загнать машину в сервис.

Возле торгового центра он заметил тех, с кем не так давно, а возможно, ещё вчера, гужевался, скрашивал своё одиночество, был душой компании и, кажется, стихи Есенина читал. Стыд и совесть вдруг пробудились с новой силой и смешались воедино, во что-то такое, отчего Олег готов был провалиться сквозь землю.

Стараясь не глядеть на бывших собутыльников, пройти так, чтобы и его не заметили, сам себе удивлялся: неужели он с ними пил?.. с этими алкашами?!

Он даже имён их толком не знал. Одного, что был в грязных мятых джинсах и в помятой же засаленной футболке, в шлёпанцах на босу ногу, звали не то Валёк, не то Витёк. Имени второго, одетого примерно так же, Олег вовсе не помнил. Близоруко шурясь, поднеся к лицу ладонь, этот второй тыкал в неё пальцем, похоже, пересчитывая мелочь.

Олег видел только двоих, но догадывался: где-то неподалёку слоняется и третий, и он — в поисках, в надежде «настрелять» недостающие копейки, наскрести на чекушку или на «фuffyрик» боярышника. А если повезёт, то и на бутылку «палёнки». Но самое большое везение для них, так сказать, спиртоносный клондайк — это, конечно, такие, как Олег, полупьяные обалдуи, которые после семейных ссор, почувствовав вселенское одиночество, обиду на всё и вся, находят понимание и уважение в первой же забегаловке, где их и раскручивают, как последних лохов.

Но проскользнуть незамеченным Олегу не удалось: как ни ускорял, ни замедлял он шаги, прячась за прохожими, в какой-то момент всё же попал в поле зрения вчерашних собутыльников. И «срисовал» его третий — тот, что слонялся в толпе возле торгового центра, у многочисленных мелких магазинчиков и палаток. Этот третий, примкнув к своим товарищам, делал жесты рукой в его сторону.

Олег ускорил шаги и, минуя торговый центр, перешёл по «зебре» на другую сторону дороги. Поменять доллары он решил в сбербанке, что находился в нескольких минутах ходьбы, за церковью, золотая маковка купола и крест которой хорошо теперь просматривались на фоне чистого неба, между верхушек деревьев и панельных высоток. Правда, густые кроны тополей, что росли вдоль тротуара, иногда закрывали купол и крест, но давали тень, которой, прячась от солнца, и старался держаться Олег.

У ворот церкви он остановился. Вблизи золотой купол и крест пылали на солнце так ярко, что, глядя на них, приходилось щурить глаза. Именно так, сощурившись, Олег перекрестился. Даже подумал: не зайти ли? Но что-то его останавливало.

Возле кованой калитки, в это время всегда открытой, на пластиковом столике был выставлен деревянный ящик для пожертвований. Иногда, проходя мимо, увидев этот ящик, украшенный скромной резьбой и накладным крестом, Олег, если находил у себя мелочь, то как-то поспешно и почему-то

всегда смущаясь, крестился и, бросив деньги в прорезь, быстро уходил.

Вот и в этот раз, убедившись, что за ним никто не шёл, глядя на образ Божией Матери в арке над ажурными воротами ограды, вынул из левого кармана брюк сложенную вчетверо купюру и, чувствуя некоторую неловкость, быстро сунул её в прорезь деревянного ящика. И тут же остолбенел, словно его внезапно ударили чем-то по голове. Даже в затылке заломило. Он полез в правый карман и... не поверил своим глазам: в руке он держал сложенную вчетверо сторублёвку.

Как же так?!. Ведь он точно помнил, что положил доллары в правый карман джинсов, а в левом должна была лежать...

Его изумлению не было предела. И оно почти тут же сменилось таким отчаянием, что стало тяжело дышать. Возможно, действовала жара, а может, наступал пик похмельного синдрома. Но могло быть и то, и другое, и третье...

Олег стоял возле деревянного ящика и не знал, что делать. Сто долларов, будто с неба упавшие ему в руки, — которые он как пригодились бы ему теперь! — растаяли, как дым.

Маленький замочек, запиравший ящик с тыльной стороны, можно было легко открыть или сломать, но подобная мысль показалась настолько дикой, кощунственной, даже страшной, что Олег невольно перекрестился.

«Да что же мне так не везёт-то!..» — с отчаяньем подумал он, глядя на образ Божией Матери над ажурными воротами в неглубокой нише кирпичной арки. В какой-то момент ему даже показалось, что образ очень похож на тот, что когда-то стоял на полке в красном углу, в комнате деда. И сразу вспомнились слова: «Будешь проказить, Боженька ушко отрежет».

«Де-е-ед!.. — снова молча взмолился Олег. — Ну хоть ты подскази, что делать-то?..»

Ему было плохо, силы почему-то внезапно оставили его, так что трудно было даже стоять.

За решётчатой оградой, на прихрамовой территории, под пышными кронами деревьев, там, куда падала густая и широкая тень, Олег заметил скамейки. А так как будничное утреннее богослужение давно закончилось, — время близилось к обеду, людей, кроме обычных прохожих и зевак, не было. Олег, потоптавшись ещё немного у ящика, вошёл через открытую калитку во двор и направился к одной из скамеек.

Вязкий, прогретый солнцем воздух, его слабое колыхание под лиственной кучей, вызываемое едва ощутимым дуновением ветерка, затенённость и приятная прохлада этого уютного уголка — всё это создавало ощущение, что здесь даже дышать было легче.

Отсюда, со скамейки, хорошо просматривался фасад и южная сторона здания храма, можно было видеть центральные ворота и за ними пластиковый столик с ящиком для пожертвований, в который так опрометчиво Олег бросил сто-долларовую купюру.

Конечно, деньги не то чтобы уж очень большие, но неделю, а то и больше он бы мог свободно продержаться, если сразу не придется возвращать то, что назанимал за последние дни. А назанимал он, похоже, немало. Всех, кто давал займы, сразу и не вспомнишь. Потому и не хотел встречаться с кем бы то ни было.

Олег смотрел в сторону кованых ворот и не замечал, как из глубины его сознания некая грешная мысль уже капельками просачивается в его сердце, оседает в нём, закрадывается в душу. Искушение было настолько велико, что внутри началась самая настоящая борьба.

«Встань и уходи!» — подсказывал рассудок. «Не уходи, — противилась в нём что-то, — посмотри, как здесь хорошо — тишь да гладь, да Божья благодать». «Иди же, нечего здесь делать!..» И наперекор — в самом себе слышал: «Нет, посиди ещё. Там, за оградой, машины, пыль, сутолока, а здесь чудно... И деньги, их надо как-то вернуть».

Трудно сказать, чем бы закончилось противостояние чистого порыва с греховным помыслом, если бы не священник, появившийся так внезапно, будто из-под земли вырос. Олег и не заметил бы его, если б тот первым не заговорил:

— Сколько за вами наблюдаю, а понять не могу.. Что-то тревожит вас, не так ли?..

«Не вовремя, ой как не вовремя», — словно в чём-то уличённый, смутился Олег и поднялся со скамейки, намереваясь уйти.

Священник же, видя это, спросил:

— Торопитесь?

Олег даже усмехнулся: дескать, приставучий-то. Но теперь невежливо было бы вот так, не сказав ни слова, просто уйти.

— Никуда не тороплюсь.

— И то верно, — молвил священник, — торопиться не надо, а коль торопиться, то не спеша... А то мы всё бежим, бежим куда-то, да не оглядываясь, а времени всё равно не хватает. А у Бога времени нет. — Помолчал и добавил: — Впрочем, и медлить плохо.

«Философ», — опять усмехнулся про себя Олег, вновь усаживаясь на скамейку.

По правде сказать, священник ему сразу не понравился. В том смысле, что молодой, не старше Олега, наверно. А моло-

дым какое доверие? Хотя... кто их сейчас разберёт, этих слушателей культа? Иной строг, важен, брюшко наел и вроде бы в почтенном возрасте, а сбрей ему бороду — ничего особенно, вся почтенность вмиг спадёт. И этот вот — тучноват и рыхловат, и ростом, кажется, удался, и во всём облачении, и с крестом, а щёки, как у младенца, румяные. И бородка жиденькая... ну, просто курам на смех.

— Вы почему-то в одну сторону всё поглядываете, — заметил священник и, достав из широкого рукава рясы носовой платок, промокнул пот на лице и на лбу, тонкими струйками уже начинавший стекать с бровей. Было видно, что он плохо переносил жару, даже дышал несколько тяжело и говорил с заметной одышкой. И потом, на протяжении всего разговора, он доставал платок и вытирал им пот.

На его замечание Олег промолчал: врать не хотелось, а говорить правду и вовсе.

— Вас как зовут?

«Вот достал-то», — начинал досадовать на себя Олег, что не ушёл. Но имя сказал.

— А меня — отец Григорий, — подсаживаясь к нему, представился священник.

«Тоже мне — отец...» — пронеслось у Олега в мыслях.

— А можно обращаться и так: батюшка, — простодушно продолжал отец Григорий. — Только вы мне так и не сказали, почему в ту сторону всё поглядываете, на ворота? Ждёте кого?

— Никого я не жду. Икона там, в арке, над воротами... — стал лукавить Олег.

— Что икона?.. — пытался понять отец Григорий.

— Красивая...

— Да, красивая... — священник спокойно, но так пристально смотрел Олегу в глаза, так глубоко проникал его взгляд, будто рентгеном просвечивал. Казалось, ещё мгновение — и он всё поймёт.

— Икона у нас дома была, — зачем-то сказал Олег, — Почаевская... тоже очень красивая. Пропала куда-то.

Олег вдруг поймал себя на том, что вроде как и не лукавит уже, ведь Почаевская икона Божьей Матери была и впрямь так красива, что он, тогда ещё совсем кроха, долго мог смотреть на неё. А иногда просил деда, чтобы тот взял его на руки и поднёс к иконе поближе, чтобы лучше разглядеть.

— В церковь-то ходишь? — спросил отец Григорий. Спросил так естественно, добродушно и так буднично, что Олег и не заметил, как священник перешёл с ним на «ты».

— Как вам сказать... — пожал плечами Олег.

— Как есть, так и скажи.

— Тёща больше. Жена иногда...
— А сам?
— Да времени всё как-то нет, работа...
— Ну да, ну да... — отец Григорий всё так же пристально смотрел на Олега.

— Дед мой сильно верующим был, — словно в чём-то оправдываясь, произнёс Олег и под взглядом священника потупился. Но тут же устремил взор на купол храма. — Икона у него была...

— Это я понял. — Отец Григорий погладил свою жиденькую бородку, провёл пальцами по наперсному серебряному кресту, как будто тоже погладил его. — Сам-то... в Бога веришь?

Олег слегка растерялся: ответить, что верит, будет неправдой, а если — не верит, вроде как тоже... неправда. Ведь внутри-то, в сердце, в душе, когда ему очень плохо, он, Олег, всё же иногда поминает Бога. Вот и сегодня вспомнил Христа...

«Господи, — негодовал уже Олег, — да что же этот поп душу-то из меня вынимает?!»

— Вы сами-то... верите? — дерзко, с вызовом, вырвалось у Олега.

— Верю ли?! — удивился отец Григорий. — Как же не верить-то?.. Потому и боюсь, и трепещу...

— Бойтесь?! — теперь пришлось удивляться Олегу. — Чего же бояться, если вы в Бога верите?

— Оттого и боюсь, что верю.

— Вы же священник, чего же вам бояться?

— То-то и оно, что священник. И как не бояться-то?.. Да на мне грехов, поди, больше, чем на тебе, — без всякой затейливости ответил отец Григорий.

— Что ж вы такого сделали? — недоумевал Олег, с затаённым недоверием принимая слова отца Григория. И как такому верить? Румянец на лице, бородка жиденькая... Был бы он постарше да поопытней, духовно тонким, так сказать, можно было бы ещё поверить, даже посоветоваться. Хотя... старые тоже — такого тумана иной раз напустят, и всё о смиренности, о милосердии... Слушаешь таких и диву даёшься: неужто всех за дураков считают? А этот и вовсе — как будто из семинарии недавно, жизни ещё не видел, а грехов успел хвататься, как кот блох.

— Так что вы такое сделали? — повторил свой вопрос Олег, скрывая иронию.

— Да грех-то — не только в делах, но и в помыслах, — ответил отец Григорий. — За мысли греховные тоже отвечать придётся. Ведь я не святой.

— А святые — не люди, что ли, не человеки?

— Человеки, конечно же, человеки, — простодушно согласился отец Григорий, как согласился бы с ребёнком, которому не навредит и малое потакание. — Только они другие человеки.

— Что-то я не пойму: святой — он что, не такой, как...

— Такой, такой, — мягко, даже как-то ласково перебил отец Григорий, — да не такой...

Сбитый с толку Олег некоторое время молчал. Священник тоже вроде как не торопился с ответом.

— А можно объяснить как-то попроще? — слегка сдвинул брови Олег.

— Что именно?

— Чем отличается святой, скажем, от вас? Ну.. не то чтобы от вас, а вообще...

— Что ж, можно и попроще. Во всяком случае, постараюсь.

На мгновение священник задумался. Но лишь на мгновение:

— У святого, а значит, у его души, нет изнанки, — начал он, — как, например, у жилетки или пиджака. У святого человека душа чистая и прозрачная, как солнечный свет, а у грешников эта изнанка есть...

— Подкладка, что ли?

— Пусть будет так, — не вступая в словопрение, сказал отец Григорий. — Только ведь и подкладка бывает яркой и красивой, не хуже, чем лицевая сторона, а всё равно остаётся подкладкой. Святой же человек — это и чудо Божие, и образ Божий. Вот ты говорил: икона у вас в доме была, красивая очень. Так святой — он, как икона, такой же образ, только живой. И это чудо! Потому и влечёт нас к святым, что в них живёт Сам Господь Своею благодатью, освещая нас Своим светом правды, чтобы мы грелись и утешались в этом свете.

— Говорите-то вы красиво, гладко, даже слишком гладко, а сами — встречали таких людей?

Отец Григорий грустно улыбнулся:

— Нет, не встречал. К сожалению, не встречал.

— Откуда же вы о них это знаете — благодать и всё прочее?..

— Да вот знаю. Как и другое знаю, — священник глядел Олегу прямо в глаза, — возомнил я о себе много, возгордился, вообразил о себе, что могу поучать и наставлять. И вот теперь — разглагольствую, сижу здесь без дела да советы даю, а это, может быть, и не полезно вовсе. Потому и получается, что из всех людей я самый грешнейший.

Отец Григорий тяжеломерно поднялся со скамейки.

— Не пойму вас что-то, — поднялся и Олег, вовсе сбитый с толку словами священника.

— Вот-вот, я и говорю: коль не смог я донести до тебя то, что хотел, какой же от меня прок. Видно, не достоин ещё. И святые отцы говорили: ничего мы не можем по себе. Ровным счётом ничего...

— Можно вопрос?

— Отчего же нельзя, спрашивай, — сказал отец Григорий, но уже давая понять, что время, которое он уделил собеседнику, на исходе.

— Если, например... — начал, было, Олег и стушевался, раздумывая, как бы лучше выразить свою мысль. Образовалась неловкая пауза.

— Смелее... что — если? — пришёл ему на помощь отец Григорий.

— Если доллары в тот ящик бросить? — Олег указал в сторону церковных ворот, за которыми находился ящик для пожертвований. — Это как?..

— Что как?..

— Ну.. если доллары туда... это правильно?

— Ах, вот оно что, — улыбнулся священник. — Понимаю. Занятный вопрос. По мне хоть их вовсе бы не было, этих долларов, всё горе от них. Ну а если нельзя иначе, что ж... кесарю — кесарево, как сказал Господь, а Богу — Богово. Но если есть выбор, лучше уж наши, а так... было бы не совсем безгрешно. — Немного подумал о чём-то и произнёс: — Ты в храм-то всё же приходи. В субботу. Или в воскресенье. Как сможешь, так и приходи. Всё будет хорошо. Всё наладится у тебя. Ты только терпи. Бог терпение любит. Если есть терпение, всё можно преодолеть. Он же нас любит, Бог-то. Это мы Его по лености нашей да по нерадению предаём. Как Иуды какие. Только тот один раз предал Христа, а мы предаём его каждый раз. Оттого и беды наши. — И напоследок ещё добавил: — А Почаевская, икона-то, никуда она не пропала, здесь она, — отец Григорий слегка коснулся ладонью груди Олега. — Береги её. А время придёт — и явится она тебе. Во всей красе и славе. Теперь же иди, — и священник осенил Олега широким крестом.

Олег даже не понял, как так получилось, что он безропотно, не сказав ни слова, направился по солнечной прогалине к церковным воротам. Сердце, вернее, то место, которого коснулся отец Григорий, приятно ныло. Казалось, что на рубашке, с левой стороны, остался невидимый отпечаток его ладони. Но самое главное было в том, что Олег был спокоен и верил в то, что всё у него будет хорошо.

...Ни в субботу, ни в воскресенье он в церковь не пошёл. Да и в последующие выходные тоже. Как только Олег помирился с женой, а это произошло на следующий день после знакомства с отцом Григорием, весь их разговор как-то вылетел из головы. К тому же он работал почти без выходных. Да и жильцов подходящих, чтобы сдать квартиру, надо было найти. Словом, заела суета. Появился он в церкви лишь месяц спустя, и то когда воскресное богослужение закончилось.

Храм был пуст, только в его притворе две пожилые женщины, одетые в тёмное, и в тёмных же платках, о чём-то негромко переговаривались. Та, что стояла за свечным столиком, обратила на него внимание, вопросительно взглянув.

— Мне бы отца Григория, — сказал Олег.

— А нет его.

Странно, но у Олега почему-то защемило сердце. Спрашивать вдруг расхотелось. Возможно, причиной было тёмное облачение женщин. И всё же спросил:

— А где он?

— Ты сам-то кем будешь? — подала голос вторая женщина, видно, помощница первой. Она стояла возле открытого шкафчика и раскладывала по полочкам мелкую церковную утварь.

Олег неловко пожал плечами:

— Так... знакомый.

— Ну, если знакомый... в больнице наш батюшка. Сердце у него слабое. А тут ещё жара эта...

— Да, припекло батюшку, — снова подала голос та, что стояла за столиком. — И ведь не знал никто. А гипертония — дело не шуточное.

Олег даже некоторое облегчение почувствовал, а то уж, было, подумал...

— Я что-то тебя не припомню, — уже пытливо посмотрела на него женщина, что копошилась возле шкафчика. — Ты из наших ли?

Олег растерялся.

— Ой, Антонина, да ты что такое несёшь-то? Из наших, не из наших... Что человека в краску-то вгоняешь?

— Я что, я ничего... — стала оправдываться Антонина, — спросила только.

— Ишь ты, спросила... То юбку короткую заметишь, то брюки в обтяжку... Каждого одёрнешь. Разве так можно? И батюшка тебе не раз говорил: нельзя судить человека по внешности. А ты, мил человек, — обратилась уже к Олегу, — коли знаком с батюшкой, молись за него.

— Молиться... — вовсе растерялся Олег.

— Ну да, за скорейшее выздоровление батюшки, авось на Ильин и вернётся.

— Дай-то Бог, — перекрестилась та, что звали Антониной, — ведь совсем молодой. Ему, поди, и пятидесяти нет, а уже по больницам...

— Сорок семь недавно было, — ответила другая.

Олег слушал и недоумевал: ведь думал, что отец Григорий, если и старше его, то ненамного, а получается...

— Вы сказали, что надо молиться за батюшку, — он не смог бы объяснить, как вырвались у него эти чудные, как будто вовсе не его слова, но они вырвались, произнеслись сами собой, словно кто-то подтолкнул выговорить их вслух. Он даже немного удивился себе.

— Ну да, молиться, — повторила та, что находилась у столика. — Утречком или вечером встал — и помолился. Читай и молись. Чтением человек освящается. Так наш батюшка говорит.

— Не умею я, — признался Олег.

— Да это нетрудно. Главное, чтоб от сердца молитва шла.

— Я и слов-то не знаю.

— А ты вот это купи, здесь всё есть, — женщина взяла с полки небольшую в переплёте книгу и положила на столик так, чтобы Олег мог прочитать название. — Тут всё просто, — продолжала она, — раскроешь книжечку и найдёшь, что тебе надо.

Он шёл домой, неся в красном целлофановом пакете «Молитвослов». Шёл и всё больше себе удивлялся, что купил то, что отродясь и в мыслях-то не держал, что ещё недавно — да что там недавно! — никогда в жизни не купил бы. Но вот случилось же... Сказать кому из своих — не поверят. Хотя... про морг-то поверили, про то, как он в морг-то попал...

Олегу вдруг припомнились слова отца Григория, что всё будет хорошо, всё наладится.

А на Ильин день, Бог даст, и батюшку из больницы выпишут.

г. Подольск Московской обл.

ВОЛЧЬЯ СМЕРТЬ

РАССКАЗ

Поздним июльским вечером волчья стая томилась на лесистом увале в ожидании сигнала «разведчика». Наконец со стороны реки донесся призывный вой. Он не срывался на последней ноте, а завершался плавно гаснущим звуком, возвещавшим — «чую добычу». Через минуту он повторился, наводя на всё живое безотчётный страх.

Отвечая вразброд, потянулись ввысь голоса встрепенувшейся стаи: «Слышим, жди!»

«Видящие» носом не хуже, чем глазами, волки затрусили, то опуская, то вскидывая головы, стремясь не пропустить ни единого запаха. Бесшумно скользя сквозь непролазные заросли, мягко прыгая через поваленные стволы и рытвины, звери готовы были в любой миг замереть или молнией ринуться на жертву.

Вёл стаю матерый волчище — Дед. Он заметно выделялся среди прочих широкой грудью и более мощным загривком.

Звери, поначалу ровно семенящие, учуяв воделенный запах сохатого, перешли в намёт. Густой лес не замедлял их бег: подсобляя хвос-

ПРОЗА

том-правилом, они ловко маневрировали среди стволов и зарослей кустарника...

Лось, дремавший в скалистой нише, заслышав вой, вскочил и, ещё не понимая, откуда грозит опасность, затоптался на месте. Увидев множество приближающихся из темноты огоньков, понял — схватки не избежать. Готовясь к бою, он притиснулся задом к отвесной стене и, набычив голову, выставил громадные рога.

Опытные волки взяли сохатого в полукольцо. Дальше всё должно было развиваться по отработанному сценарию: вожак, отвлекая жертву, всем своим видом демонстрирует готовность вцепиться ему в глотку, а остальные нападают с боков и режут сухожилия задних ног. Но, разгоряченный бегом Дед совершил ошибку: сходу кинувшись на быка, попал под сокрушительный встречный удар — острое копыто проломило грудь.

А вот налетевшие с боков, сработали четко: лось беспомощно осел на землю. Воспользовавшись промашкой вожака, его давний соперник — Смелычак, первым сомкнул челюсти на горле сохатого и, дождавшись, когда тот, захлебываясь хлынувшей кровью, перестанет бить ногами, взобрался на поверженного гиганта. Мельком глянув на истекающего кровью Деда, Смелычак понял, что тот не жилец, и победно вскинул голову: наконец пробил его час! «Отныне я вожак!» — говорили его поза и грозный оскал.

Он, выделяясь отвагой и силой, несомненно, являлся достойным преемником. Смелычак был настолько ловок и силен, что умудрялся на ходу вырывать куски мяса у бегущей жертвы.

Попирая справедливые порядки, устоявшиеся в стае за годы предводительства Деда, Смелычак действовал нагло, подчиняя стаю своим желаниям. И, что странно, волки безоговорочно слушались. Это доставляло ему особое, прежде неведомое наслаждение — наслаждение безграничной властью.

Способствовало уступчивости стаи и изобилие в этом году мяса. Оленей расплодилось так много, что хищники безо всяких усилий резали их чуть ли не каждый день. Сытная жизнь упрочила владычество Смелычака и нескольких приближенных ему угодников: вокруг него образовалась как бы стая в стае.

Покорность сородичей довольно быстро растила вожака-деспота. Предпочитая, чтобы, высунув языки, охотились простые члены стаи, Смелычак со свитой приближённых подходил к добыче лишь когда жертва уже дымилась кровью. Поначалу отнимали ее силой, но мало-помалу добытки свыклись с этим беспределом и, безропотно отходили, дожи-

даясь своей очереди. Лишь изредка, когда охота ожидалась необременительно-лёгкой, Смелычак, дабы размяться, тоже участвовал в ней.

Возможность играючи, без усилий добывать пропитание, привела к тому, что и остальные, доселе вроде нормальные волки, стали предаваться дикому разбою.

Жители деревни всё чаще натыкались на остатки зарезанных, порой не тронутых, оленей. Как-то даже обнаружили растерзанного волками медвежонка. Рядом, уткнув морду в живот, сидела оглушенная потерей медведица. Безвольно опустив передние лапы, она, горестно поскуливая, раскачивалась из стороны в сторону.

Люди ругали серых, но в тоже время полагали, что «на всё воля Божья». А стая, почувствовав себя хозяйкой окрестной тайги, стала бесцеремонно промышленять даже возле деревушки. Затравленные олени всё ближе жались к окружавшему её заплоту.

Однажды табунок, в надежде, что волки не посмеют подойти к человеческому жилью, расположились на ночь прямо у бревенчатого частокола. Не успели олени задремать, как встревоженно захоркал бык-вожак. Животные вскочили, сбились в кучу. Один олень вдруг начал ни с того ни с сего яростно, словно от кого-то отбиваясь, лягать воздух. Но сколько олени ни всматривались во тьму, так и не смогли разглядеть ничего подозрительного. Тем временем рогач, взвизвись на дыбы, упал и начал кататься по траве. Воздух наполнился запахом смерти.

А серые тени, уже не таясь, выныривали из тьмы, и вскоре табунок превратился в мятущийся хаос: олени вскидывались, хрипели и падали, захлебываясь кровью. Резня продолжалась меньше десяти минут. Когда, разбуженные яростным лаем собак, мужики принялись палить для острастки в чёрноту, все было кончено.

Утром при виде оленьих туш, лежащих на примятой, бурой от крови траве, скитники ужаснулись. Казалось, что даже небеса с немым укором взирают на картину бессмысленного побоища.

— Сие — проделки диавола в волчьем обличи! Пора дать ему укорот! — возмущался лучший стрелок — Пуля.

Еще до этого случая, изучая по следам жизнь стаи, этот кряжистый бородач смекнул, что ею верховодит башковитый, но жестокий зверь. Пуля был уверен, что если выследить и уничтожить вожака, то разбой прекратится. Распутывая волчьи следы, он не единожды выходил на место отдыха

стаи, однако хитрый волчара неизменно уводил её раньше, чем можно было сделать верный выстрел.

Смельчак тоже наблюдал за охотником. Пуля чувствовал это, и несколько раз их взоры даже скрещивались, но за то мгновение, пока он вскидывал ружье, зверь успевал исчезнуть — как будто растворялся в воздухе.

На этот раз терпение у людей лопнуло. Охотники договорились устроить засады на всех возможных проходах.

Пуле с братом Фёдором достался караул возле ключа, отделявшего кедрач от осинника. Натеревшись хвоей пихты, они устроились в кустах, держа ружья наготове. Привидением проплыл над головами филин. Вышли на прогалину олени. Сопя и пыхтя, полез на косогор упитанный барсук. И только волков не было ни видно, ни слышно, хотя они всё это время бродили неподалёку, искусно минуя засады.

Среди ночи, не смыкавший глаз Пуля, почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, но он так и не заметил Смельчака, вышедшего прямо на их засаду. Волк некоторое время понаблюдал из-за куста за давним противником и, развернувшись, увел стаю в путаную сеть отрогов.

Последующие засады также не дали результата. Решили насторожить самострелы на волчьих тропах. Через несколько дней один из них сработал: стрела пробила волка насквозь. Живучий зверь пробежал ещё с версту. Пытаясь зубами вытащить стрелу, он временами ложился на землю. Охотники нашли его по голосу ворона-вещуна, каркающего в таких случаях по-особому. Шкуру снимать не стали — от волка исходила невыносимая вонь.

— Питаются хорошим мясом, а пахнут дурно, — удивлялся Фёдор.

— А што ты хошь? Оне же слуги дьявола! — откликнулся кто-то из мужиков.

После потери собрата стая словно испарилась. Через год, ставшие уже забывать о ее существовании, люди вновь были потрясены жестокой и бессмысленной бойней в одном из распадков: большинство зарезанных оленей лежали не тронутыми. Повторные облавы и самострелы на тропах и на привадах теперь вообще не давали результата. Предыдущие уроки для серых не пропали даром. Поднаторевший Смельчак запросто разгадывал хитроумные замыслы охотников.

Однажды им всё же повезло. Случайно вышли на Смельчака и его приближённых в то время, когда они жадно рвали рогача. (Остальные члены стаи в это время терпеливо ожидали в отдалении, когда Смельчак и его приближённые наедятся.) Охотники не преминули возможностью поквитаться с

обнаглевшими хищниками. Меткие выстрелы Пули и Трофима уложили троих. Правда, Смелчаку и в этот раз повезло. Он с подругой находился за тушей и не был виден охотникам. При первых выстрелах они успели убежать.

Одна из пущенных вдогонку пуль настигла отставшую волчицу. Смертельно раненная, она повернулась к бегущим стрелкам и, оскалившись, пошла, шатаясь, им навстречу.

За это время, волки-добытки, ожидавшие в кустах своей доли, скрылись в чаще, незамеченные охотниками.

Утрата своры приближённых стала для Смелчака потрясением. Лишь на третий день он вернулся в стаю. Волки дремали, блаженно развалившись в самых немислимых позах. Увидев вожака, по привычке встали, но смотрели напряженно, иные даже враждебно. Воспользовавшись его отсутствием, главенство уже захватил Широколобый. Убедившись, что Смелчак один, без свиты, он ещё более осмелел и стал открыто демонстрировать свое непочтение.

— Померяемся силой? Давай! Я готов! — говорила его поза.

Смелчак понимал, что должен во что бы то ни стало осадить самозванца, но праздный образ жизни не прошел даром: он утратил былую силу и сноровку. Однако, понимая, что скорее всего уступит Широколобому, Смелчак не мог добровольно сдать власть — гордыня не позволяла.

Склонив голову набок, Широколобый настороженно следил за каждым движением вожака. Уже были показаны белые, как снег, клыки, поднята дыбом на загривке шерсть, гармошкой сморщен нос, неоднократно прозвучал устрашающий рык, но звери с места не сходили. Наконец Широколобый, делая вид, что отступает, принудил Смелчака совершить бросок. А сам этого только и ждал — отпрянув в сторону, он неуловимым боковым ударом лапы сбил вожака с ног и, нависнув над ним, принялся остервенело трепать загривок.

Поняв, что ему не одолеть молодого, Смелчак вырвался и метнулся в щажу. Еще никогда он не чувствовал себя таким опозоренным...

Давно заглохли последние верховые запахи стаи, а он всё бежал и бежал, кипя от бешенства и бессильной злобы. Наконец, добрался до местности богатой зверьем, где следы пребывания людей отсутствовали.

Смелчак быстро свыкся с участью изгоя и стал жить бироком. Правда, иногда на него наваливалась невыносимая тоска, но, не желая выдавать своё местоположение, он воздерживался от исполнения заунывной песни о своей горькой

доле. В такие минуты он лишь тихо и жалобно скулил, уткнув морду в мох.

Как-то, стая Широколобого, перемещаясь вслед за стадом оленей, столкнулась со Смельчаком. Волки с показным безразличием прошли мимо низвергнутого вожака. От унижения Смельчак заскрежетал зубами, да так, что на одном из них скололась эмаль. Ему, всю жизнь одержимому стремлением к главенству, жадной превзойти других, видеть такое нарочитое пренебрежение было невыносимой мукой, но пришлось стерпеть.

Утратив за время царствования охотничью сноровку, Смельчак вынужден был довольствоваться мелкой и, как правило, случайной поживой. Зато, хорошо разбираясь в оттенках голоса ворона-вещуна, он легко определял, что тот обнаружил падаль, и по его подсказке, не гнушался сбегать подкрепиться на халяву.

Однажды, переев сильно протухшего мяса, чуть не околел. А после поправки уже не мог даже приближаться к падали — у него тут же начинались рвотные позывы. Отвыкший быстро бегать, он приноровился размеренно и упорно, с присущей волкам неутомимостью преследовать добычу часами, а порой и сутками. Безостановочно шел и шел, не давая намеренной жертве возможности передохнуть.

Преследуемое животное поначалу уходило резво, но постепенно шаг тяжелел, клонилась к земле голова. Расстояние между хищником и добычей неуклонно сокращалось. Страх приближающейся смерти парализовывал жертву, лишал сил. Смельчака же близость добычи, напротив, бодрила. Наконец, до предела измотанное животное, смирилось и останавливалось, уже безучастное ко всему. И когда Смельчак подходил, даже не пыталось сопротивляться...

Волк потихоньку восстанавливал былую форму и к следующей зиме нехватку в пище не испытывал — мало кому удавалось избежать его клыков.

В один из знойных полудней, дремавший на обрывистом берегу Смельчак проснулся от хруста гальки и плеска воды: кто-то переходил речку. Похватав пролетные запахи, волк уловил чарующий аромат стельной лосихи. Принюхался — точно лосиха! Брюхатая брела по перекату в его сторону. Волк сглотнул слюну. От предвкушения возможности поесть свежинины в голову ударила кровь.

Когда лосиха остановилась под обрывом, Смельчак выверненным прыжком оседлал ее и вонзил клыки в шею. Очумевшая от внезапного нападения лосиха, оберегая бесценное

содержимое живота, опрокинулась на спину и с ожесточением принялась кататься по гальке. Волк, разжав челюсти, чуть живой выполз на берег, а потрясенная лосиха умчалась в лесную чашу.

Выполняя просьбу матери, Пуля бродил по берегу речушки и копал корневища серебристой лапчатки для лечения желудка. Неожиданно он ощутил на себе до боли знакомый взгляд: по спине аж холодок пробежал. Неужто Смельчак?! Он резко обернулся и внизу, у самой воды, увидел невзрачного, всклокоченного волка, но глаза сразу выдали его — точно Смельчак!

— Вот так встреча! Так ты, вурдалак, оказывается, до сих пор жив?! — вскрикнул человек.

Зверь вздрогнул и, прижав уши к загривку, замер. В его взгляде сквозили испуг, тоска, чувство беспомощности.

А человек смотрел на мокрого, скукожившегося зверя сочувственно, чуть ли не с грустью. Смельчак не выдержал, отвел глаза, тяжело вздохнул. В какой-то момент во взгляде Пули вместе с жалостью невольно мелькнула мстительная удовлетворенность. Смельчак, почуяв перемену в настрое человека, едва слышно заскулил.

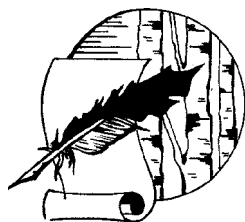
— Нечего плакаться, получил ты по заслугам.

Пуля снял с плеча ружье и спрыгнул на галечную косу. Волк в ужасе съёжился, дернул грязным, как дворовая метелка, хвостом и, похоже, всхлипнул.

— Не бойсь, лежачих не бьём, — произнёс охотник.

Подойдя к зверю, он наткнулся на угасающий взгляд. Волк был мертв...

г. Уфа

Вилиор ИВАНОВ

Вилиор Андреевич Иванов родился 14 августа 1941 года в деревне Афанасово Бабаевского района Вологодской области. Окончил культурно просветительское училище в г. Кириллов под Вологдой. В армии служил авиадиспетчером на Крайнем Севере. После демобилизации вернулся на Вологодчину. Работал в г. Бабаево литературным сотрудником районной газеты «Ленинский путь» и одновременно учился на заочном отделении факультета журналистики Ленинградского государственного университета. Дружил с Николаем Рубцовым.

Его стихи печатались в районных и областных газетах, в альманахе «День поэзии Севера», в журналах «Север», «Советский воин», «Молодая гвардия», «Наш современник».

Первый сборник стихов (единственный при жизни поэта) «Эхо жизни» издан в Бабаево в 1996 г.

Умер Вилиор Иванов 16 августа 2005 года. Посмертно вышли в свет три книги его стихов: «К Руси грядущей» (2011), «Радуга любви» (2016), «Вилиор» (2021). Отдельным изданием напечатана лирическая поэма «Суда» (2007).

И МАТЬ, И РОЖЬ, И ВАСИЛЬКИ

* * *

В ночь суровую, метельную
Спой мне, ветер, колыбельную,
Спой мне, ветер, как бывало,
В детстве мать моя певала.

Спой мне, ветер, песню вольную
Про такую жизнь привольную,
О какой родные ходики
Всё отсчитывают годики...

* * *

Глубокое молчание
Таинственной воды.
Высокое качание
Единственной звезды.

Безветренные сумерки.
Начало темноты.
И кажется, что умерли
Деревья и кусты.

В лесу, бедой нетронутым,
Река не громче сна...
Какой покой над омутом,
Какая тишина!

Ничто не потревожено
В природе — тишь да гладь,
Как будто ей положено
Молчать и удивлять.

И боязно в безмолвии
Ударить топором:
Что, если вспыхнет молния,
И грозно грянет гром?!

* * *

Месяц вновь на прогулочку вышел,
У меня торжествует душа.
И стихи, что диктуются свыше,
Запишу я в блокнот не спеша.

Вспоминая старушкины сказки,
Наблюдая осиную дрожь,
Я пишу про анютины глазки
И пою про высокую рожь.

Я забуду печали и муки.
Отвлекусь я хотя бы на миг,
Чтобы вечера лунные звуки
Для грядущих использовать книг.

Месяц вновь на прогулочку вышел.
У меня торжествует душа.
И стихи, что мне слышатся свьше,
Кто-то после прочтет не спеша.

ГЕОГРАФИЯ

Под ногами шуршание гравия.
Направляюсь к зовущей звезде...
Мой любимый предмет — география.
Побывать я мечтаю везде.

Разгорайся, звезда путеводная,
Будь в дороге моим маяком!
За плечами — котомка походная,
А в котомке — бутылъ с молоком.

В август канули скрипы тележные,
Скрипы санные — в мартовский наст.
Нележки мои думы прилежные,
И далек недоступный Парнас.

Я шуршанье бетона и гравия
Долго слушал в езде и ходьбе,
Но меня тот предмет — география —
Вновь привел к деревенской избе.

Покосилась она, как уродина,
Но в ней много знакомых примет.
Ты прости меня, малая родина,
За любимый мой школьный предмет.

* * *

Мерцающая звездная дорожка
Петляет между мрачных облаков...
Мне слышатся от каждого порожка
Приветствия умерших мужиков.

Давным-давно мы их похоронили,
Оплакали могильные холмы,
А избы эти все же сохранили
Тепло их рук под стужею зимы.

Давным-давно не всходят на крылечко
Мой добрый дед и бабушка моя,
И всё быстрее катится колечко
Заветного, земного бытия.

Но мы бродили с Павлом и Семеном
По горьким тропам матушки-земли!
Я всех умерших вспомню поименно,
Чтоб вы, друзья, забыть их не могли.

БУДУ ПОМНИТЬ

Щедро, широко и образцово
Освещает вечная луна
Красную смородину Рубцова,
Красную калину Шукшина.

В мире гаснут ливни и морозы,
Но пылают в памяти моей
Ягоды поэзии и прозы
Дорогих по духу мне людей.

Ведь они бросали не напрасно
В души золотые семена...
Буду помнить свято я и ясно
До могилы эти имена.

* * *

Сухое рыжее болото
Под небом желтым и сухим...
Чужие птицы в сотни глоток
Кричат и кружатся над ним.

Воспринимается, как чудо,
В лучах сверкнувшее крыло:
Откуда чайки здесь, откуда?
Каким их ветром занесло?

Какое море опустело,
Что в поиск рыбьего хвоста
Вся стая с горя полетела
В мои безводные места?

Да разве утренние росы
Помогут птицам на лугу?
Я задаю себе вопросы.
А сам ответить не могу...

* * *

Качался месяц, как ребенок,
В плетеной зыбке облаков
И глазки вскидывал спросонок
На даль и ширь родных лугов.

И Русь таким волшебным светом
Была в тот миг озарена,
Что не сказать сейчас об этом
Душа, конечно, не вольна...

К ПУШКИНУ

Ветер лезет в сени,
Треплет полотно...
Лучше бы Есенин
Постучал в окно.

Все мы в жизни зреем,
И в конце концов
Лучше бы с Сергеем
Рядом был Рубцов!

Лучше б эстафета
Света и тепла
Тютчева и Фета
К дому привела.

Впрямь мороз по коже!..
Но хочу притом
Лермонтова тоже
Видеть за окном.

Песни все не спеты!
Сквозь простор и близь
Чтобы вы, поэты,
Разом собрались!..

Над затею глупой,
Ветер, не скули!
Мы бы всею группой
К Пушкину пошли...

* * *

Веснушками созвездий конопата,
Восходит ночь, торжественно тиха.
Я слышу колокольный гул набата
Небесного ритмичного стиха.

Душа моя открыла вдохновенья
Вершинный покоряющийся пик.
Не чую я ни ветра дуновенья,
Ни града ледяного в этот миг.

И мысли набежавшие, и чувства
Подчинены великой из идей —
Волшебности реального искусства,
Поющего про жизнь и про людей.

* * *

Всё куда-то в бездну канет,
Но останется, как сон:
Печки теплое дыханье;
Заоконной вьюги стон;
Керосиновая лампа;
Света прыгающий круг;
То ль хоря, то ли ямба
Приближающийся звук;
Глаз чернильницы стеклянный;
Слов обыденных повтор;
Непонятный, но желанный
Сочинительства восторг!..

* * *

Деревушка моя, деревушка —
Вдоль дороги тринадцать дворов...
Здесь вторая от края избушка
Прислонилась к поленице дров

И окошком глядит на дорогу
И не может никак угадать
Той минуты, когда я к порогу
Подойду, чтобы мать повидать...

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

По весне без лишних слов
В скромной горнице моей
Поселился он, Рубцов,
И зажглась звезда полей!..

Дни и ночи напролет
Шли друзья со всех сторон,
Чтобы слушать, как поет,
Как стихи читает он...

Веря сердцу и уму,
Кто из нас не полюбил
Всё, что дорого ему,
Всё, что он в душе хранил!..

Словно ласточкин птенец,
Тот, что выпал из гнезда,
Тихой родины певец
Призывал к добру всегда...

В нашем сельском городке
Он — то весел, то угрюм —
Уходил к Колпи-реке,
Долго слушал сосен шум...

Я души не чаял в нем
И не знал, что он плывет,
Уплывает с каждым днем,
Как последний пароход...

* * *

У подножий холмов, разделенных рекою,
Почивает село, разметавшись во сне.
И готова душа подчиниться покою,
Как июньская ночь подчинилась луне.

Я за нею слежу восхищенно и немо,
Я гляжу на крестьянские избы тепло.
Тишина необъятна, как звездное небо,
Под которым сейчас поживает село.

Молчаливы деревьями скрытые крыши,
У крылец неподвижен, как страж, частокол...
Здравствуй, родина! Разве не слышишь
И не ведаешь вовсе, что сын твой пришел?..

* * *

Пахнет отцветающее лето
Сыростью медвежьего угла.
Бабушка костлявее скелета
По тропинке старенькой прошла.

Солнышко садится за опушкой.
Слухом проверяя тишину,
Буду разговаривать с подушкой,
Если в эту ночь я не усну.

А она, бессонница, недаром
Осенью преследует меня
Бедной нивой, редкостным нектаром,
Ржанием последнего коня.

Бабушка костлявее скелета
С палкой сучковатую в руке,
Словно отцветающее лето,
Медленно растает вдалеке.

Запоют потом ночные птицы,
Хором огласят немую даль.
Будет славен он — без репетиций
Ими проведенный фестиваль.

Загорятся в небушке красиво
Звезды, уводящие в мечту.
Я скажу бессоннице спасибо
За родную в мире красоту.

* * *

Когда несется по России
Весны живительное пламя,
Тогда березы и осины
Становятся колоколами.

Не медью, а листвою богаты,
Они гудят у росных пожен.
А что касается набата,
То он нисколько не тревожен.

Наоборот, душа невольно
Наполнится тоской великой,
Когда природы колокольня
Повсюду станет безъязыкой...

НА ВЕРХУШКЕ ЕЛИ

Я в детстве не боялся высоты
И выбегал на ближнюю опушку,
Где покорял еловую верхушку
И восторгался чудом красоты.

Качалась и подрагивала ель
Под куполом небесного узора,
И повышала площадь кругозора
Природная живая карусель.

Внизу стояли кучкой малыши
И задирали вверх свои головки.
«Какой же ты решительный и ловкий!» —
Собой я восхищался от души.

Болтало так — захватывало дух!
Но, младшим не показывая страха,
Я наверху не охал и не ахал —
Не в силах был сказать словечко вслух...

* * *

На теле простая рубаха,
И сам-то мужик — не барон,
А на тебе — музыку Баха
И Листа приветствует он.

Ему бы свисток берестинки,
Ему бы тальянки басы,
Но он, как шарманку, пластинки
В свободные крутит часы.

Не с неба ли сыплется манна
Ему среди маминых стен?
Но только аванс меломана
Легко забирает Шопен...

Гниет за деревнею рига,
Развален последний овин,
Но слушает музыку Грига
Крестьянский измученный сын!

* * *

Опять магическая сила
Влечет в родимые края,
Где на руках меня носила
В ржаное поле мать моя,
Где я ножонками босыми
Ступал, как ангел, невесом,
Где я глазенками большими
Следил за маминым серпом,
Где синий полог небосклона
Вмещал и птичьи косяки,
И лес, и поле, и суслоны,
И мать, и рожь, и васильки.

* * *

Снег сияет белизною
И по снегу, как живая,
Тень моя идет за мною,
Ни на шаг не отставая.

Тишиной полна округа.
На шоссейке — ни машины...
Для тревоги, для испуга
Нету видимой причины.

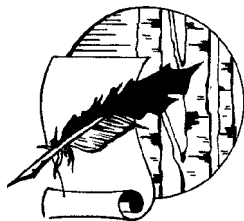
Но сбиваю шаг я круто.
Отчего-то явно трушу.
Мне почудилось, как будто
Позади оставил... душу!..

Право, что за наваждение...
Усмехаюсь сам при этом...
Вот что значит нахождение
На снегу, объятom светом!

* * *

Я усну и проснусь через пару веков.
В прах рассыплется мой летаргический сон.
У души моей больше не будет оков,
Станет чистым повсюду природный озон.

Я вольготно подкину заплечный мешок,
И, наверно, в тот самый торжественный миг
Впереди побежит дальновидный слушок,
Что проснулся еще один русский мужик...

Юрий МАНАКОВ

СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ

ДИКИЙ ЧЕСНОК

В ущелье Опёныш, где сходятся горы,
Чеснок по откосам ядрёный в кустах.
Сюда поднимаюсь по снегу, который
Никак не растает в отдельных местах.

Иззубрины скал на обветренном гребне,
В теснине на дне талый бьётся поток.
Не знаю я дней в своей жизни целебней,
Чем тех, как сюда я вскарабкаться мог.

На склоне крутом между каменных складок
Вздымает зелёные стрелки свои
Чеснок этот сочный, он горек и сладок,
И будто бы дразнит: попробуй — сорви!

Взбегу по тропе по-над пропастью узкой,
И вскружит мне голову вновь высота.
Я с детства обучен подъёмам и спускам,
А скал пооблазил — до ночи считать!

Я свой на горах среди редких растений,
И этим всегда и везде дорожу.
Чеснок мне напомнил кержацкое племя,
К которому кровно я принадлежу.

ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ

На стене отпечаток переплёта окна.
Там колеблются тени шелковистых ветвей.
И сквозь их отраженье иконка видна,
Молчаливая спутница жизни моей.

Старцем Оптинским на перекрестье судьбы
В дни скитаний моих по великой стране
Образок этот хрупкий подарен мне был,
И теперь он всегда возле сердца при мне.

Богородица Дева с Младенцем на нём.
И пронзительно внятен в своей высоте
Девяностый псалом «Живый в помощи». Он
Вязью выписан чуткой на тыльном листе.

Я его прочитал всего несколько раз
И запомнил весь текст без труда наизусть.
Помогла память крови, что в каждом из нас
Есть от прадедов крепких, взлелеявших Русь!

Помогла память веры, в которой псалмы
И молитвы хранятся в живой кладовой.
День приходит, и к ним обращаемся мы
Как к истокам своим и защите святой.

* * *

Брошу всё. Уеду в Подмоскowie,
Где лесов безбрежье шелестит,
И родник иконкой в изголовье
На опушке бархатной блестит.

В нём песок пульсирует, как песня,
В нём узор загадочный камней.
Зачерпну ковшом воды небесной,
Сосчитаю звёздочки на дне.

И кувшинки ниже по затонам,
И кольчугой ряска у травы.
В вышине заманчиво-бездонной
Роспись акварельной синевы.

И пускай вдали грохочет город,
Я его, наверно, и терплю
Лишь за то, что вокруг него просторы,
Те, что больше жизни я люблю.

* * *

Да, мы повадками медведи.
Родимых палестин руда.
Неблагодарные соседи
Нас беспокоят иногда.

Понятно, что они не сами,
Подначить бывших есть кому.
Когда же им отбило память?
Им дали мало? — Не пойму..

Спасли, пригрели, обучили,
И даже в высший свет ввели,
И от щедрот — не от бессилья,
Своей нарезали земли.

Теперь же слышим вой и скрежет:
«Не должен русский жить медведь!»
...Отринуть их или как прежде
За дурость эту пожалеть?

* * *

Я не ломлюсь в чужие двери.
Вопрос со средствами решён:
Четвёртый год пенсионерю —
И это, братцы, хорошо!

Я сын крестьянский и советский,
К труду привычный — не к деньгам.
Люблю страну мою по-детски
И не терплю соседей гам.

И мне ли каяться по жизни,
И тут и там винить судьбу?
Не нужно мне заёмных истин,
А кто полезет — зашибу!

Манерам приторным и «тонким»
Я никогда не пел хвалу...
Мне дров берёзовых бы звонких
Да килограмм на пять колун!

Умею стог поставить добрый,
Взобраться на гору могу.
Я — русский. Мы народ особый —
Я это в сердце берегу!

АЛТАЙ

По старой тропе, каменистой и плоской
Бегу я с горы, словно заяц, вприпрыжку.
Вослед мне — я слышу, как шепчут берёзки:
«Ведь этот толстяк — далеко не мальчишка!»

Да — я уж седьмой распечатал десяток,
Но брежу горами ночами, как прежде...
И эти виденья вовек не иссякнут,
Как прелесть моих по кедровникам лежбищ.

Ночлеги, карабканье вверх по останцам.
Черника, кедровые шишки, коренья.
Жарки на лугах, будто росписи странствий,
Как строфы ведических стихотворений.

Присяду легко на плиту, что в накрапах,
Окину места несказанные эти,
Отмечу: по склону прошли косолопо,
В косички траву заплетая, медведи.

Темнеет. Луна скоро в небе повиснет,
Как лампочка, горы мои освещая.
Не надо мне кучу искусственных жизней,
Мне хватит одной, но чтоб здесь — на Алтае!

СОСНА

Который год, особенно по вёснам,
Со всех сторон открыта и видна,
Щепой своей покалывает воздух
Искромсанная молнией сосна.

В логу на камнях бронзовеет крона,
В расщелины осыпалась игла.
И вряд ли кто теперь в округе помнит:
Какой сосна красавицей была!

В густых ветвях её гнездились птицы,
А у корней журчали родники,
Здесь каждый мог в тенёчке освежиться
И оглядеть весь мир из-под руки.

Сосна стояла как природы милость,
И жить бы ей еще несметно дней.
...И горько, что такое же случилось
В лихие годы с Родиной моей!

РУДНЫЙ АЛТАЙ. СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ

Ко сну отходит чуткая долина.
Базальтовые выступы по склонам,
Как динозавров панцирные спины,
Расшитые кустарником зелёным.

Алтайские мои родные горы,
Возвышенно-кедровая безбрежность,
Прозрачной Громатухи разговоры,
Лугов альпийских трепетная нежность.

Печаль моя, и песнь моя, и память...
Соловушка в черёмухе колена
Выводит так, что я уже не знаю,
Как это всё выдерживает сердце!

г. Риддер, Рудный Алтай

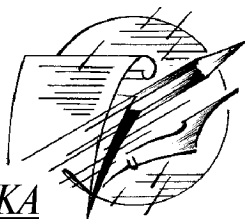
БИЛЬДЕРБЕРГСКИЙ ПЕРЕПОЛОХ

Знаменитая Бильдербергская встреча (площадка для определения нового мирового порядка) прошла 2—5 июня 2022 года в Вашингтоне, округ Колумбия, США. На 68-м заседании присутствовали около 120 участников из 21 страны.

Как всегда, была приглашена разнообразная группа политических лидеров и экспертов из промышленности, финансов, научных кругов, труда и средств массовой информации. Из интересных участников сходимки можно обозначить: генеральный директор Pfizer; глава ЦРУ; директор ШНБ; вице-президент Facebook; генеральный секретарь НАТО; экс-госсекретарь США Генри Киссинджер; посол Украины в США Маркарова и глава «Нафтогаза» Витренко; глава Google; сакральный символ англосаксонских «элит», его величество король Виллем-Александр, король Нидерландов (суверен) собственной персоной.

Темами обсуждений в этом году стали Китай, Россия, кибербезопасность, военно-политические угрозы и их влияние на глобальную экономику.

На официальном сайте клуба представлен перечень вопросов, который об-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

судили глобалисты: 1. Геополитические перестройки; 2. Вызовы НАТО; 3. Китай; 4. Индо-Тихоокеанская перестройка; 5. Китайско-американская техническая конкуренция; 6. Россия; 7. Преемственность правительства и экономики; 8. Разрушение глобальной финансовой системы; 9. Дезинформация; 10. Энергетическая безопасность и устойчивое развитие; 11. Здоровье после пандемии; 12. Фрагментация демократических обществ; 13. Торговля и деглобализация; 14. Украина.

Как можно заметить, темы Бильдербергского клуба полностью совпадают с темами последнего Всемирного экономического форума, который был посвящён пресловутой Великой перезагрузке, а именно: «Разрушение глобальной финансовой системы», «Фрагментация демократических обществ» и «Деглобализация».

Согласитесь, особенно приятно звучит пункт с названием «Деглобализация». Это восхитительное слово хочется повторять, класть на мелодию гимнов, петь... Только вслушайтесь в его жизнеутверждающее христоцентричное звучание. Все-ильные «элиты» на грани фола? Впрочем, им это не впервой.

Политолог, руководитель представительского центра ДНР в Бельгии Крис Роман считает, что «после развала СССР глобалисты были уверены, что им удастся победить, но потом появился Путин. Теперь клуб вернулся к своей первоначальной цели, сделать всё, чтобы победить Россию».

К. Роман убеждён, что сила Бильдербергского клуба в США, Европе и вообще атлантической части мира сохраняется, но Россия и Китай исполняют роль противовеса, и с ними клуб пока ничего не может сделать. Это приводит к увеличению напряжения между двумя блоками.

Конференции в Монтрё проходят с 1954 года. Изначально их целью было создание союза между США и Западной Европой против России с формулировкой: борьба капиталистических движений против коммунизма во имя устройства однополярного мира под командованием США.

У его истоков тогда стоял альянс последователей нацизма в западных элитах и западных троцкистов в лице соответственно принца Бернгарда Голландского, деда сегодняшнего монарха Виллема-Александра II, засветившегося на нынешнем заседании, и одного из идеологов НАТО, польского русофоба Йозефа Реттингера. Почему такое голландское представительство? Потому что Нидерланды — британский плацдарм на континенте ещё со времен воцарения в Лондоне в конце XVII века голландской, с иудейскими корнями, Оранско-Нассауской династии (Вильгельм III

Оранский), которую и представляют нынешний король и его предок Бернгард.

В переписке Бернгарда и упомянутого Реттингера изложена базовая концепция современного Бильдерберга, которую приведем, несмотря на ее объёмность, ибо она того стоит. Итак. «Англосаксы как раса предназначены для того, чтобы одни расы вытеснить, другие ассимилировать, и так до тех пор, пока всё человечество не будет англосаксонизировано, — пишет Дж. Реттингер принцу Бернгарду. — Но прежде всего необходимо установить контроль над сердцевиной земного шара — Россией. Без этого мировое господство англосаксов недостижимо. Для того, чтобы овладеть Россией, ...необходимо выработать стратегию, в соответствии с которой США и их союзники должны, как анаконда, сдавливать Россию со всех сторон: с Запада — Германия и Великобритания, с Востока — Япония. На южном направлении надо создать государство-вассала проанглосаксонского толка, которое, расклевываясь между Каспийским, Чёрным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом, плотно закрыло бы тот выход, которым Россия пока легко достигает Индийского океана. ...Рассматривая проблему с геостратегических позиций, необходимо констатировать, что главным и естественным врагом англосаксов на пути к мировой гегемонии является русский народ. Повинуясь законам природы, он неудержимо стремится к Югу. Поэтому необходимо немедленно приступить к овладению всею полосой Южной Азии между 30 и 40 градусами с.ш. и с нее постепенно оттеснять русский народ к Северу. Так как по всем законам природы с прекращением роста начинается упадок и медленное умирание, то наглухо запертый в своих северных широтах русский народ не избежит своей участи...»

Полную информацию по теме можно прочитать в материале известного специалиста по глобальной олигархии Владимира Павленко «Что скрывают участники сходки в Монтрё?»

Добавить нечего. Кроме того, что «несуществующее государство проанглосаксонского толка» в «южном подбрюшье» СССР-России — это не что иное, как международно-террористический халифат. Никакого «заговора», чистая геостратегия.

Однажды представитель Рокфеллера заявил The Guardian, что самому Рокфеллеру теории заговора уже осточертели.

Соображения мистера Рокфеллера по данной теме заключаются в том, что всё это время имела место битва между рациональной и иррациональной мыслью. Рациональные люди

отдали предпочтение глобализации. Иррациональные — предпочли национализм. Вот такая вот холодная вполне себе дьявольская логика. Не составляет труда понять, что под иррациональными он разумеет людей Книги.

Впрочем, место России у глобалистов до сих пор является предметом демагогических дискуссий. Одна точка зрения состоит в том, что европейская часть нашей страны должна войти в центральный блок, а азиатская — в восточный (проект «Европа от Атлантики до Урала»); другая сохраняет единство нашей страны, но полностью превращает её в периферию центрального блока (проект «Европа от Лиссабона до Владивостока»).

Естественно, ни один из этих проектов для России не приемлем, а участие в этих теневых глобально-управленческих институтах не имеет смысла, ибо является капитуляцией.

Справедливости ради заметим: имело место привлечение на заседания Бильдерберга выходцев из либеральных кругов России и связанных с ними представителей «мозговых центров». Назовем эти имена, ибо страна должна знать своих «героев»: Алексей Мордашов, Анатолий Чубайс, Григорий Явлинский, Лилия Шевцова, Дмитрий Тренин, Алексей Кудрин, Игорь Юргенс, Владимир Мау, Михаил Касьянов, ряд других деятелей того же пошиба. А Дмитрий Медведев, в бытность президентом России, отметился «бенефисом» в Вашингтонском концептуальном центре — Совете по международным отношениям (СМО).

Связка англосаксонских элит стоит за всеми событиями, уложившимися в двадцатилетие между двумя мировыми войнами, включая Великую депрессию, нацистское перерождение Веймарской Германии и развязывание текущего мирового конфликта.

По иронии судьбы в результате Великого Октября рухнул план первой глобализации во главе с «мировым правительством» в лице Лиги Наций. Тогда глобальным центрам на Западе пришлось пересматривать свою стратегию. По иронии всё той же судьбы глобальный проект потерпел сокрушительное поражение по исходу Великой Отечественной войны, когда Советские войска стояли в центре Европы, Берлине, Праге и Вене и русские самостоятельно взяли власть на Балканах. Итогом коварных заговоров англосаксов стало превращение Советского Союза в сверхдержаву. И вот в третий раз ироничная судьба подкладывает всё те же грабли под железный сапог англосаксов, раздаётся знакомый и приятный для слуха треск сломанного об упёртый лоб древка — «бам!»

При всех отличиях сегодняшнего мира от прошлого, ключевые элементы остались прежними. Есть глобальный проект, который продвигается англосаксонскими геополитиками с мессианской убежденностью в своей правоте, а есть Россия, которая в третий раз ломает хребет глобалистам.

Несмотря на то, что бильдербергские посиделки проводятся в соответствии с так называемым *Правилом Чатем-Хауса*, которое обеспечивает секретность и гласит, что участники могут свободно использовать полученную информацию, но личности спикеров не могут быть раскрыты, утечки информации в высших правительственных кругах бесспорно есть. О них открыто не говорят, но звучат заявления первых лиц, которые шлют сигналы «тайным» обществам, реагируя на их «скрытые» угрозы. К таким «сигнальным» заявлениям в отношении последнего бильдербергского шабаша можно отнести следующие.

Си Цзиньпин (по данным газеты *The Washington Post* со ссылкой на правительственные источники в Пекине) поручил своим ближайшим советникам найти способы оказать финансовую поддержку России, не нарушая при этом западных санкций.

В эти же дни посол Китая в России Чжан Ханьхуэй красноречиво заявил: «Китай в условиях небывалой международной турбулентности готов вместе с Россией и другими евразийскими партнерами противостоять общим вызовам на благо континента и всего мира. Мы должны раз и навсегда покончить с гегемонией США, с их вечным желанием вмешиваться в дела суверенных государств».

И всё это на фоне недавнего совместного российско-китайского красивого патрулирования дальней авиации и не менее красивых манёвров российско-китайской корабельной группы вблизи базы 7-го ВМС флота США в Йокосуке.

Всего лишь одним решением Китай может оставить США без оружия. Это произойдёт, если Пекин решит прекратить поставки редкоземельных минералов в США. Истребители F-35, танки M1 Abrams, ракеты «земля-воздух» и многое другое вооружение США состоит из этих материалов, на которые у КНР абсолютная монополия. Например, без нашего алюминия и титана остановится авиационная промышленность коллективного Запада. Да и американские спутники без российских двигателей не взлетают. При попытках выстрелить по российской экономике пуля очень часто попадает не в цель, а в самого стреляющего. Почему? Да потому что от сырьевой части российской экономики в первую очередь зависит не только Россия, но и весь мир.

«Элиты», кажется, что-то говорили про Украину и пакистанский фронт. А не дополнить ли Великий Герб Англосаксонского Королевства ироничными граблями?

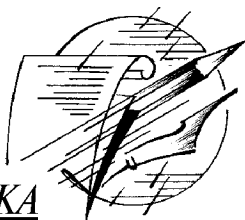
Ресурсы — это, конечно, хорошо. Но мало кто понимает истинную причину геополитического доминирования России на просторах исторической «великой шахматной доски», часто не поддающегося никакой рациональной логике Рокфеллера и К°. Пожалуй, только избранным открыта тайна Русской Победы.

Олег КАССИН,
Председатель Общероссийского общественного движения
«Народный Собор»

НОВЫЙ НАЦИСТСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Зверства украинских нацистов, расстреливающих города, подвергающих чудовищным пыткам военнопленных, реализующих самые отвратительные провокации с массовыми убийствами мирных жителей, обнажили суть пришедшего к власти на Украине режима последователей Гитлера. Но этот возвращенный спецслужбами Запада в качестве орудия против России монстр уже вышел из-под контроля своих господ, и проводимая Россией денацификация Украины становится явно недостаточной мерой по ликвидации язвы нацизма в центре Европы.

Многолетние заигрывания с ультрарадикальными националистическими идеями части интеллигенции Польши и стран Балтии произрастали из бесплодных мечтаний о возрождении в качестве супердержавы от моря до моря новой Речи Посполитой и подпитывались призывами сбросить «иго» Советского Союза при щедрых подачках Запада. Получив политическую самостоятельность, они тут же променяли её на роль услужливых марионеток США. Но только вместо западной демократии пошли по пути нацифика-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ции своих стран, наращивая преследования инакомыслящих, подвергая жёсткой дискриминации русскоязычное население, уничтожая и искореняя русскую культуру.

Всё это было бы немыслимо без молчаливого одобрения и поддержки Запада, который отвел своим новым восточным сателлитам роль тарана против России.

Проводимый в последнее время руководством России курс на суверенитет вызвал серьезную обеспокоенность в определенных западных кругах. В активной международной деятельности нашего государства по формированию новых геополитических союзов, её инициативах по укреплению мира на принципах справедливости и гуманизма они увидели угрозу для своей гегемонии и опасность потери контроля через выстроенную ими ранее систему международных отношений.

Поскольку наличие у России ядерного оружия исключает возможность ведения против нее прямых военных действий блоком НАТО, Запад принял решение использовать ту же тактику, которую применял в 30—40 годы прошлого века против СССР. С одной стороны — это усиление экономического давления через санкции и различные блокады. С другой стороны — это создание в Европе крупной агрессивной силы для использования её против России. В XX веке это была гитлеровская Германия, выращенная политической и финансовой элитой США и Великобритании.

В настоящее время те же мировые политико-финансовые круги понимают, что господствующая у них в качестве идеологии либеральная демократия не способна стать мобилизующим фактором для решения аналогичных задач. Поэтому вновь ставка сделана на радикальный национализм, причем замешанный на яркой русофобии и ненависти к русской культуре, Русскому миру и его сторонникам. В качестве его ключевых носителей избраны западные соседи России. Украина, где эта идеология с 2014 года начала внедряться в самой крайней радикальной форме — в виде откровенного нацизма, стала боевым авангардом этой геополитической конструкции, ныне поддерживаемой многими европейскими государствами.

Апогеем торжества нового европейского нацистского интернационала стало проведение 11 ноября 2017 года в Варшаве самого крупного в Европе за все послевоенные годы марша ультраправых. Они шествовали в балаклавах и с прочей неонацистской атрибутикой — от факелов до лозунгов: «Чистая нация, чистая Польша!», «Будет белая Европа братских наций!», «Молимся за исламский холокост» и др. В марше участвовало до 100 тысяч человек. Тогда в польскую сто-

лицу съехались ультраправые радикалы из Швеции, Венгрии, Словакии и других стран. Варшава на несколько дней стала международным центром неонацизма, похожим на Берлин 1930—1940-х годов.

Государственный телеканал TVP назвал эту неонацистскую сходку «прекрасным маршем патриотов». Министр внутренних дел Мариуш Блашак не пришёл в ужас, а, напротив, объявил, что его вдохновило и обрадовало массовое участие поляков в манифестации. А члены правительства Польши в основном называли участников марша в Варшаве «патриотами» и игнорировали ксенофобскую природу их лозунгов. Всё это происходило при молчаливом одобрении руководства Евросоюза и США.

Яркими явлениями неонацизма стали традиционные для стран Прибалтики марши легионеров СС, шествия во главе колонн неонацистов ветеранов дивизии СС «Галичина» на Украине, воспевание на государственном уровне пособников фашизма, включая бандеровцев и прочих карателей, уничтоживших сотни тысяч мирных граждан.

Катализатором этих процессов стали украинские события. Пришедшие в 2014 году на Украине к власти откровенно неонацистские силы, опирающиеся на подготовленных западными инструкторами боевиков, накачанные западным оружием, устроили настоящий геноцид русского и русскоязычного населения. Все это явилось причиной начала спецоперации России по демилитаризации и денацификации Украины.

И первыми, кто поддержал украинских нацистов, стали наемники из Польши, составлявшие костяк «диких гусей» из многих стран, включая Румынию, Великобританию, США, Канаду. Активно включились в процесс всевозможных западных санкций и прибалтийские лимитрофы, устраивающие провокации против России и Республики Беларусь. А карликовая Литва даже решила ввести транспортную блокаду российского Калининграда.

И это неудивительно. Установившиеся сегодня в Польше и странах Балтии режимы, активно внедряющие нацистскую идеологию среди своего населения, испытывают дикий страх перед грядущей денацификацией, начавшейся на Украине. Поэтому они сплачивают ряды нового **нацистского интернационала**. Используя методы геббельсовской пропаганды, они и их покровители дружно и лживо обвиняют Россию в преступлениях против мирного населения, снабжают украинский режим боевиками и оружием.

Не является секретом, что многие польские профессиональные артиллеристы заменили своих выбитых войсками

ДНР, ЛНР и России укронацистских коллег и ведут огонь по гражданскому населению Донбасса. Судя по количеству переброшенных на фронт против российской армии поляков, ставших основой большинства диверсионных групп, Польша фактически уже ведёт войну с Россией. Её граждане наводняют западные области Украины, подготавливая почву к их оккупации.

Боевой неонацистский кулак, спаянный общими преступлениями, вызывает самый пристальный интерес со стороны более крупных хищников. Англия хочет с его помощью обескровить Россию, а также использовать его в качестве пятой колонны, чтобы подмять под себя Евросоюз, который без Германии в военном отношении ничтожен. Военный потенциал Украины и Польши, после их накачки оружием под предлогом борьбы с Россией, вполне мог бы сравняться с германским.

Германия готова втянуть Польшу и страны Балтии в военные авантюры против России и после прогнозируемого поражения и развала этого блока отобрать утраченные по итогам Второй Мировой войны восточные территории.

США атакуют через нацистскую Украину наше государство, ослабляя экономически его различными санкциями и стремятся заменить действующее российское руководство на полностью подконтрольное Америке, готовое вернуть Россию в состояние колонии Запада. Соединенные Штаты тешат себя иллюзиями сохранить ускользающую гегемонию в Европе через ослабление России и Евросоюза, стравливая их между собой посредством нацистов.

Куда, помимо России, кинется взращенный глобалистами зверь, если его вовремя не остановить, никто не знает. По крайней мере Польша многочисленными намёками дает понять, что готова к роли нового вождя Европы, дополнительно втягивая в возглавляемый ею нацистский интернационал Румынию, Молдавию, подготавливая соответствующую почву в иных странах. Хитрый польский лис пытается переиграть англо-германских стратегов, разыгрывая показательную лояльность, чтобы выторговать как можно больше финансовых и военных подачек для наращивания собственных мускулов.

Но ещё более опасны планы мировой закулисы по кардинальной перекройке мира посредством развязывания Третьей мировой войны. Её первая стадия уже началась на полях Донбасса фактическим противостоянием НАТО и России.

Не секрет, что циничный киевский режим из клоунов и казнокрадов давно отстранён от оперативного командования боевыми действиями, управление которыми ведётся из

натовских штабов. Украине отведена лишь роль поставщика пушечного мяса и визгливой попрошайки, маскирующей происходящие процессы.

Желающим разыграть нацистскую карту безразличны судьбы славянских и иных народов, которые рассматриваются в качестве расходного материала. Посредством продажных и безответственных марионеток у власти вдохновители эскалации напряжённости готовы воевать до последнего славянина, румына и балта. Но история показывает, что ставка на нацизм, как и заключение союза с сатаной, заканчиваются для любителей игры с огнём печально.

У родственных нам народов Польши и стран Балтии ещё есть возможность предотвратить те бедствия, в которые их втягивают свихнувшиеся от человеконенавистнических идей политики. Страдания и жертвы народов Украины, происходящее крушение украинской государственности — наглядный пример будущего их стран в случае дальнейшего сползания в болото нацизма.

Нацистский интернационал будет уничтожен, его вдохновители и пособники предстанут перед международным трибуналом. Но для этого денацификацию, пока что только мирными средствами, надо проводить во всех очагах нацизма и за пределами Украины. Посредством усиления распространения правдивой информации, разоблачения фальсификаций следует помочь нашим соседям избежать большой беды, экономическими санкциями образумить их деловые круги, показательными процессами над палачами из нацистских батальонов предостеречь тех, кто намеревается участвовать в оплачиваемых чуждыми миру силами авантюрах.

В настоящее время на международном уровне для нейтрализации разрастающегося нового очага неонацизма в Европе крайне необходимо формирование Антинацистской международной коалиции. Её нужно создавать из числа стран, понимающих суть происходящих мировых процессов, осознающих надвигающуюся неонацистскую угрозу, с которой сейчас борется Россия, и готовых сделать все от них зависящее, чтобы не допустить развязывания Третьей мировой войны современными последователями Гитлера и их хозяевами. И в этом процессе необходимо сплочение не только международных политических, но и всех ответственных общественных сил планеты.

МОИ КУРСКИЕ ДРЕВНОСТИ

ВОСПОМИНАНИЯ

Зажинки, кросны и странности в поведении кота

Родился я на юго-западе нашего соловьиного края. И ближайшим, в сорока километрах от моего, на семьсот дворов, села Сухиновки является древнейший, а когда-то даже и богатейший город Рыльск — родина знаменитого Г.И. Шелихова, мореплавателя, промышленника и купца, занимавшегося организацией торгового судоходства между Курильской и Алеутской грядями, а в 1783—1787 годах возглавившего самостоятельную экспедицию в Северную Америку и основавшего там первые русские поселения.

А к моменту моего рождения это была уже такая Богом забытая глушь, что до седьмого класса я книжки читал при керосиновой лампе.

Даже застал я ту пору, когда мужчины нашего села, прикрепив к косьям широкие «лапы», похожие на рогатины, вручную окашивали хлебные поля. Но сначала женщины серпами срезали первые колосья и возвращали их земле, а затем вязали самый первый сноп, наряжали его в виде куклы, распе-

ПРОЗА

вали ему причудливо истончившимися голосами зажиночные песни. И до окончания страды все работали с очень уж охотным, сноровистым и веселым азартом. Но больше всего завидовал я подросткам, по-царски восседающим поверх золотых снопов, уложенных на широченные телеги, и управляющих неторопкими и рогастыми парами волов то длинными батогами, то громкими покриками: «Цоб! Цоб!» Или: «Цобе! Цобе!» А если надо было поторопить обоих волов, то выкрикивали они нараспев: «Цоб-цобе-е-е!»

И к каждому февралю в светлой комнате нашего дома отец вдруг воздвигал огромнейший, почти под потолок, ткацкий станок. Основой его были отполированные многими поколениями до янтарного блеска деревянные стопы, станины и верхницы, к которым подвешивались векошки с нитами, иглицы с бердом и набилками. И мне было вполне понятным назначение всех деталей станка по таким их, теперь уже кажущимся диковинными, наименованиям, как навой, пришива, притужальники, подножники, уключины, серьги, ремизки, цепки и, конечно же, челнок. Да и сам ткацкий станок назывался кроснами и это на них, на кроснах, мать из тонких или суровых нитей, ею предварительно заготовленных на столь же древней прялке, ткала полотно для белья, лантухов, кодрей и мешков, а из разноцветных тканевых стежек ткала она доловые дорожки или те почти негнучие подбочники, которыми застилалась печка, чтобы на ней, даже и раскаленной, можно было лежать да полеживать.

При всем том, что родители мои были набожными и в долгие зимние вечера отец, вооружившись очками, читал нам вслух Библию, древние насельники наших таинственных окоемов не миновали меня. И тому причиной были, конечно же, наши сельские старухи. В своей вольности едва успевали мы, еще голопузые, вбежать в наш широченный пруд, тут же какая-нибудь согнутая в три погибели наша добровольная стражница обнаруживалась на бережку, и дабы мы не утонули на глубине, зловеще нам объявляла: «А вот пришла ж я не прозевать, чтоб потом уже и всему селу рассказать, как кого-то из вас, таких-сяких неслухов, русалка под воду за ногу утащила!» И мы в ужасе отступали на насквозь прогретую солнцем отмель.

А был еще и старичок — кадыкастый, с бровями кустистыми, с глазами магнитными, которого все ведьмаком считали еще и по той причине, что мог он всякую самую злую собаку погладить по голове, как кошку. И сам я однажды видел, как он к моему товарищу по каким-то своим нуждам зашел во двор, а собака, цепь в бешенстве натянув, встре-

тила его хрипучим лаем. И старичок отцу моего товарища, пытавшемуся собаку утихомирить, предложил: «Хочешь, я к ней подойду, а она голову мне сама подставит, чтоб я все ж таки её приветил?» Но поскольку все знали, что одну собаку он на спор уже приветил, и она с тех пор всем только хвостом виляет, то дальнейший разговор был предусмотрительно продолжен с ним уже на улице, от собаки подальше. А мы с моим товарищем к плетню прильнули, на удивительного старичка стали изо всех сил сквозь щелки в плетне глядеть. И когда он в нашу сторону обернулся, то вздрогнувшая в его глазах тонюсенькая искринка словно бы насквозь нас вдруг прожгла.

Много всяких иных чудес в пору моего дошкольного детства творилось. Даже обыкновенный наш кот, с которым я частенько на печке в доверительнейшей обнимке полеживал, однажды встретился мне в малиннике и на меня взглянул с такой отчужденной мрачностью, что я в сей же миг от него к матери на огород убежал. Потому что тот же наш ведьмак по общему мнению мог превратиться хоть в кошку, хоть в ворона, хоть во что угодно.

На лице земли

Однако же, когда мать впервые позволила мне самостоятельно выйти со двора к своим ровесникам, то с особою торжественностью она мне объявила: «Ты ж помни, Коля роднюсенький, что отпускаю я тебя не абы куда, а на лице земли, так что теперь уже не мною ты будешь отовсюду видим, а с самих небес!» И это ощущение себя на лице земли мне особо запомнилось не только потому, что в речах матери это лице не подвергалось даже склонениям по падежам, а еще и потому, что если я, находясь вне двора, вполне смело или, в зависимости от обстоятельств, украдчиво оглядывался на небеса, то не сам по себе оглядывался, а именно с лице земли.

И было лице на севере всё в высоких холмах, а с южной стороны простиралось широченной, без края, и гладкой, как стол, равниной.

И вот, если я во время купания в пруду доставал ногами до жутковато холодных его глубин или если вместе с товарищами отважно добегал до наших дальних, пустынных, но таинственно вздыхающих болот, а также если мы, собственное дыхание остановив, погружались на сколько-то шагов вглубь нашего вербного урочища — устрашающе мглистого, полусохшего, поросшего волосьями старинных мхов, то тут же в меня невидимо уцеливалась из своих тайных пространств всякая нечистая сила. А едва отступали мы на любое более

приветливое место, сразу я ощущал на себе — похожий то на материнский, то на более строгий отцовский — охранительный взгляд с небес. Так что когда в школу я стал ходить, то первым моим прозвищем было «Верующий». И более старшие, чем я, ребята иногда подходили ко мне, с нарочитой грубоватостью требовали, чтобы я вымолвил какое-нибудь непристойное слово. Я же, полагая, что даже и школьный коридор, где можно было оглохнуть от нетерпеливых криков выбежавших на перемену учеников, это — лице земли, готовился любые муки принять.

Но обязательно среди старшеклассников находились те, которые моих искусителей от меня прогоняли. И тем самым сохранялся один из тех древних наших обычаев, в согласии с которым старшим было не положено обижать младших. А если мои обидчики оказывались младше моих защитников, то мои защитники осуществляли мою защиту не тумачами, а только необыкновенно зверскими выражениями своих лиц.

Мой героический век

Вся наша жизнь тогда была вдоль и поперек скреплена подобного рода обычаями, сохранявшими те старинные смыслы в человеческих взаимоотношениях, без которых, может быть, в самые суровые времена выжить было бы даже и невозможно.

А складываться эти обычаи начали в ту далекую пору, когда южную Русь, изначально заселенную от Чернигова до Воронежа славянским племенем северян, но опустошенную во времена монгольского ига, Иван Грозный стал наполнять разного рода вольным людом. В результате из новых поселений и крепостей была воздвигнута засечная полоса против Дикого Поля, с которого крымчаки и черкесы постоянно совершали свои грабительские набеги. И если в засечных крепостях сидели стрельцы с пушкарями, то все насельники новообразованных слобод были приписаны к слободским казачьим войскам.

И вот же, аж со времен Екатерины Великой, окончательно усмирившей Дикое Поле, наши слобожане жили уже не казачьими, а самыми обыкновенными крестьянскими общинами, но, например, мой сосед Иван Максимыч меня всегда привечал такими словами: «Ой, да Мыколе-Мыколище, какой же хлопчик у нас уродился, какой же казачок у нас объявился!» Соответственно, наши детские игры тоже были насквозь военные, с наскоро выструганными из палок саблями. Но если геройские наклонности каждого из нас уравно-

вешивались одинаковыми правами и силенками, то во взаимоотношениях со старшим братом я очень рано стал обнаруживать свои немалые правовые преимущества. Уж я-то, по вздорив с ним, мог себе всё позволить, а он был обязан терпеть. Однако, древние обычаи потому и сохранялись долго, что в них было немало воистину полезной мудрости. Так что даже при всём том, что брат был ко мне всегда жалостлив, однажды он, когда я совсем уж распоясался, даже и на виду у родителей схватил меня, сунул себе подмышку, и хотя я царапался и ногами дрыгал, в единый миг сдернул с меня штаны и рубашоночку, голого бросил в крапиву. Я заорал, как резаный, но отец даже не обернулся в мою сторону, а мать, всегда надо мной, самым младшим, дрожащая, только-то, как бы на всякий случай, спросила: «Но он же тебя не бил?» Лишь сестры проявили ко мне сочувствие, быстренько унесли меня в дом, но — принялись не столько утешать, сколько наперебой объяснять, какими дальнейшими неожиданными бедами может обернуться мое непочтительное отношение к брату и ко всем, какие ни есть в нашем селе, старшим хлопцам. То есть, из этих сестринских увещеваний я наконец-то должен был понять, что взрослыми становятся не по достижению наибольшего роста, а в результате прибавления ума и понимания того, «что есть всякого мужчины достойно».

И вот так, не мытьем, так катаньем, любое наше детское геройство нашим старинным обычаям неизменно подчинялось, как лошадь поводьям, и получало должное направление.

Конечно же, с ватагой своих ровесников я постоянно отправлялся в какие-нибудь отважнейшие походы. Даже в магазин, дабы потратить медную мелочишку, подбрасываемую нам, малолеткам, всеми ближними и дальними родственниками «на конфекты», мы отправлялись с тревожной готовностью к любым самым великим сражениям за честь своего кутка. И хотя ни одна встреча с инокутковыми ровесниками к дракам не приводила, но мы считали своим долгом обменяться с любым потенциальным неприятелем очень уж мужественными взглядами. А потом, конечно же, горячо обсуждали, как бы «мы им надавали», если б «они нас не напужались».

Однажды, отоварившись завернутой в бумагу горстью сладостей, мы вышли из магазина и обратили внимание на подростка, жадно вслушивающегося в разговор двух стоявших неподалеку мужчин. И мы тоже уши свои наостригли. Оказалось же, что гадали мужчины о том, какой возраст был у того молоденького партизана, которого немцы во время ок-

купации нашего села поймали и затем, уже полуживого, повесили. Сами мужчины, скорее всего, были во время войны на фронте и потому знали об этом жутком событии только по чьим-то рассказам. И помню, как один из них вдруг кивнул на подростка и предположил: «А может быть, тот хлопчик был не старше вон того паренька...»

Подросток от неожиданности весь скукожился, а мы в глубочайшем молчании тут же струнулись в сторону своего кутка. Дошагав до выгона, на просторе которого всегда нами возжигался костер из собранных здесь же коровьих кизяков, мы и в тот раз без огня не обошлись. Лишь к конфетам и пряникам позабыли притронуться. Молча глядели, как язычки пламени из-под сухих кизяков выползают, а осмелев, начинают поверх них выплясывать.

И уже не помню, кто из нашей ватаги, не сговариваясь, первым выхватил из костра кизяк, с одного края успевший хорошо разгореться, сломал его так, чтобы получился жарко алеющий острый угол, и его загасил о свою ладонь. Все по очереди сотворили то же самое. И никто даже не пикнул. Когда и я обугленный уголок кизяка прижал к внешней стороне большого пальца, то жар, раскрошившись, с кизяка осыпался, но в своем почти обморочном волнении боли в тот же миг я даже и не почувствовал (до сих пор на пальце у меня белеет метка о том событии). И столь незамысловатым способом убедившись, что если и нас какие-то новые фашисты будут пытаться и вешать, то мы не опозоримся, — догоревший костер мы древнейшим способом загасили и вполне собою гордые в свой куток решительно пошагали.

А чуть подросши, я со своими товарищами (нас все старшие с усмешечкой называли товарищами) поворовывал пашущихся на загородном лужке колхозных лошадей, чтобы доскакать даже до далеких, дрожащих в мареве горизонта, холмов. И моя мать однажды отстегала отца полотенцем за то, что он после вспашки огорода вдруг снял с лошади чересседельник, сам взгромоздил меня на её просторную спину и принялся обучать посадке на «пятиточье». То есть, научил он меня ноги не свешивать, сидеть на широченной лошадиной спине почти что на коленях, и не только пятками удерживаться о её бока, а и левой рукой уцепляться за гриву и еще локтем этой руки, при надобности, опираться о высокую лошадиную холку. «Вместо того, что б настрашать как следует, ты еще его и науськиваешь!» — ругала мать отца. А он виновато оправдывался: «Сроду хлопцам лошадей никто не смог запретить. Они ж в этом возрасте, как скаженные. И уж лучше его кой-чему обучить».

А когда при «кукурузнике» Хрущеве в наших домашних закромах и в магазинах хлеба не стало, то каждый из моих ровесников в свою очередь и уже в седле с подвязанными по длине ног стременами скакал на Украину, в ближайшее к нам Белополье, где хлеб в магазинах никогда не переводился, а в иной раз даже продавали его в одни руки по две буханки. И к ночи доставлялся этим посланцем мешок хлеба на весь наш куток.

Когда мне тоже выпадало из столь важного похода возвращаться, то мать меня, еле стоявшего на ногах, спешила в дом увести, а отец тут же проверял, не «запалил» ли я лошадь, поскольку при наступлении сумерек лошади маломерным наездникам не доверялись, уши наостряли, глаза выпучивали, и требовались немалые усилия, чтобы удерживать их от бешеного галопа.

Последние свои героические походы я совершил с двумя своими наиболее верными товарищами в лето после шестого класса — и уже на велосипедах — в древнейшие северские города Рыльск и Путивль.

Все домашние должны были думать, что едем мы на дальнюю плотину пескарей ловить и ими объедаться. Но о великом нашем походе в более далекий Путивль всё село каким-то образом узнало еще до нашего возвращения, и если мать, встретив меня чуть не за полночь невредимого, сразу же утешилась, то отец и через месяц, и через год пытался все-таки прояснить: «Вот, скажи ж, что тебя туда понесло, и как ты жить дальше собираешься с такою непонятною, с такою абсолютно беспутною головою?»

Но — как и кому можно было рассказать о том, что в последний свой поход я с товарищем отправился исключительно от восторга пред вот этими, моим братом где-то обнаруженными, строками из «Слова о полку Игореве»:

«А мои-то куряне опытные воины: под трубами повиты, под шеломами взлелеяны, концом копья вскормлены, пути их ведомы, овраги им знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли изострены...»

Хотите — верьте, хотите — не верьте, но мне в тогдaшнем моем возрасте казалось, что если уж я курянин, то и к походу князя Игоря в Дикое Поле причастен.

Золотой век

И вот же, у древних греков был золотой век Перикла, а в моем селе Сухиновка Глушковского района Курской области был такой же блистательный век Платона Карпича (ува-

жения ради все отчества у нас произносилось в их, скажем так, элегическом звучании: Иваныч, Григорич, Василич, Игнатич и т.п.)

И если теперь уже каждый, кто, как я, трудится, щелкая по клавиатуре своего персонального компьютера, а не, например, строителем или продавцом в магазине, относит себя к «русской интеллигенции», то у нас таких самозванцев презрительно называли «интелего» (да даже и в Британской энциклопедии словарная глава «интеллектуал» имеет специальный раздел «русский интеллигент», поясняющий, что если в западном традиционном употреблении «интеллектуал» — это понятие профессиональное, то «русский интеллигент» — это явление «нравственное»).

И вот мне довелось сколько-то лет прожить в своей Сухиновке именно в те времена, когда её старейшиной, вождем, князем, царем и императором (даже соседние села и деревни охотнейше подчинялись ему!) был истинный русский интеллигент Платон Карпич.

Фамилии этого воистину великого человека я не помню (да и никто никогда не называл его по фамилии), также ничего я не знаю и о его происхождении. Могу лишь предположить, что он, подобно всем «народникам», получил перед Первой мировой войной образование фельдшера и «ушел в народ», т.е. в нашу Сухиновку. Где выпало ему поселиться в половине большого кирпичного дома, земством воздвигнутого, а вторая половина этого весьма значительного по нашим сельским представлениям здания служила ему, как это у нас называлось, «хвельшерскимпунхтом». И ни революция, ни гражданская война ничего не изменили в его жизни. Хотя, на моей памяти он уже жил один-одинёшенек, и выглядел смиреннько доживающим свой век старичком.

А близко я с ним познакомился после середины 50-х годов. И случилось это после того, как я однажды уселся к брату на багажник велосипеда, а брат велосипед разогнал, и я, удерживаясь на ухабах, нечаянно попал ногой в колесо. В результате, Платон Карпич — в своем старинном полотняном костюме и в галстукe конца века девятнадцатого — принял меня из рук моей матери с надрезанной спицами пяткой.

Поскольку спицы у велосипеда были ржавыми, Платон Карпич три дня и три ночи не отходил от меня, в его просторной кровати утонувшего, стерег от «антонового огня». Из лекарств же я помню только самогон-первач, настоящий на березовых бруньках, которым рана моя обильнейше промылась. Видимо, в лечении применялось также и что-то более медицинское, но в памяти у меня остались только эти очень

уж жгучие бруньки. А вернул меня Платон Карпич моей матери воистину по-цезаревски: «Вручаю! Бери! Храни!» И на всю свою жизнь запомнились ей эти три слова по случаю моего спасения от «антонового огня» выстроившимися в торжественнейшую шеренгу.

Однако, Платон Карпич покорила сердца всех наших селян не столько даром целителя, сколько «ко всем великой приязнью и мудростью своего рассудка». Уж если он шел по улице, то мужчины, в случайном кружке своем гомонящие, сразу же выпрямлялись, как струны, а женщины глядели на него с чистосердечнейшим восхищением. То есть в своем неприменном костюме — застиранном и то ли льняном, то ли из иного легкого полотна, а также в старинном галстуке и со своей опрятно «куцеватой» бородкой, — он всем нам казался сошедшим небес Саваофом.

Даже председатель нашего колхоза, привыкший в выражениях не стесняться, при появлении Платона Карпича либо досадливо затаивался, либо вдруг в отчаянье восклицал: «А пусть же вам сам Платон Карпич скажет!» И Платон Карпич, ветхенький, простенький, лишенный всяких честолюбий, либо что-то смущенно пробормотывал, ссылаясь даже и на никому в нашей Сухиновке неизвестного Канта, в том смысле, что «истина пробивает себе дорогу через любые эмпирические препятствия», либо вдруг открывал одну из очередных, одному ему ведомых великих житейских тайн: «Любезнейшие мои, это не председатели придумали, что люди не лошади, которых надо всякий раз понукать, что каждый себя уважающий человек должен сам понимать, когда и зачем ему надо поспешать...»

Невольнейше ощущая, что селяне его уму доверяются безрассудно, Платон Карпич, будучи человеком самым ответственным, скопил в себе знания, касающиеся абсолютно всех обстоятельств нашей местной жизни. Даже на вопрос какой-нибудь молодой хозяйки о том, в какой из ближайших дней можно квасить капусту, чтобы получилась она особо сочной и хрусткой, он тут же вычислял этот день по фазам луны. А бывало, что и гневался он на нас. Например, однажды обнаружив, что некоторые хозяйки начали травить на яблонях гусеничные гнезда дустом, он в тот же день по каждому кутку прошелся и собирающимся вокруг него толпам очень уж беспокойным голосом, сотрясающим весь его изветшавший организм, приказал в борьбе с вредителями яблоневые стволы с самой ранней весны обрабатывать раствором из древесной золы и дегтярного мыла, а затем для стволов изготовлять пояса из свежих листьев чистотела и до конца июня

как можно чаще менять их на новые. «Да вы себе еще и в борщ посыпьте этого дусту!» — с несвойственной ему савонароловой беспощадностью обличил Платон Карпич наших селян. А ими этот его гнев воспринимался не только как его неусыпная забота, а и как его вышняя к ним любовь.

И все за величайшее счастье почитали возможность преподнести нашему властителю какую-нибудь свою верноподданейшую дань. Когда, например, в нашем саду созревали вишни, моя мать наполняла ими решето и приказывала мне отнести его Платону Карпичу. А он вишни с благодарностью принимал, но решето возвращал наполненным сливами на том основании, что слив такого сорта в нашем домашнем саду не имеется. А когда зимой я доставлял ему свежатины от зарезанного и осмаленного кабана, то домой возвращался с коровьим маслицем — по той простой причине, что от своей недавно отелившейся коровы мы пока еще получали только молоко, и по маслицу должны были соскучиться.

Наша Сухиновка была в ту пору единственной во всём мире страной, властитель которой её богатства распределял меж своими подданными даже с учетом той их нужды, о которой каждый из них не успевал подумать.

И никто не мог догадаться, что Платон Карпич не нуждается в столь великих количествах наших солений да варений, в наших самодельных и воистину вкуснейших колбасах, в наших пирогах и с капустой, и с грибами, и с пропитанной медом фасолью, в наших студнях, в наших варениках и оладьях, что избыток преподношений доставляет ему, может быть, больше хлопот, чем радости. Потому что всякая истинная любовь, как и всякое иное чувство, высоким восторгом окрыляющее душу, умеет подчиняться не столько рас судку, сколько само себе. А поколения, прошедшие сквозь все земные испытания, включая свирепейший голод и лишения военной поры, но благодарности за эти муки в должной мере не получившие и затем вдруг испытавшие наслаждение от возможности проявить собственную покорнейшую благодарность к человеку, всегда и ко всем выказывающему свое деятельное сострадание, — только в этой своей ответной благодарности и видят долгожданное достижение своего личного, своего наивысшего счастья.

Однажды, совершая свои ежегодные «хвельшерские» обходы, Платон Карпич к нам зашел, а мать, воспользовавшись случаем, высказала ему так же и вот эту тревогу: «Вот только наш Коля что-то пишет и пишет тайное, от всех нас написанное прячет, и на велосипеде он не катается, как все хлопцы, а улетает незнамо куда». Платон Карпич, внима-

тельно в меня вгляделся (тогда-то я уже на всю жизнь запомнил его лицо — почти как у Чехова, с такими же внимательными глазами, в таких же очках, только более мелкое), и изложил ей свою рекомендацию: «Летает он пусть до тех пор, пока не налетается. А вы, Матрена Григоровна, не беспокойтесь за него, потому как каждый отрок — это не больше, чем отрок, и за ум он возьмется лишь в свой черед».

И когда я сразу после школы стал работать литсотрудником в рьльской районной газете, то мать это восприняла как сбывшееся пророчество Платона Карпича, к тому времени уже почившего, — пророчество о том, что я «налетаюсь» да и «в свой черед за ум возьмусь». А когда я вдруг эту свою первую очень уж почетную по нашим сельским меркам работу бросил и стал летать уже по всей стране, нигде особо не задерживаясь, то мать отцу, обеспокоенному непрекращающимся «ветром в моей голове», упрямо продолжала твердить: «Пусть же он налетается».

Столь непобедимым было её доверие и к мудрости нашего Платона Карпича, и к его величайшей ответственности за каждого доверившегося ему человека.

И вдруг наступила тишина

Если лет тридцать тому назад, приезжая из Москвы в Сухиновку, я мог оглохнуть только от одних гусиных и детских криков, доносившихся со всех дворов, а так же со стороны пруда и загородных лужков, то в последние годы меня оглушает в родном селе уже чистейшая, ничем от земли до неба не пронзаемая тишина.

И в один из недавних своих приездов я перед встречей с бывшими одноклассниками, как всегда, прошелся по нашим куткам — сначала по своей родной, крайней со стороны райцентра, улице Казинке, потом по Дорошивщине до Травянки, потом вернулся на Выгонщину и дошел до Пихтеровки, потом вернулся к центру и прогулялся по улице Дудкино... И вроде бы как прогалины вместо исчезнувших дворов мне попадались не так уж часто. Но если в подмосковных селах вместо бывших крестьянских домов тут же появляются, как протезы взамен выпавших зубов, строения загородного и дачного типа, то в моей Сухиновке образовавшиеся в уличных полатах зияния теперь заполняются лишь лебедой да кустарниками.

Наведаясь я также и в свою родную школу, в начале 60-х годов торжественно открытую, — огромную, кирпичную, с просторными учебными комнатами, с широченным и длин-

нющим коридором. Но после громкого и теперь уже электрического звонка на «перемену» в этот коридор выплеснулись не прежние густые толпы оглашено орущих учеников, а всего лишь несколько реденьких и тихих ребячьих стаяк. То есть вместо прежней тысячи в каждую из двух смен теперь лишь чуть более семидесяти школьников сюда на занятия приходят не только со всей Сухиновки, а и из тех соседних селений, где собственные школы давно закрыты.

И пока длился перерыв между уроками, ни единого крика или визга, ни единого громкого слова я не услышал в коридоре.

Что ли этот нынешний молодняк сам себя ощущает уже не очередной могучею волною когда-то кажущегося бесконечным во времени и пространстве человеческого океана, а всего лишь его присмирившим остатком?

Я всматривался в ребят, пытаюсь распознать в их лицах и спинах собственные школьные повадки и настроения...

И уж не знаю, почему в тот миг меня вдруг, что называется, пронзила вот эта мысль, к нынешним вежливо здоровающимся со мной юным землякам отношения не имеющая: «А все-таки почему во время войны, когда я еще не родился, моего отца, спрятанного от немцев в нашем домашнем подвале, никто из селян не выдал?!»

Дело в том, что моего отца сразу не призвали на фронт, поскольку один его глаз «видел только молоко». То есть еще мальчишкой загонял он лошадей во двор, но одна игристая кобыла взбрыкнула, и камешек из-под её копыта отлетел ему в самый хрусталик. И вот немцы в наше село вошли, начали самых крепковатых мужчин либо снаряжать в полицаи, либо угонять куда-то, либо, чтоб в партизаны они не подались, даже и расстреливать. А моя мать, не справившись с обуявшими её страхами, своими неистовыми мольбами загнала моего отца в наш подвал, и огромный деревянный сундук, когда-то доставшийся ей в качестве приданого, на подвальный люк сдвинула. И во время многих облав ни одному немцу не могло прийти в голову, что под обыкновенным сундуком в обыкновенном сельском доме, построенном аж до Первой мировой войны, таится целое подземелье.

Ну, будь хотя бы у десятка наших селян кроме погребов во дворах еще и кирпичные подвалы в домах, те же полицаи не могли бы именно про наш единственный на всё село подвал позабыть. Ведь не вспомнить о столь уникальной местной достопримечательности — это же всё равно, что парижанам вдруг позабыть об имеющейся у них Эйфелевой башне.

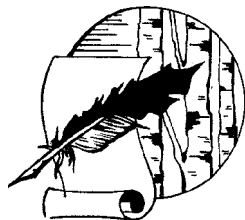
В результате мой отец уцелел, и когда немцы после Курской битвы наше село покинули, он был в армию все-таки мобилизован.

Так почему же его никто не выдал, если на всех оккупированных территориях находились даже и добровольные немцам подсказчики? И почему потом сами сельчане были твердо убеждены, что это не они, а одна только моя мать своими молитвами его уберегла?

Что за обычай в моем селе сохранялся, в соответствии с которым мой отец по окончании Гражданской войны был даже и не раскулачен со всеми его волами и лошадьми — при всём том, что в колхоз он вступил предпоследним и уже почти перед самой войной? Что ли все поколения наших сухиновцев полагали, что живут они не абы как, а на лице земли насквозь видимыми с широко распахнутых над их головами небес? Или это они еще и перед нашим очень уж необыкновенным Платоном Карпичем страшились вдруг осрамиться?

Увы, из ровесников моих давно умерших родителей уже никого не осталось. И мне уже начинает казаться, что все не дожившие до нынешних дней сухиновцы не каждый в свой срок поумирали, а как-то вдруг и как-то все вместе, в том числе и с Платоном Карпичем вместе, с лице земли удалились.

Оттого-то теперешняя сухиновская тишина, в каждый мой приезд встречающая меня, до сего дня мне кажется неожиданной. И каждый раз я вслушиваюсь в нее с тревожнейшим предчувствием чего-то еще никому неведомого.

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

ИСКРЫ В ТРАВЕ...

СНОВА БАБЬЕ ЛЕТО...

Проросли грибами тёплые низины,
Ветерок играет, ласково дразня...
Подарила лето всё-таки Россия,
Говорят, всего-то на четыре дня.

Ну и что, коль сердцу благодать досталась,
Ну и что, коль солнце заливает день!
Снова бабье лето, разве это малость,
Коль под облаками всюду тает тень?

Как они по небу ходко побежали,
Как они охотно оттенили синь!..
И старушка нынче смотрит молодежаво,
И ручей взбодрился и поддакнул: «Дзинь»!

Как с душою ладит это бабье лето,
Как судьбы дорога, кажется, легка!..
И царит богатство неземного света,
В роскоши кленовой — жизни берега!

ЦЕНА

Из года в год дорога вьётся
Среди страстей и тишины.

Наверно, жизнь не зря даётся,
Наверно, жизни мы нужны.

Хоть не просты её дороги
И с ног сбивает ветер, лих,
Не зря, не зря её уроки!..
Но нелегка цена за них.

НЕ ТО...

Жили трудно, бедно, но и жили просто,
Согревались песней посреди зимы.
И не в наши ль окна вглядывались звёзды?
Ах, какие песни распевали мы!

О платочке синем выводила Лида,
Дядя Петя басом прославлял Байкал...
Тут же меж соседок таяли обиды,
Материнский голос в сердце проникал...

Пролетели годы, что ни год, то вызов,
То, что стало с нами, изменить нельзя,
Нет отца и мамы, только телевизор.
Вроде не до скуки — а не то, друзья!..

ПОСТАВЬТЕ ПАМЯТНИК РАБОТЕ!

Когда метель судьбы нагрянет,
Сминая всё, сметая всё, —
Увы, зацепится и встанет
Привычной жизни колесо.

Погаснут милые заботы,
Падет мертво семейный флаг,
И остаётся лишь работа,
Что выше горя, выше благ.

Скрипя, поедет дня подвода,
И лес дорогой наградит..
Поставьте памятник работе!
На ней и только — свет стоит.

СТАРЫЕ ПЕСНИ

Под луной июньской, бледною,
Не кляня житейских пут,
Песни старые, заветные
Наши бабушки поют.

Руки, стиркою пропахшие,
А в глазах — и былъ, и сон...
Ни о чем у них не спрашивай,
Песни скажут обо всем.

Песни старые, заветные,
Счастье с грустью пополам, —
Вновь в минуты эти светлые
Припадаю сердцем к вам!

НЕТУ РЯДОМ СМЕЛЯКОВА...

Были редкостью иконы,
Но — какие голоса!..
Я любила Смелякова,
Словно мудрого отца.

И была за ним победа,
Тронуть стоило струну..
Что-то он такое ведал,
Что немногим по уму.

Открываю книгу снова —
Сердце просится в полёт..
У него такое слово —
Тихо за душу берёт.

Годы жизнь перевернули,
Неспокойно на душе.
Отливает ворог пули,
И не та страна уже.

Рынка жгучие оковы
Не остудишь и зимой.
Нету рядом Смелякова —
Части родины самой.

ИДЕАЛИСТЫ

...Вот и я с пороком воевала,
И попутно сиротел мой дом.
Много дров, конечно, наломала,
Мира не исправила притом.

Миновали каверзные сроки,
И надежда греет среди дня,
Что душой рифмованные строки
Оправдают всё-таки меня.

А НЫНЧЕ...

Не уходи из снов, не уходи,
Ну что тебе, признайся, стоит!
Ещё мы встретимся в пути
И скажем самое простое.

И будет глаз не отвести
От снега или листопада...
Но это всё же впереди,
А нынче даже сон — отрада!

ИСКРЫ

Нынче гаснут кувшинки в пруду,
Я на встречу с тобой не приду,
Хоть и память души дорога, —
Всё имеет свои берега.
От костра только искры в траве...
Мало звёзд мне в твоём рукаве.

СВЕТЛАЯ СИЛА

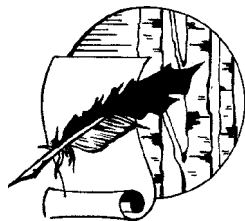
...И чёрные идут, идут снега,
И белые не выпросить у Бога.
А. Шацков

А нам не привыкать к любым снегам,
У нас сама история такая.
Мы научились и прощать врагам,
И биться насмерть, кровью истекая.

А что до белых, искристых снегов, —
Они в душе, как свет или ромашки,
И нет у этой силы берегов,
И потому бессмертно «Знайте наших!»

Опять гуляют чёрные снега,
На солнце снова тучи наползают.
Тревогой наливается строка.
Но Сергей славный и сегодня с нами.

г. Балашиха Московской обл.

Людмила БАНЦЕРОВА

И ЗАТЕПЛИТСЯ СВЕТ...

* * *

Мы жили где-то за чертой...
Михаил Анищенко

Мы жили где-то за рекой,
нам часто дальний берег снился.
Там ветер злился вековой,
он на порог ко мне просился.

И солнце жёлтой стрекозой
в высокие ныряла травы.
Ты ждал меня перед грозой,
давно, у дальней переправы.

Мы жили где-то за чертой,
за перекрёстками округи.
Там тёплый ливень шёл густой,
он тихо воскрешал лачуги...

Стелился звёздами покой,
он появился ниоткуда...
Мы жили где-то за рекой,
там, где не слышно пересудов...

Ложились тени на стене,
и только время нас рассудит...
Мы жили где-то в стороне
от толкотни людской и судеб.

Мы жили где-то за рекой,
и я ждала тебя под вечер.
И было небо высоко,
и было время быстротечно...

* * *

И опять осенние дожди
застилают сонную округу.
Осень, ты меня теперь не жди,
и свою не считай подругой.

Я уже сегодня не спешу
подытожить горестные вьюги.
Лишь о тихом ветре попрошу,
в тех лесах, где прячутся пичуги...

И застряну в сонмище берёз,
и застынет бег моих скитаний.
Всё что было в жизни — не всерьёз,
это только миг воспоминаний...

Мне теперь уж некуда спешить.
Пусть Господь мои увидит тени.
Как же долго я живу в глуши,
только слышен голос мой осенний...

* * *

Побелите колокольню,
пусть над ней сияет крест...
Мне легко идти по полю —
родом я из этих мест...
Побелите колокольню —
все дороги к ней ведут.
Со своей тоской и болью
я наверно пропаду...
Как же дышится раздольно,
и душа ещё светла.
Побелите колокольню,
там до неба купола.
Я приду к тебе, родная,
помолиться не спеша,
никого не проклиная...
Вновь затеплится душа...

* * *

Вспомню поцелуев воскресенье,
тихий наш с тобою диалог..
Ты придёшь ко мне такой весенний,
словно ветер вдоль степных дорог..

Может, вспомню наши дни-качели —
суетность и ветхую печаль,
как деревья вдалеке слабели,
и луна сгорала, как свеча.

Были наши ночи бесконечны,
звёздами заплатанная даль.
Где ж теперь ты, ветер мой сердечный?
Может, мне тебя немного жаль...

По проулкам бьётся ветер встречный,
словно одичавший, не родной..
Ты придёшь ко мне и будет вечер
лунами светить во всё окно...

* * *

А в деревнях такое бездорожье,
куда ни глянь, одни лишь пустыри..
Я в каждом доме вижу силу Божию,
она в иконах старых, посмотри!

А в деревнях такое запустенье,
что хочется отдаться тишине.
Я в этом нахожу своё спасенье,
я в этой разгуляюсь стороне...

И мне ль не чувствовать всей кожей,
как тихо стынут реки в берегах.
А в деревнях такое бездорожье,
живу от четверга до четверга...

А за окном последний снег сгорает,
он тоже одинок в моих краях..
А в деревнях живут и умирают,
пока теснится долгий день в дверях...

* * *

И затеплится свет в занавесках оконных...
Мне давно не хватало земного родства,
я уеду на север, и станет спокойней
там, где падает тихо на землю листва.

И опять мне покажется вечер промозглым,
отлетающий день — снеговая канва.
Я сегодня пристану к дорогам обозным,
там, где птицы взлетают и стынет трава.

Снова встречу в дороге я ветер жестокий.
Даже если на землю падут холода,
моё время придёт и затеплятся строки,
как по северным рекам живая вода...

* * *

Моё сердце готово
к неизбежным снегам.
Мне бы счастья простого,
чтоб пройтись по лугам.
Всё, что было святого
в этой сумрачной мгле —
я приму, я готова,
лишь бы жить на земле...
Без конца и начала —
там, где сердце моё, —
тихо птица кричала,
колосилось жнивье...
Как ты, жизнь, бестолкова —
предначертанный крест.
Моё сердце готово —
купола до небес...

* * *

А осень, как плавучая река,
израненными ветками во мне.
Ты мне махни рукой издалека,
из глубины заоблачных теней.

А осень, нам её не поделить,
и не продлить изломанной строки...

Как долго мне у берега бродить,
у тёмной неразбуженной реки.

Не скрыться от неё на чердаках,
не затаиться в скорбной тишине.
Ведь осень, как плавучая река,
израненными ветками во мне...

Я растворюсь по улицам пока,
под фонарями редкими пройду..
Не встретить мне сегодня земляка,
не поклониться птичьему гнезду..

* * *

Кочующие в осени ветра
сегодня холодны и непорочны.
Такая боль сквозит уже с утра
в моих непрошенных стихах сорочьих.
Что мне от этой осени теперь —
просить? Или надеяться на чудо?
Мне так хотелось вновь и без потерь
пройти по кромке собственного чувства.
Как одинок в лугах речной разлив.
Я снова вижу искренность в долинах.
А сердце осени опять болит,
за то, что мир меняется в картинах.
Что мне от этой осени теперь,
когда дождями светятся дороги,
когда с утра не закрываешь дверь,
ведь где-то близко радость моя бродит..

д. Насурово Рязанской обл.

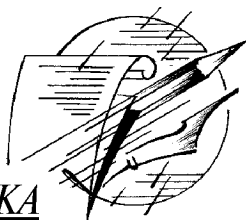
КТО ПОДНИМЕТ СЕЛО РОЖДЕСТВО?

ОСИРОТЕВШЕЕ НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ

Очерк

ПРАЗДНИК В СЕРЕДИНЕ ЛЕТА

На юго-востоке Валдайской возвышенности, в том краю, который сами тверяне называют Верхневолжьем, несчётное множество короткого пробега речушек, больших и малых озёр, торфяных болот, напоминающих о доисторическом наследии ледникового периода. Быстрые холодные здешние реки устремляются обычно с запада на восток. Некогда полноводные, сплавные, с плёсами, плотинами, Фёдоровыми и Ванюшиными мельницами, уступают они теперь, пядь за пядью, гальке и песку обсыхающих берегов. «Сонки», «трестянки», «фировки», «жабенки», «красёнки»... Печаль убывающей жизни лежит и на водном челе одной из их сестёр, речке Граничной, где не один век бытует старинное село Рождество. Потеряв былую силу от губительных вырубок, довольствуется теперь Граничная не могучими елями, соснами, раки-тами, а зарослями ивняка, орешника, ольхи. Берега пустынные, тихие, без мычания водопойных стад, хлопанья утиных крыльев, шумного восторга купающейся ребятни.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В начале августа отмечают здесь День села. «Торжественная часть», как и в прежние, совхозные времена проходит в сельском клубе. Немногословные, без бумажки, речи медиков, учителей, сотрудников местной администрации перемежаются выступлениями самодеятельных артистов. День не рабочий, субботний, слово получает каждый желающий. Раньше на таких торжествах, попозже, в октябре, отмечали трудовые достижения доярок, механизаторов, полеводов, агрономов, зоотехников. Вручали дипломы, грамоты, вымпелы, ценные подарки. Теперь «трудовые достижения», говоря высоким слогом, канули в лету. Крупнейшее сельхозпредприятие, совхоз «Шлинский», как и его собратья — колхозы, совхозы Фировского района — не значится в государственном реестре юридических лиц. Глобальный проект «фермеризации» России, спущенный сверху в девяностые годы, выполнен решительно и бесповоротно.

Рядом с клубом, через дорогу, на лужайке курится, обложенный небольшими валунами, очаг. Костёр, набрав силу, уже не требует дров; синеватые угли обдают жаром днище большой, ведра на три, общепитовской посуды. Для доварки, томления ухи из линьков, ершей, плотвы и прочей мелочи, оставшейся в реке от бывшего изобилия, такой жар самый полезный. В иные времена, как говорят, водились здесь и сомы, и судаки, и язи... Недаром же изначально поселение рыбаков именовалось Холуи — так называлась промысловая плотина из поваленных деревьев поперёк реки. По преданию, строительство здешнего храма связано с посещением этих мест Екатериной Великой. Из становища рыбаков поднялось село Рождество.

...Столы составлены, накрыты, повара — местные хозяйки — распределяют посуду, приправы, режут лук, хлеб. Всё дружно, ловко, без суеты.

— Сергей Викторович, — между делом обращается одна из хозяек к доктору Сорокину, — во вторник детский приём будет? Хотела привезти своего младшего...

Сергей Викторович, уроженец деревни Поддубье — шесть километров от Рождества — после окончания Калининского мединститута вернулся в Фировский район. Был лечащим, участковым, главным врачом района, специалистом общей практики. Отлучался только на переподготовку, курсы повышения квалификации.

— Приезжайте, только с утра позвоните.

Рождество по здешним меркам село крупное. До разорения совхоза, а здесь располагалась его центральная усадьба, почти три десятка деревень составляли два отделения. Де-

ревня доктора Сорокина, Поддубье, тоже входила в одно из отделений. До пятого класса учился он дома, в начальной школе, потом пошёл в Рождество. Из Поддубья, одной ватагой, каждый день отправлялись на занятия два десятка учеников. Шесть километров туда и обратно. На уроки не опаздывали, сельская жизнь рано приучает к порядку. Скоро Сергей заимел «коня» — стал водить мотоцикл. Рулить начал мальцом, устроившись впереди отца, старший только перебрасывал скорости ногой. Потом отец доверил «Минск». Посмотрел, как машина уверенно нарезает один круг, другой... «Забирай!».

Вели уроки истории в Рождественской школе учителя, любящие свой край, понимающие, как приобщить своих воспитанников к судьбе Отечества. Здешние места с древних времён населяли славянские племена кривичей. Немало материалов дали археологам раскопки в пределах Жабенского погоста Деревской пятины Великого Новгорода. Погост Жабны, родина святого Нила Столобенского, как свидетельствуют Новгородские писцовые книги, ненамного младше Москвы. Сохранились документы по истории быта, земледелия тех времён, когда этот край осваивали русичи, белорусы, поляки, литовцы, латыши. Каждый народ вносил в земледелие, в хозяйственный уклад свой опыт, свои традиции.

В двадцатом веке от мелких единоличных хозяйств, поддерживаемых промыслами вроде рыболовства, охоты, гонки дёгтя, до небольших артелей в тридцатые, пролегал путь к многоотраслевым механизированным сельхозпредприятиям. Как убывало с каждым десятилетием поколение фронтовиков в шестидесятые-семидесятые, так и теперь всё меньше и меньше остаётся тех, кто сеял, снимал урожаи, строил гаражи, фермы, комплексы, прокладывал дороги по здешним буеракам и хлябям, когда в дожди единственным транспортом от деревни к деревне становился гусеничный трактор с прицепными железными санями.

Вся жизнь Татьяны Сергеевны Рысовой связана с тверским-калининским краем. Работала зоотехником, руководителем животноводческого комплекса, секретарём партийного комитета.

— Совхоз «Шлинский» был не из бедных. Создали его в шестьдесят девятом, объединив три колхоза. На двух отделениях одиннадцать комплексных бригад. Сеяли лён, зерновые, но главное направление — животноводство.

Далёкие от жизни кабинетные «реформаторы» представляют сельскую экономику упрощённо, не понимая взаимосвязи звеньев длинной цепочки. Бездумная распашка сте-

пей в хрущёвские пятидесятые, вопреки предупреждениям учёных, обернулась пыльными бурями, погубившими плодородный слой. Потребовались десятилетия для восстановления почвы. Животноводство по сложности, зависимости от климатических, экономических обстоятельств не уступает полеводству. Безостановочная «страда» с неукоснительным соблюдением правил зоотехнии, ветеринарии, селекции... Нужна надёжная кормовая база с подстраховкой в годы засухи или затяжных, до глубокой осени дождей. В «Шлинском» часть урожая зерновых оставляли на фураж, но много сеяли рапса, многолетних трав. Учитывался опыт соседей, того же колхоза-миллионера «Память Ильича», других известных в Калининской области хозяйств, как знаменитые «Красный Путиловец», «Селихово», «Мир»...

На рубеже семидесятых-восьмидесятых, когда в 1982 году на майском Пленуме партии была принята Продовольственная программа, сельскохозяйственная отрасль стала на промышленные рельсы. В «Шлинском» заметно возросла техническая оснащённость всех участков. Работников с высшим, средним специальным образованием было уже за сорок человек. Имелась собственная служба технического обслуживания ферм, доярки не только по штатному расписанию назывались операторами доения. Татьяна Сергеевна возглавляла один из двух животноводческих комплексов на 400 голов. Два совхозных молоковоза ежедневно доставляли продукцию на переработку в Бологое. Обратно выпаивали молодняк.

— Знаете, сколько народа было у нас? Четыреста человек. Агрокомбинат! Главная сила — механизаторы. Сорок тракторов, комбайны, сельхозмашины. Свои молоковозы, бензовозы. Парк техники по заготовке кормов, включая немецкие агрегаты.

Всё производство возглавляли ведущие специалисты: три агронома, три ветврача, два зоотехника. В службе главного инженера находились специалист по автотранспорту, заведующий ремонтными мастерскими, энергетик, инженер по обслуживанию ферм. Первое отделение, Рождественское, объединяло окрестные деревни...

Хозяйство было многоотраслевое. Разводили романовских овец, держали небольшую свиноферму, полностью обеспечивая своих работников мясом. Специализированное звено занималось выращиванием льна-долгунца, которым засевали двести гектаров. На льнозаводе в Вышнем Волочке знали: «Шлинский» сдаёт тресту только высоким номером. В начале восьмидесятых развернулось большое строительство: возвели котельную, столовую, баню, очистные сооружения...

Механизация сельского труда имела цель полностью исключить тяжёлый ручной труд. В середине двадцатых, когда Н.И. Вавилов посетил Америку, восемьдесят процентов сельхозработ в Штатах были механизированы. Советская Россия начинала жизнь с лозунга: «Больше металла в деревню!» Весь её «технический парк» составляли двадцать два миллиона лошадей. Отсутствие машин на российских полях объяснялось не только общей технической отсталостью. Помещиков устраивал дешёвый ручной труд и крепостных крестьян, и впоследствии «освобождённых» батраков. Собрал бежецкий изобретатель-самородок в середине девятнадцатого века машину-комбайн для уборки зерновых. Отправил чертежи в Министерство земледелия — тогдашнее главное ведомство сельского хозяйства. Ответ был краток: изготовить такую машину нет возможности из-за отсутствия средств. К обмолоту урожая на колхозных полях приступили первые советские комбайны в тридцатые годы — уже не на конной тяге, а в сцепке с тракторами Сталинградского, Челябинского заводов. Конструкторы проектировали и самоходные агрегаты, но время их настало только после войны. Бежецкий завод сельхозтехники, заложенный ещё в середине войны, выпускающая агрегаты разного назначения, специализировался на выпуске машин для льноводческой отрасли.

Одновременно с развитием сельскохозяйственного машиностроения внедрялись достижения агрономической науки. В годы коллективизации в райземотделах на куст хозяйств приходился обычно один агроном. Пополнение специалистов-аграрников началось только в пятидесятые, шестидесятые годы. Вскоре появилась возможность составления технологических карт сельхозугодий. Созданием этой картотеки занимались и в совхозе «Шлинский». «База данных», как сказали бы сейчас, позволяла увидеть реальную картину: что сеяли на этом участке в прошлом, какие были погодные условия, какой собрали урожай. Среди неудобий и болот плодородной земли не так много, каждый гектар надо вывести на его урожайный предел.

— Горбачёвская «перестройка» началась с середины восьмидесятых, — вспоминает бывшее Татьяна Сергеевна. — Под предлогом предоставления хозяйствам большей самостоятельности, начали разрушать плановую систему; тогда ещё закладывался механизм будущих бартеров, вала неплатежей, трудностей со сбытом продукции.

История ликвидации высокомеханизированного рентабельного совхоза «Шлинский» мало чем отличается от гибели тысяч коллективных хозяйств. Огромную аграрную от-

расль, главный источник снабжения страны продовольствием, обесточили сверху, как выключают рубильник на главном распределительном щите. «Деколлективизацию надо вести законно, но жёстко», — давал указания со Старой площади бывший аспирант американского Колумбийского университета А.Н. Яковлев, поднявшийся при содействии Горбачёва до кресла главного идеолога партии. Отсутствие значительных государственных закупок, которые в капиталистических странах являются обязательным элементом годового производства продовольствия на очередной год, немыслимые цены на ГСМ, запчасти, при заниженной стоимости зерна, молока, мяса, другой сельхозпродукции, стали скрытой подводной миной.

Не пошли мы с Татьяной Сергеевной смотреть результаты того колоссального удара, разметавшего, пустившего на дно большие и малые «корабли» сельскохозяйственной экономики...

Внимание любителей агротуризма, входящего ныне в моду с опустошением сёл и деревень, возможно, привлечёт здешний Больничный городок и Памятная доска на одном из его зданий. Земство Валдайского уезда в конце девятнадцатого века приступило к строительству больницы в селе Рождество. Доктором был приглашён выпускник Военно-медицинской академии, участник Русско-турецкой войны И.Г. Чернявский. Оставив большие возможности карьеры, научной деятельности, Иван Григорьевич посвятил свою жизнь делу врачевания простых тружеников. В годы Великой Отечественной войны в прифронтовой полосе Верхневолжья все бывшие земские больницы и новые, построенные в тридцатые годы, стали госпиталями. Один из них располагался в Больничном городке, здесь, на своём посту, в голодном, холодном сорок третьем завершилась жизнь великого народного врачевателя. Памятная доска о народном докторе Чернявском закреплена на одном из зданий сельской медицинской службы. С доктором Сорокиным, до начала торжественной части в клубе, побывали мы на сельском кладбище, на могиле Ивана Григорьевича. Огонёк памяти о народном врачевателе, с уходом поколений, стал гаснуть, но благодаря рождественским учителям Евгению Александровичу Иванову и его сыну Константину Евгеньевичу, имя подвижника снова светит потомкам.

Поблизости от места упокоения доктора — большое мемориальное кладбище. Офицеры, сержанты, рядовые... Молодые, в летах и совсем юные лица с глазами, только взглянувшими на восход жизни. К тридцатилетию Победы, когда

оформлялся мемориал, поисковики, в том числе и рождественские, фировские учителя, школьники, приложили много сил, чтобы через военкоматы, родственников погибших, найти фотографии героев. Пехотинцы, танкисты, артиллеристы, сапёры... В этих местах, недалеко от деревни Градобить, базировалась лётная часть, откуда лейтенант Алексей Маресьев в составе эскадрильи уходил наносить удары по окружённой в Демянском «котле» немецкой группировке. На противоположном берегу озера Шлино начинается «Маресьевская тропа», по которой каждый год, зимой и летом, отправляются группы поисковиков, студентов, школьников из разных мест России.

...Закончились в клубе торжественная часть, выступления самодеятельных артистов. Сошлись у столов взрослые, дети — жители села, гости из райцентра и более дальних мест. Половники, не расплёскивая, наливают уху в подставленные миски.

Первыми получили свои порции ребятишки. Многие из них приезжие, живут у родственников. Второклассник Костя из Твери гостит у бабушки.

— Чем дома, кроме уроков занимаешься, Константин?

— Хожу в секцию баскетбольную. Помогаю маме...

— Кот-то есть у тебя? — спрашивает наш водитель.

— Нет, кошки нету. У мамы аллергия. Улитка есть. Капустой, огурцами её кормлю, всё хрумкает. Только ночью — днём спит...

Через пару недель разъедутся внуки-гости в Вышний Волочёк, Торжок, Тверь, Петербург, Кашин... В Рождественской средней школе, построенной в семидесятые годы на 640 мест, в первый класс наберётся теперь едва ли полтора десятка. Верхневолжье не Краснодар, где, как с восторгом оповещала пресса, в одной из школ будет даже первый «Ф».

Едва ли День села в былые времена отмечали бы в августе. Летом дорог каждый час. Успеть бы вытеребить лён, убрать озимые, заготовить корма. Следом второй укос, наладка картофелеуборочной техники. Теперь не пылят грузовики с наращёнными бортами в сторону элеватора, не спешат цистерны-молоковозы на завод. Тишину нарушают только лесовозы, держа путь к железнодорожной станции. После ликвидации колхозов и совхозов их лесные угодья отданы в аренду на сорок девять лет. Нет строительства животноводческих комплексов, овощехранилищ, детских комбинатов, коттеджей для селян; невесть в каких странах окажутся фировские ели, сосны, вязы, берёзы. Своей деревообработки давно нет, сбывается лес как сырьё.

В тридцатые годы и позже, в послевоенные, учётчицы-девчушки, а то и сам бригадир, замеряли дневную выработку пахоты, посевов деревянным двуногим циркулем-кидком. Пройтись бы с этим «кидком» по лугам и пашням Фировского поречья через годы-десятилетия, от полосок единокличников, полей первых коммун (по дороге из Фирова в Сосновку стоит указатель селения «Коммуна», созданного когда-то в усадьбе бывшей помещицы), по жнивам первых колхозов, послевоенных мелких артелей, машинным дворам семидесятых годов — с немалым парком техники, ныне ржавеющей возле домов несостоявшихся единоличников-фермеров...

Прошлое не переверстать, не обратить вспять, но с каким умыслом, для чего уничтожен был сельский уклад, отстроенный с великим трудом в истерзанной войной стране? И теперь, после «реформ», День села на речке Граничной отмечают без трактористов, комбайнёров, полеводов, зоотехников, агрономов, инженеров...

Порожние лесовозы с налёта берут взгорки и окраины села уходят на вырубку за новой добычей. Импортные комбайны-вырубщики и лесовозы не знают выходных.

«ЗА ЛУЧШИЙ ЛЁН В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ»

Ближе к полночи темнота стужается, поглощает дальние перелески, холмы, но вскоре по клеверам справа и здесь, на льяном поле, растекается мерцающий свет калёной луны. Телега оставлена на обочине дороги, по её кромке стреноженный Орлик выщипывает свой прокорм. Председатель жуковской артели Евграф Матвеевич Бойков, за день побывавший в трёх деревнях и отмеривший немало километров, завернул, возвращаясь домой, на льяное поле. Деревенские знают: не возьмёт председатель под седло коня, освободив его на целый день от работы. Без спешки, размеренным шагом привычного к дальним странствиям ходока, обошёл председатель бригады, потолковал с народом, выслушал соображения о первостепенных делах, высказал своё мнение. Старики ценят его ум: «Евграф — это голова!»

По всем приметам, как нередко бывает в начале июня, ожидается ночной заморозок. Может прихватить лён. Днём свезли на поле подсохшую накошенную траву, сучья, хворост, чтобы в нужный час пустить понизу дым. На дежурство в ночь отправили Черкунова. Один из тех, кто в первой двадцатке хозяев-единокличников вступил в колхоз.

Беседовали о прошлых урожаях льна.

— И сколько, Егор, в тот год у тебя вышло тресты? — Бойков, присев на расстеленный на траве козушок, переобулся, натянул сапоги.

— Не много, Матвейч. Центнера полтора... Семена мелкие, да и сеял по ржи. До Моляковой далековато.

— Молякова всю зиму тридцать пятого на курсах занималась, все указания агронома выполняла. За семенами ездила в Бежецк, на семеноводческую станцию.

— Читал я, читал... Брала Харитина обязательство со своим звеном собрать по десять центнеров волокна с гектара. Взяли двенадцать! Небывалый урожай. Да ещё в засушливый год.

— Да, засуха прихватила. Поливали лён... На наших суглинках только лён и может поддержать. Сколько даёт рожь, сам знаешь. В единоличниках едва сводили концы с концами, только бы до новины дотянуть.

Егор покопался в телеге, достал сапожный нож, шило, дратву — собирался чинить сбрую.

— Со льна тоже, что имели, больше булыням-перекупщикам перепадало... Слышал я, Матвейч, был ты у наших соседей, вышневолоцких, смотрел сушилку..

— Смотрел, Институт льна подготовил чертежи. Всё предусмотрено. За сутки можно провести три топки, волокно тяжеловесное, маслянистое, высокого качества. Постройка окупается за один сезон. Безопасно в пожарном отношении. Каждый год не в одном, так в другом хозяйстве горят риги... В нашем районе вроде бы эстонцы в Нурмекунде собираются такую сушилку строить.

— Эстонцы мужики грамотные, по восьмиполке ещё с переселения сеяли.

— Они-то сеяли, а мы на четырёхполку никак не можем перейти. Рожь, овёс, пары и снова рожь. Трудно крестьянам отвыкнуть...

Безлюдно, пустынно на ночной дороге, пока перед рассветом не простучит по камням окованное железом тележное колесо или не проскачет в райцентр по срочному делу верховой.

С тверской земли в прежние времена более ста восьмидесяти тысяч крестьян уходили по весне на заработки. Своего хлеба хватало только до середины зимы. В Валдайском, малохлебном уезде кормились в основном ремёслами, рыболовством. В помещичьих экономиях посевов зерновых было немного, почти половина хозяйств вообще не имела запашки. Большую часть пастбищ, лугов крупные землевладельцы сдавали в аренду. Значительный доход помещикам давали

лесные угодья. Земельная реформа в первую очередь учитывала интересы дворянства. Площадь помещичьих земель, за три десятилетия после выхода «Положения», сократилась вдвое, но цены на землю выросли с четырнадцати рублей за десятину в четыре раза. Стоимость всех дворянских земель в целом увеличилась вдвое, однако посевы составляли только четырнадцатую часть дворянского пая.

Земля сдавалась крестьянам в аренду за отработки, за деньги, за половину снятого с участка урожая. Плата вольнонаёмных в два раза превышала найм безденежных бедняков-арендаторов, способных расплатиться с владельцем земли только своим трудом.

Сельскохозяйственная техника — молотилки, веялки, сенокосилки — поднимали доходность хозяйств, но таких механизированных экономий было немного. На всю Тверскую губернию приходилось шесть сотен молотилок, чуть больше тысячи веялок. В крестьянских хозяйствах преобладал ручной труд, как в «дедушкины» времена. Обычная картина, увиденная поэтом:

*Положили гурьбой
Золотые снопы.
На гумне вперёбой
Зазвенели цепи.*

Некоторые помещики пытались отойти от низкоурожайного, истощающего почву трёхполья. В шестидесятые годы девятнадцатого века помещик, агроном П.П. Извеков в Зубцовском уезде, расширив кормовой клин, значительно увеличил поголовье скота, ввёл восьмипольный оборот: рожь, ячмень, три поля клевера, греча, овёс... Чистая прибыль от полеводства превысила семьсот рублей, по девять рублей с десятины. В его имении на одну паровую десятину приходилось семь голов крупного рогатого скота и три лошади. Даже середняцкие хозяйства не располагали таким количеством коров, лошадей, без чего невозможно было основательно подпитать почву органикой.

В «культурных» экономиях, по западному образцу, где поля обрабатывались усовершенствованными плугами, боронами, сеялками, четырёхконными молотилками, требовались рабочие руки — батраки. Нанимали в экономиях и годовых, и сезонных, и постоянных рабочих. Оплата чаще всего зависела от того, насколько крестьянин нуждался в деньгах. Но даже при самой низкой, урезанной оплате, сельская экономика в новых капиталистических условиях, особенно жи-

вотноводство, не давала дохода. В помещичьих хозяйствах, где имелось несравненно больше покосов, клеверных делянок, в пореформенное время количество лошадей сократилось в шесть раз, крупного рогатого скота ещё больше — в шестнадцать! Только незначительная часть хозяйств была рентабельной, как, например, ферма на пятьсот коров голландской породы у С.Б. Мещерского в Старицком уезде. При имении находилась Лотошинская школа скотоводства, маслоделия и сыроварения. Известен был в Тверской губернии среди сельских хозяев отставной военный Николай Васильевич Верещагин, брат художника-баталиста В.В. Верещагина. В селе Единово Корчевского уезда действовала школа молочного хозяйства, где Николай Васильевич вёл занятия. Он же основал несколько артельных сыроварен, по примеру швейцарских крестьян-сыроделов, чтобы доход отрасли доставался не перекупщикам молока, а крестьянам. Но в целом по Тверской губернии, даже в хозяйствах с многопольной системой из-за тяжёлых климатических условий, долгой зимовки, низкой культуры земледелия, отсутствия предприятий переработки животноводство оставалось убыточным.

На чём же при низкой рентабельности полеводства и животноводства держалось помещичье хозяйство? Лесные наделы, винокуренные, кирпичные, лесопильные, крахмально-паточные производства, обычно небольшие, кустарные, с десятком работников... Но и эти «фабрики» и «заводы», как они громко именовались, несмотря на поддержку банков, Крестьянского, Дворянского, оказались не приспособленными к законам товарного производства, не развивались, не оснащались новым оборудованием, не пополнялись более образованными работниками. Если землевладельцы, как официально именовались помещики, всё больше запутывались в паутине банковских кредитов, закладов, перезакладов именей, то на что мог рассчитывать крестьянин-единоличник? Почвы, суглинистые, иловатые, глинистые, болотистые, усеянные валунами, булыжниками, щебнем, не могли обеспечить хлебом земледельца на весь год. В начале двадцатого века в Тверской губернии более половины сельского населения начинало прикупать хлеб с зимы. В Осташковском, Вышневолоцком уездах хлеб прикупали восемь из десяти крестьянских хозяйств. Статистические отчёты того времени подтверждают: рожь потребляется на месте, за пределы губернии идут только лён и овёс.

Зажиточный, хорошо знавший кузнечное дело крестьянин Александр Алексеевич Нефёдов, житель деревни Новое Козьяново, в самодельной тетради вёл ежедневную летопись с

января 1893 года. (Бесценный крестьянский дневник хранится теперь в Фировском районном краеведческом музее.) Майская запись Нефёдова: «Сегодня впервые пустили мы к ночи лошадей. Многие крестьяне приходят к нам просить хлеба займы как для еды, так и на семена. Покуда поделаяемся помаленьку...» В августе того же года: «Рожь нынче уродилась плохая в сравнении с предыдущим годом, у нас-то ещё ничего, а, говорят, из деревни Каменники, так и на семена не достают. Они хлопочут о выдаче ссудою из земства».

При такой «доходности» хозяйств, частых неурожаях, зимой 1931 года жители деревень Жуково, Обогорье, окрестных хуторов решили объединить свои мелкие наделы. Назвали колхоз «Память Ильича». Поздним январским вечером съехались крестьяне на свой первый сход. Росла на столе стопка заявлений о вступлении в артель. Василий Кудряшов, Павел Фёдоров, Пётр Иванов, Алексей Виссарионов, Евграф Бойков, Егор Черкунов, Фёдор Семёнов... Всего вступило тринадцать семейств. Судили-рядили, как вести общий хозяйство, к кому ставить скот, куда складывать мелкий инвентарь, хомуты, сбрую. Спустя год артель объединяла уже двадцать четыре двора, а в 1934 — девяносто семь. Никто не загонял в артель, видели люди, что вместе надёжнее, даже если выпадет неурожайный год или лишился лошади. В 1932 году в хозяйстве было восемь коров, семнадцать лошадей, молотилка с конным приводом. Собрали в ту осень 285 центнеров зерна, колхозная касса значительно пополнилась от сдачи льна. В соседних деревнях тоже появились колхозы — «Единое поле», «Сотрудник», «Им. Чапаева»... Эстонцы из поселения Нурмекунде создали коллективное хозяйство «Сяде» («Вперёд»). С помощью московского землячества эстонцев, в «Сяде» появился первый в округе трактор «Фордзон». При поддержке государства артели приобретали технику, вели строительство хозяйственных помещений, вводили в оборот неудобья, расширяли пахотный клин. Полеводство, животноводство, подкреплённые знаниями агрономов, зоотехников, выходили на путь новых возможностей. Непросто менялся вековой крестьянский уклад, многое зависело от того, кто станет «головой» — дельный хозяин или расточитель, краснобай. Одна из центральных газет рассказывала, как на Черниговщине такой «голова» разорил колхоз. Цинк с крыши добротного здания приказал снять, изготовить ведра на продажу, само строение разобрали на дрова. Устроил праздник Первой борозды, завалив на угощение двух лучших пахотных волов. Видя такое управление, «громодяне» стали разбегаться...

В жуковской артели «Память Ильича» не сразу выбрали председателем Бойкова. Вначале походил бригадиром, показал, какой доход может дать лён. За успехи в льноводстве правление артели наградило Евграфа Матвеевича «ценным подарком», бараном. Районная газета «Сталинский путь» сообщила об этом событии.

В Калининской области, как и по всей стране, начиналась механизация сельского труда. В июне 1935 года партийный актив обратился в бюро ЦК ВКП(б) с просьбой организовать в Фировском районе машинно-тракторную станцию. Первые пятнадцать тракторов Харьковского завода прибыли в Фировскую МТС уже осенью и приступили к работе на полях коллективных хозяйств. На Харьковские тракторколёсники сбегались смотреть и стар, и мал — до этого «железного коня» видели только в газетах. Полевые работы велись в районе по плану, пахотный клин составлял полторы тысячи гектаров, из них четыреста гектаров целины.

При МТС создавались курсы, школы механизаторов, сельская молодёжь с большим желанием осваивала технику. Среди курсовиков было немало девушек. На клич Паши Англиной — «Подготовим сто тысяч девушек-трактористок!» — отозвались и в Фировском районе. (В военные годы в опустевшей деревне девушки-трактористки водили машины и сами их ремонтировали.) Училась не только молодёжь, старшее поколение — зоотехники, агрономы, руководители хозяйств — тоже пополняли знания, делились опытом.

На весенних совещаниях в областном центре, перед посевной, много полезного получали слушатели не только из докладов специалистов, но и от общения друг с другом во время перерывов. Расспросы о новшествах, удачах, срывах... Познакомился здесь Бойков с Матвеем Степановичем Гусевым, председателем крупного колхоза «Парижская коммуна», с председателем хозяйства «Красный колёсник» Василием Фёдоровичем Моляковым, мужем знаменитой звеньевой Харитины Моляковой. Льноводы «Красного колёсника» получали самые высокие урожаи льна в стране. Моляковские звенья создавались во многих республиках, областях СССР. Только в Калининской области таких звеньев было несколько десятков тысяч. К починам шахтёра Алексея Стаханова, кузнеца Никиты Изотова, сталевара Макара Мазая прибавилось движение женских льноводческих звеньев, последователей Харитины Моляковой. Урожайность льна в хозяйствах страны в среднем не превышала трёх центнеров. Молякова подняла сбор до двенадцати...

Были моляковские звенья и в Фировском районе. На первом слёте льнотеребильщиц района лучшим работницам вручали памятные значки «За лучший лён в Советском Союзе». Получили награды и колхозницы «Памяти Ильича» — Мария Степанова, Клавдия Воробьёва. Две тонны льна сдали жуковцы заводу высоким номером.

Налаживалась жизнь в хозяйствах района. Приходили в газету письма, одно из них — от Ивана Смирнова. «Когда мне исполнилось 14 лет, стал я получать за работу по 60 копеек в неделю. Меня в деревне за человека не считали: Ивашка... Только при советской власти обзавёлся домом, одеждой, скотом, вступил в колхоз «Память Ильича». Имею семерых детей. Все одеты, обуты, получаю от государства по многосемейности две тысячи рублей. За 1936 год вместе с женой выработали 1015 трудодней, на них моя семья получила 150 пудов зерновых, около 500 пудов картофеля и 1015 рублей денег. В личном хозяйстве две коровы, нетели, две пары, две овцы». Ещё одно письмо, от Орлова Михаила Семёновича: «На 700 трудодней, с женой, выдали нам 131 пуд хлеба, не включая картофеля, овощей, 875 рублей денег. Имею корову, два поросёнка, восемь овец, одиннадцать семей пчёл, одиннадцать кур, три гуся».

... Не впервой возвращаться председателю ночью. Тишина в деревне, четвероногие сторожа по шагам чувят своих, зря не твякают. С начала колхозной жизни немало хуторян вернулось обратно в свои деревни. Дома покрепче разобрали, перевезли, поставили. Ветхие остались на бывших хуторах, срубили новые — есть теперь у колхоза свой лес. Больше стало личной живности, прибавилось во дворах амбаров, сараев... Долго ли будет мирная жизнь? В газетах в каждом номере военные статьи, сообщения. Не спокойно на рубежах. Трёх жуковских ребят вызвали на военные сборы. Помнил Евграф Матвеевич: в четырнадцатом году никаких слухов о войне, а потом сразу поскакали нарочные, и уже на Ильин день провожали мужиков в военное присутствие. Сколько их не вернулось! А те, что уцелели, до нынешнего дня страдают от увечий и ран.

На кухне желтеет огонёк прикрученной лампы. Хозяйка наработалась за день, и на ферме, и по домашним делам. Ужин, как всегда, ждёт в тёплой печи, прикрытой заслонкой.

Снимая сапоги, вспомнил с усмешкой: перед коллективизацией поползли слухи: «В коммунаях будут спать под одним одеялом».

И это надо было пережить.

КАРТОФЕЛЬНЫЕ БОРОЗДЫ

Договор шемелинцев с пастухом Василием, вернувшимся зимой сорок второго по ранению, и подпаском Васяткой Семёновым, внуком деда Субботки, был обычным: пасти колхозный и частный скот от Егория до первого снега. Пастушьё лето тянулось для Васятки чередой недоспанных ночей. После дня беготни за коровами, козами, полусонный, пожевав приготовленный бабой Олей ужин, едва добирался до постели на чугунных ногах, и вот уже вставай, наматывая обмотки, доставай из-под лавки лапти... С первого сентября половину дня Васятка нёс пастушью службу, потом бежал домой. Укладывал тетрадки, учебники в ранец, приспособленный от полевого телефона, и спешил в свой шестой класс.

Сегодня утром, выскочив умываться на крыльцо, Васятка оторопел, зажмурился. Снег! Ночная метелица запылила поля, луга с установленными в бабки льняными снопиками, накрыла тяжёлыми пластами широкие листья манчжурского ореха.

— Радуешься, да? А чему радуешься? — хриплый от махорки голос деда прерывался кашлем. — Картошка-то в поле осталась. Говорил ему, не теряй время, посылай копать, пока тепло. Скирдовать хлеб можно и в поле. Вывезем потом к ригам. Да, послушает он Субботку...

Корил дед председателя колхоза Егорова, с которым у него давно не ладилась отношения. Доводился председателю сапожнику Субботину родственником, оба призывались в Первую мировую, но в колхозных делах редко приходили к согласию.

Шемелинский колхоз «Первое Мая», как и большинство окрестных артелей, был маломощный, с небольшим пахотным клином. Крупных коллективных хозяйств, как «Память Ильича», в районе насчитывалось немного. Объединялись в основном бедняцкие дворы — с нехваткой земли, мужских рук, тягловой силы. Возникла маленькая артель из карел-переселенцев, времён давней шведской войны, на правом берегу Цны. Три десятка дворов, сто гектаров пашни, небольшие луговые надёлы, лесные делянки. Председателем артели выбрали шемелинцы Андрея Егоровича Егорова, бывшего унтер-офицера, Георгиевского кавалера, впоследствии зажиточного хуторянина. Привёл Андрей Егорович на общественную конюшню славного коня Храброго, ставшего на долгие времена главной тягловой силой и в довоенные годы, и в военные. Лучшую часть лошадиного «сословия» ещё в сорок первом повсеместно отправили на фронт. Осталась Шеме-

линка, как и другие деревни, с выбракованными, доживающими век лошадами и необъезженными стригунками. В сорок втором у «Первомайцев» появилась Нежданка, подаренная капитаном Мухиным, полпредом-заготовителем сельхозпродукции по Пухтиногорскому сельсовету. Время от времени открывалась у Нежданки, уже послужившей в кавалерии, осколочная рана, лечили её домашними средствами. Хворый колхозный конёк, так и состарившийся с именем Мальчик, с трудом таскал телегу, берегли его для неотложных дел. Стригунка Хомяка никак не могли приучить к упряжи — рвался, обрывал сбрую, убегал. Теряли время на ловлю перепуганного подростка.

Лишился шемелинский колхоз не только лошадиной силы, но и другого своего богатства, дойного стада. В августе сорок первого, когда Фировский район оказался в прифронтной полосе, отправили гурт в эвакуацию, на ярославщину, да так и не вернули.

Держалась артельная экономика на вековом опыте натурального хозяйства. Шемелинский мастер железных дел с подобающей фамилией Кузнецов, ковал, клепал, чинил «орудия ручного труда», изготавливал детали недавно приобретённой техники. После коллективизации даже в небольших артелях появились конные грабли, косилки, жнейки. Известный в округе столяр-каретник Степан Уткин, построивший единственный в деревне кирпичный дом под железной крышей, держал в исправности общественное колёсно-тележное хозяйство. В осташковских, фировских краях было немало саней, дровней, телег, лёгких возков, двуколок, бричек, изготовленных шемелинским каретником. Василий Фёдорович Субботин, по местному, дед Субботка, бывший бомбардир-наводчик, вернувшийся в шестнадцатом году из Царицынского госпиталя с незаживающей всю жизнь раной, был не менее знаменит своего родственника-каретника. Ещё до призыва, обучившись началам чеботарного ремесла у местного сапожника Спирьки и постигнув науку изготовления новой обуви у питерских мастеров, шил Василий Фёдорович некогда и щегольские женские полсапожки, ботинки; «тянул» знаменитые цельные кожаные высокие сапоги для рыболовов-осташей и уездных землемеров. Теперь сапожных дел мастер отвечал за исправность колхозной сбруи, починку взрослой, детской, женской обуви односельчан. Нужда придавила деревню в военные годы не только в питании, но и в одежде. Для приработка занимался сапожник плетением лаптей, незаменимых в поле и на лесозаготовках. Васятка помогал деду в сбы-

те лыковой обуви, обходя с ним ближние деревни. За пару лаптей давали литр молока.

К уборке картофельных делянок обычно приступали во второй половине сентября. Осень сорок третьего рано завершила на холода, картофельные поля внезапно накрыл снег. По первопутку льяную тресту шемелинцы свезли в сараи и на гумна. В начале октября потянули юго-западные ветры, нагнало хмарь, заморосил дождь; под ледяной коркой мокла ботва. В Фировском районе стар и мал вышли на поля. «Неделю уроков не будет, — объявили ребятам постарше в Пухтиногорской школе. — Надо спасать урожай. Картофель идёт в фонд помощи фронту».

С утра собрались шемелинцы на картофельном поле. Планы поставить на борозду Нежданку не оправдались — после перевозки тресты со стлищ, открылась у безотказной помощницы рана на холке. Упрямый вол Нахал, купленный вскладчину позапрошлой осенью у беженцев, трудился по настроению и теперь ходить с плугом отказался. Знали: принуждение, уговоры напрасны. Пробовали копать вилами, лопатами — твёрдая земля не поддавалась.

С начала войны «Первое Мая» объединили с соседним ломакинским колхозом «Звезда». Бригадиром в Шемелинке, как самую грамотную, назначили вчерашнюю школьницу Тоню Макарову, но дела и в бригаде, и на ферме, и в поле вели крепкие, хозяйственные бабы. Тоня прислушивалась к их советам. Саша Романова, деловитая, расторопная, присмотрела у кузни сани и без лишних слов выдернула из них оглоблю, стала прилаживать её к плугу. Женщины, привязав верёвки разной длины, чтобы не мешать друг дружке, впряглись, ждали команды.

— Тянем-потянем, — подала голос Саша. Лемех вывернул пласт в начале борозды. Первые клубни застучали в ведрах подборщиц. Запряжённый в телегу Мальчик ждал, пока наполнятся ящики. Ссыпать решили по избам: просушить в тепле, перебрать и только потом спускать в подпол, до зимы, пока не пришлют полуторки из мухинского заготовительного хозяйства.

— Эти ящики везите к Акулине Кононовой, — объяснила ребятам-возчикам бригадир Тоня, сделав пометку в тетрадке. — Вторую телегу повезёте к бабе Маше.

Картофель развозили по избам старух-одиночек, где просторнее, нет ребятни. Председатель Егоров распорядился открыть также дом тракториста-холостяка Егора Фенькина, ушедшего в начале войны добровольцем. Жильё протопили, прибрали, подготовили к приёму урожая.

Колхозный конюх Анна Андреевна Романова, заменившая в конюшне фронтовика Петра Егоровича Егорова, брата председателя артели, определила в возки неразлучных друзей, внуков деда Субботки — Васятку Семёнова и его тёзку Васю Уткина. Третьим назначила их дружка Витю Петрова.

Мокрый снег перемежается с дождём; немного посветлеет в разрывах туч, дождь стихнет, потом снова моросит... Слабосильный Мальчик, напрягаясь, тянет телегу, гружёную ящиками с мокрыми клубнями. Рассыпали в избе Кононовых на полу картошку, разровняли. Постояли, немного согрелись и снова на улицу.

Мальчик налегке ступает веселее. Ребята идут рядом с телегой, Вася Уткин подёргивает вожжами.

— Слушайте, а правда, что Женя Шахов победил тогда Фрола Петушенку, из табора? — спрашивает Витя у двоюродных братьев-тёзок.

— Ещё как! Положил на лопатки, — отзывается Васятка Семёнов. — Я же был тогда, утром, в Жолобовском лесу и всё видел с начала. Потом расскажу...

С каждой бороздой, проложенной плугом, выбранный участок расширяется; растут кучки мокрой картошки. После трёх ездов женщины разложили в поле костёр. Передышка. Сушили одежду, пекли в золе клубни. Васятка, расстегнув ватник, подступил поближе к огню, подставляя грудь, спину. За два военных года из малолеток, подростков стали они мужичками, помощниками в домашнем и артельном хозяйстве. Сколько случилось всего с лета сорок первого... Мама Васятки, Ксения Васильевна, дочь деда Субботки, перед войной устроилась в фировскую пекарню и летом, на каникулах, Васятка жил у неё. В тот воскресный день намечалось большое событие — встреча фировских футболистов с командой стеклозавода «Великий Октябрь». Гордость райцентра — новый стадион, построенный всем миром. Парашютная вышка, футбольное поле, волейбольная площадка...

Рано утром в воскресенье фировских ребят взбудоражил слух: Фрол Петушенку, силач из цыганского табора, остановившегося, как всегда летом, недалеко от Фирова в Жолобовском лесу, будет бороться с местным богатырём Женей Шаховым. Артиллерийский полк из Сибири, где служил срочную Шахов, переводился к западной границе. Состав задержался в Фирове, и командир отпустил Женю повидаться с родней. Схватка богатырей, при немалом стечении фировцев и жителей табора, состоялась на лесной поляне. Женя, в парусиновых спортерменках, трико, совсем не смотрелся

рядом с красавцем-цыганом в галифе, клетчатой рубашке и шегольских хромовых сапогах. Под стоны, причитания табора и хохот, свист фировцев, после титанических усилий, артиллерист уложил соперника на лопатки. Дело шло к баталии между таборными кулачниками и местными болельщиками. Вдруг всё замерло. В круг поединка, отмеченного кожаными ремнями, вбежала в слезах мать Шахова и стала обнимать сына и оторопевшего цыгана: «Война, родненькие мои... Война!»

На стадионе, вместо матча, слушали фировцы из рожков громкоговорителей, прикреплённых к парашютной вышке, классическую музыку, марши, потом чуть заикающийся от волнения голос заместителя председателя Совнаркома. Молча плакали женщины, предчувствуя грядущие беды, кручину материнских, вдовьих ночей и дней... Расходились мимо главных, в основном недавно построенных зданий райцентра. Почта, книжный магазин, дом для учительских семей, сама школа, двухэтажная, выкрашенная в ярко-синий цвет. Всё родное, мирное, ещё не повреждённое бомбёжками...

В тот же день из посёлка стеклозавода «Великий Октябрь» прибыла в военкомат автоколонна: единственный в районе автобус и три бортовые машины. Кумачовые полотна, лозунги. Из головной машины выпрыгивали великооктябрьские футболисты во главе с капитаном Сашей Валенцовым. Не дожидаясь повесток, Валенцов привёл свою команду в полном составе в кабинет военкома. Входили с ними в здание военкомата и другие стеклоделы, считавшие себя мобилизованными с первого военного дня.

Второго августа, на Ильин день, вместо престольного праздника, когда сходилась родня из разных деревень, в Шемелинке приступили к уборке сена на клеверище. Из мужского населения остался в деревне только семнадцатилетний Иван Горбунов, переведённый из почтальона в бригадиры, да четырнадцатилетний Веня Егоров. Бригадир почти двое суток не слезал с косилки, час-два отдыхал, пока меняли лошадей, и снова брал вожжи. До мобилизации Нижнее Польце шемелинские косари уложили в валки за две росы, успели убрать накошенное в сенники.

По распоряжению из района бригадир оставил шемелинских стариков строить наблюдательную вышку в кроне могучей ветлы. В первые недели войны в прифронтовой зоне то там, то здесь появлялись парашютисты-диверсанты. На покос вышли женщины и подростки. На конные грабли определили Васятку Семёнова и Васю Уткина. Сначала один погонял лошадь, а другой управлял рычагами, потом менялись.

Взрослому легко толкнуть рычаг-педаль, не вставая с тарелки-сиденья. Ребятам до педали не дотянуться ногой, приновились толкать рычаг руками. Непросто управлять техникой, чтобы колесо граблей направлялось вдоль скошенной ленты. Дел хватает всем: младшие утаптывают, приминают сено на возу, ребята постарше ведут телеги к Петиным сараям. Женщины вилами подают охапки наверх, где мелкота прыгает, трамбует колючие пласты.

В то лето последний раз слышали шемелинские вётлы и ракиты женские песни на лугу. Ни Леонова Шура с Дунюшкой, ни Уткина Нюша с Дуней, ни другие матери и жёны ещё не получали военкоматовских серых пакетов со словами, способными оглушить человека до омертвения.

Получил этот пакет мельник Лукенберг, папаша Карл, с вестью о гибели сына Мартына. Попросил вскоре отпустить его с мельницы сторожить общественные огороды. В перестуке жерновов всё слышался ему голос Мартына, а ночью незнакомый голос распевал старую эстонскую песню про удачливого пекаря: «Пайстав-пайстав, местарис майстав». Раскаты бомбёжек доносились со стороны полустанков Горовастицы, Перелесок. В самом райцентре, где паровозы эшелонов, следующих к Осташкову, заправлялись топливом, водой, расположилась часть зенитчиков. «Юнкерсы» бомбили не только эшелоны, станции, но и приметные здания посёлка — школу, милицию, базарную площадь...

Без мужских рук, в Ложушке, лучшем месте для дозревания тресты, расстилали шемелинские женщины льняную соломку под августовские росы. Луговина, где обычно после первого, второго укоса выпасали овец, всегда служила стлищем. Обильные росы и плывущие понизу туманы увлажняли соломку, снизу подогревала её нагретая за день земля. После теребления, сушки в риге, лён из Ложушки получался высших номеров. Раньше наряды для работы на стлище всегда брали с охотой: вокруг луговины прозрачные ключи, обильные малинники, тишина, эхо одинокой запоздалой кукушки... Опустели шемелинские дворы. Из каждой избы по двое, а то и по трое, увела война работников на другую страду. Остались на руках у женщин ребяташки, по трое, четверо, редко по одному. Ветла у брода провожала защитников — холостых и семейных, молодых и в возрасте... Дядя Петя Романов, в молодые годы готовясь к свадьбе, привёз из бывшей усадьбы дворян Берновых молодой дубок. Посадил на семейное счастье перед домом. В день прощания, перебравшись с новобранцами через реку вброд, уже с левого берега Цны, кричал Дарье Семёновне: «Береги детей, береги наш дубок!»

Зимой сорок второго, вьюжной, ветренной, заносило снегом шемелинские, пухтиногорские поля, старинный тракт, по которому днём и ночью двигались бензовозы, гужевой транспорт, артиллерия, пехота. Заносило взлётные полосы действующих и ложных аэродромов, разбросанных по окрестным лесам. По разнарядке Пухтиногорского сельсовета выходили на расчистку аэродромов, дорог шемелинцы — женщины, старики, школьники. Девушек ещё раньше отправляли на заготовку леса. Как и в мирное время, в положенные сроки, надо начинать сплав.

Калина, рябина, берёзки загустели в палисадниках новой листвой, и всё больше прибавлялось изб, оставшихся без хозяина. Из пятистенка Балуховых троих взял фронт. Младший из братьев, Алексей, погиб, средний, Василий, вернулся покалеченный. Бывший хуторянин Никифор Егоров перед войной поставил в Шемелинке просторный пятистенок для своего многочисленного семейства, но не успел его обустроить. Когда ещё подрастут ребята, чтобы завершить дело отца. Вырубил меч войны молодой шемелинский, пухтиногорский подлесок. Не вернётся на берег Цны Борис, сын учителей Галаховых, сын председателя сельсовета Николай Каплунов, сын председателя колхоза Ваня Егоров. Младший из семьи Кузнецовых, Григорий, погиб ещё в финскую от пули снайпера, молчаливый, работающий Василий пал в Отечественную. Дважды незваная гостья постучала в дверь каретника Степана Уткина. Трое маленьких Ивановичей осиротели после гибели отца, колхозного счетовода Ивана Степановича. Вторая невестка Уткина, Евдокия Васильевна, осталась вдовой с огненно-рыжим сыном Васей... Арсений Алексеевич Журавлёв, майор, командир батальона, под Ленинградом вступил в бой с прорвавшимся танком. Родителей офицера возили в Фировский военкомат, где им вручили орден сына, награждённого посмертно. Фотографию Арсения Алексеевича, его орден родители поместили рядом с божницей.

Всё дальше на запад, с боями теснили противника советские войска, прекратились налёты на Фирово, не тревожит канонада Валдайский край. По вечерам, при лампе, когда вскипает на плите картошка нового урожая, Васятка читает деду газеты, взятые на время у ребят. Некоторым отцы, старшие братья присылают с письмами армейские, дивизионные однополоски. Из них взрослые, дети узнают о военных событиях больше, чем из скупых строчек сержантов, солдат. Иногда Василий Фёдорович просит внука, в который раз, прочитать письмо от сына Якова. И Васятка достаёт из конверта знакомый листок. *«Родные мои, тятя и мама, дети Клара*

и Маруся, племянники Коля, Вася, сестра Дуся. Во первых строках рад сообщить вам — мне довелось быть участником прорыва фронта поганцев у стен Ленинграда. О торжествах по этому событию расскажу при встрече. У меня есть и другая радость: написал письмо и получил ответ от своей жены Ксюши и сестры Окси. Я так понял, что они воюют где-то западнее меня. Вот видите, тятя, присягу исправно исполняет твой сын, которого ты упрекал иногда за слабую волю, не субботинский характер. А меня медалью «За Отвагу» наградили...»

Васятка складывает листок, прячет конверт в сумку, где хранятся семейные документы. Не знает он, что через семь месяцев, в июле сорок четвёртого, придётся ему читать прибывшее с большим запозданием извещение из серого конверта. Под вечер дружок Виктор Каплунов, рассылный райвоенкомата, клацнув велосипедным звонком, попросит Васятку расписаться в тетрадке за неграмотного деда Субботина. Отдав конверт в задрожавшие руки старика, поскорее рванёт рассылный прочь от двора, от ещё одного вечно горя.

...Завтра первый урок — геометрия. Строг, требователен к своим питомцам выпускник юнкерского училища, офицер Первой мировой, командир РКК в Гражданскую, Галахов. В кителе, начищенных сапогах, Николай Иванович подаёт пример в аккуратности, точности, собранности. Последний урок — военное дело. Занятия на улице, на площадках спортивного городка, построенного трудами военрука и его помощниками. Гордость Николая Ивановича — гимнастические снаряды, изготовленные с помощью шемелинского умельца-кузнеца. Несмотря на возраст, ранения, кадровый офицер способен показать, каким ловким, сильным, натренированным должен быть будущий защитник Родины. Не всё получается у Васятки, как у Николая Ивановича. Хорошее даётся не сразу, главное, иметь цель. Не сразу научились бить немцев, писал с фронта дядя Яков. (Годовалым остался Васятка без отца, рано умершего от болезни.) Дядя Яков растил племянника со своими детьми, как сына...

Сколько дней и ночей ждать ещё, когда вернётся домой мама, все родные, и жизнь, разделённая на две половины — до войны и после войны — соединится. И будет прежней, мирной, как была всегда.

ОБМОЛОТ

По утрам, до полуденного зноя, на старинном тракте, проложенном от Осташкова к Вышнему Волочку, царит тишина. Только долетит запоздалый распев петуха из балуевского

двора да гулкий голос удода со стороны Маленького Польша. Почтовый тракт, пролегающий по левому берегу Цны через Пухтину Гору, ныне пустынен. Почти три года по его булыжникам громыхали гусеницы танков, колёса орудий, били камень каблуки ботинок, сапог царицы-пехоты, цокали подкованные копыта гужевой силы. Многое повидал прифронтной край, пока не погнали немецкие дивизии от Великих Лук на запад.

Хруст дорожной гальки под каблуками путника вспугнул куличка, хлопотавшего на песке у кромки воды. Иногда летом, при малой воде, в межень, ходят шемелинцы в Пухтину Гору бродом, но чаще в обход, через мост. Бывшее некогда волостным, село и теперь осталось центром окрестных деревень. Здесь сельсовет, магазин, амбулатория, школа-семилетка, почта, телефон. До утреннего обхода хозяйства, Андрей Егорович уладил по телефону неотложные дела в райцентре. Секретарь райкома партии Иван Фёдорович Смирнов с раннего часа на проводе. Поздравил Егорова с началом обмолота. В засушливое лето снопы везут на ток, без просушки в риге. Укладывают в скирды, часть сразу пускают в обмолот. «Сколько телег за вчерашний день? Какие виды?». Не в характере Андрея Егоровича разбрасываться обещаниями. «Поглядим. Шесть-семь центнеров, может, потянем». Подняться к довоенному сбору не так просто.

В районной газете «Сталинский путь» столбец-перечень хозяйств оповещает о ходе уборки. «Память Ильича» в верхней строке. Техники, тягловой силы у них не избыток, но достаточно для двух тысяч гектаров. У шемелинцев всего-то сотня гектаров запашки. Да и большинство хозяйств района — мелкие артели. Послевоенная нехватка всего, особенно мужских рук. Обеднела земля на пахарей. Из одной Шемелинки, где со старыми-малыми была сотня жителей, проводили на фронт двадцать восемь работников. Вернулась половина, да и те искалеченные, хворые. Не бывает года, чтобы из деревень на Пухтиногорский погост не повезли бывшего воина...

Зерновой ток в центре Шемелинки. Издали слышен грохот барабана, временами с подвывом, когда выходит заминка с очередной подачей. На току, вращая маховое колесо, наполовину опущенное в траншею, нарезают круг за кругом, против часовой стрелки, лошадки-труженицы, главная тягловая сила артели. Всё те же Кролик, Мальчик, Нежданка... Погоньями на молотье, как на пахоте, бороновании, ребята-подростки. Сегодня тройкой лошадок-обмолотчиц управляет Вася Уткин, двоюродный брат Васятки Семёнова.

Не довелось Сергею Степановичу увидеть, каким ладным работником стал его сын. Тут же, у колеса, ждут своей очереди подменщики.

Барабан, закреплённый на станине, в сарае с двумя выездами, гудит так, что с непривычки закладывает уши. Анна Балужева и Дуся Романова ловко развязывают снопы, сбрасывают барабанщику, весёлому, расторопному Ивану Горбунову. Братья Горбуновы, Иван и Василий, несмотря на разные характеры, интересы, крепко дружили, всегда спешили на помощь друг другу. Узнав о гибели старшего, Иван отправился в военкомат. Не взяли, вернулся в Шемелинку. Пришлось ждать до восемнадцати. В сорок втором начал свой путь на Берлин — от руин Сталинграда... Двадцать четвёртого июня сорок пятого победными маршами Красная площадь встречала и его, сержанта Горбунова, в составе сводного полка фронта.

В пропылённой кепке, в самодельных защитных очках, обмолотчик безостановочно направляет пучки под зубья барабана. Стебли с пустыми уже колосьями, без зерна, через миг вылетают из молотилки золотистой соломой. Барабан, раскрученный передачами до тысячи оборотов, требует снопов ещё и ещё. Громоздкая, несовершенная техника, но всё же машина, освободившая десяток работников на току. В начале двадцатого века владельцы тверских крупных экономий покупали паровики-локомобили, но в тысячах мелких крестьянских хозяйств били цепями, как в старину. Отечественная война остановила индустриализацию села, не дала развернуть производство комбайнов на первых советских заводах сельскохозяйственной техники. Немногие колхозы и совхозы успели до войны получить опытные образцы комбайнов, разработанных нашими конструкторами. Только в начале пятидесятых на полях Калининской области появились отечественные прицепные комбайны, в том числе и выпущенные Бежецким заводом сельхозтехники. Четыре года советская промышленность, вынужденная вступить в единоробство с европейскими концернами-гигантами, вооружившими нацистские дивизии, ковала оружие для Красной Армии. Навязанная Западом «холодная война» требовала совершенствоваться прежде всего вооружения, вот и крутят маховое колесо на шемелинском току Кролик, Мальчик, Нежданка...

Стекает ручеёк зерна по жёлобу на гладкую, выбитую землю, чтобы потом, после отвейки, мешки с шемелинским урожаем повезти на телегах в райцентр. Под паровозный гудок — на мелькомбинаты Москвы, Калинин, Ленинграда, Урала...

Осенью, в войну, первые обозы с зерном провожали из деревень на станцию торжественно, с флагами, транспарантами. Только жёны солдат, вдовы, старики, дети знали цену этому хлебу, посылаемому на фронт из голодной, остающейся в зиму без зерна, деревни. Засуха сорок шестого убавила и без того скудный урожай. Был он меньше, чем в тридцать втором, тридцать третьем.

Лошадиная тройка, круг за кругом, против часовой стрелки, зарабатывает свой прокорм. Погоныч, на минуту-другую, садится на отводник-перекладину, давая отдых босым ногам.

— Как, Василий, дела? Учебники есть по всем предметам?

— Физики пока нет, дядя Андрей... Кролик, Кролик, не отставай!

— Что читаешь? «Записки охотника» у Елены Васильевны не брал? Упоминается там наша «голубка-Цна»...

Подросли, вытянулись ребятишки, а ещё совсем недавно пугал он их, малолеток, лесным Букой. Так и пристала к нему вторая, деревенская «фамилия» Букин. Егоровых, Балуевых, Леоновых, Кузнецовых в округе не счесть, а Букин-председатель один. Имена у ребят всё больше Егоры, Василии, Ивановы, Павлы... Из поколения в поколение передаются они и в русских семьях, и в карельских. Что бы делал он, председатель, без их помощи, оставшись с одними стариками, девками, бабами? Летом возили, набивали в сараи-сенники лошадиный, коровий прокорм, наравне со взрослыми старались на трёпке льна, убирали картофельные делянки, собирали для удобрения золу по дворам, чистили луговины от кустарника, чинили ограду вокруг мест выпаса скота. В Пухтиногорской семилетке для всех дел имелся свой девиз. Успеваемость каждого школьника была видна на плакатах «Самолёт» и «Черепашка». Операция «Пурга» — помощь в расчистке военной дороги, операция «Урожай» — сбор золы, торфа, вывоз навоза на колхозные поля. Не хватает картофеля для посадки — начинается сбор и консервация очисток-глазков. Тимуровцы не забывали ни одну семью, нуждающуюся в помощи. Для стариков, женщин, занятых весь день на колхозных работах, такая поддержка значила много.

Примером справедливости, трудолюбия, служения своему делу для шемелинцев, пухтиногорцев была семья учителей Галаховых. Николай Иванович вместе с женой Еленой Васильевной с двадцатых годов поднимал народное образование в пухтиногорской округе. Кроме черчения, точных дисциплин Николай Иванович вёл занятия по физической подготовке. Спортивный городок, возведённый вместе с ребята-

ми, был одним из лучших в районе. Елена Васильевна, при всей строгости, требовательности, любила ребят, и они отвечали взаимностью. Дочь Галаховых, Евгения Николаевна, после училища, в годы войны, вернулась в родную школу уже преподавателем. Галахов-младший, Борис Николаевич, разделил судьбу двадцатилетних лейтенантов, поднимавших свои взводы в неизбежный час.

Восстановление порушенного, истощённого хозяйства заняло не один год. В сорок шестом урожай ржи, пшеницы, овса в Калининской области составил половину довоенного. Заросшие кустарником луга, суглинистые, без удобрений поля не могли дать ни большого зерна, ни обильного корма для живности. Колхозное стадо, которое Андрей Егорович в сорок первом уводил с обозом на ярославщину, домой не вернулось. Пополнялась маленькая колхозная ферма из частных хозяйств, прикупали тёлочек у соседей, но заметной прибавки молока не ожидалось. По сравнению с другими хозяйствами Калининской области шемелинцы считались середняками. На областном совещании работников сельского хозяйства в марте сорок восьмого Андрей Егорович услышал об артелях, где на три сотни гектаров угодий приходилась одна дойная корова. В Кировском районе полтора десятка колхозов имели по одной корове, в других районах треть артелей должна была начинать «с чистого листа». А как начинать, если за военные годы пастбища заросли ивняком, заболотились, какой корм соберёшь с таких «лугов»? Многие МТС не выполняют заключённые с колхозами договора, выработка на один 15-сильный трактор меньше двухсот гектаров. Не хватает запасных частей, техника изнасилась, трактора неделями простаивают в мастерских. Задерживается ремонт плугов, дисковых борон, сеялок. Снизились урожаи не только ржи, пшеницы, овса, но и в льноводстве. В Краснохолмском районе, где зародилось моляковское движение за высокий урожай льна, рекордные цифры остались в прошлом. Район уже несколько лет не мог выполнить план по льнозаготовкам. Несмотря на то, что в области три тысячи тракторных и конных сеялок, некоторые хозяйства не переходят на рядовой, заметно повышающий урожайность, сев. Разбрасывают посевное зерно по старинке, из лукошка.

И всё же механизация труда, внедрение агротехники, обязательные подкормки растений смесью азотных, фосфатных, калийных удобрений, повышение закупочных цен заметно укрепили земледелие Верхневолжья. Ряд передовых хозяйств области — «Молдино» из Удомельского района, «Красный путиловец» из Кашинского, «Память Ильича» из Фировс-

кого — с каждым годом расширялся. Немало было и артелей не столь известных, но уже окрепших, зажиточных. Одна из них — в Нурмекунде. По хозяйственным делам Андрей Егорович не раз бывал у соседей — эстонцев. Здесь, на вершине Валдайской возвышенности, поселение эстонских колонистов появилось в семидесятые годы девятнадцатого века. Эстонское малоземелье привело сюда переселенцев. На родине большая часть земли принадлежала немецким баронам, нанимавшим местных жителей батраками или сдававшим им наделы в аренду. Было чему поучиться у колонистов. Уже тогда, при нашей трёхполке, они вели земледелие по девятипольной системе, по три-четыре участка засевая клевером. Во время коллективизации более 250 единоличных хозяйств объединились в колхозы. На полях Нурмекунде, впервые в округе, провёл первую борозду «Фордзон-Путиловец», присланный в подарок московским землячеством эстонцам. С помощью шефов приобрели по одному трактору колхозы «Сяде» («Искра»), «Эдази» («Вперёд»), «Устее» («Новый путь»). Хорошие урожаи пшеницы, ржи, овса дополнялись высокими надоями. На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, предшественнице ВДНХ, сливочное масло из Нурмекунде было отмечено специальной премией. В местной начальной школе талантливый педагог Ян Петрович Пулль на уроках природоведения не только давал знания по биологии, почвоведению, истории земледелия, но и проводил с юннатами опыты на пришкольном участке. Крестьянский труд Ян Петрович видел в сочетании с развитием творческих способностей воспитанников. Восьмилетние-десятилетние дети, кроме уроков, охотно занимались в драматическом, музыкальном кружках. (Один из участников школьного струнного оркестра, Николай Пауксон, ставший лётчиком, в конце войны был награждён орденом Ленина.) Самодеятельных артистов Нурмекундской школы и Пухтиногорской семилетки объединяла давняя дружба.

...Стало привычкой у Андрея Егоровича вечером, после хозяйственных забот, выйти в сумерках к реке, к обрыву напротив дома. Здесь на вечерней зорьке любил закидывать удочку сын Ванюшка. Без всплесков, журчания скользит привычным путём Цна. Кроме учебников, библиотечных книг Ванюшка много читал технических, научно-популярных изданий. В «Красной деревне» находил статьи о применении электричества в сельском производстве. «Пап, ты не представляешь, как изменится жизнь через двадцать лет. Веялки-сортировки, корнерезки, сепараторы, маслобойки, пилы, молотилки — всё возьмёт на себя электрическая энергия.

Одна гидростанция может снабжать током весь наш район». Сам он после десятилетки хотел учиться в институте на инженера-строителя. «Я уже сейчас вижу, какой будет наша Шемелинка. Трактора на полях, механизированные тока, фермы, по вымощенным дорогам бегут автомобили. Наша деревня станет зелёным агрогородком, я уже вычертил план...»

Кошка Ласка всегда сопровождает хозяина к реке, ждёт его, присев позади. Под обрывом обычно в это время кто-то удит из ребятишек.

— Это ты, Василий?

— Я, дядя Андрей, — отзывается паренёк голосом Васи Уткина.

— Как улов?

— Две плотвички и два линька.

— Устал на обмолоте?

— Да нет, мне нравится, я люблю лошадей.

Осталась каретнику деду Степану память о сыне, продолжилась уткинский род. А егоровский, по мужской ветви, обломился. Ванюшка, Ванюшка, кого ждут в шкафу учебники, подшивка «Красной деревни», чертежи будущей Шемелинки...

Скользит молчаливая Цна попутно с председательскими мыслями о тайнах человеческой жизни. Остались на ванюшкиных чертежах дома-терема, улицы с цветниками, молодыми вязами, берёзами.

А завтра с раннего утра на току загудит барабан, пойдут лошадки по кругу. Ивану Горбунову, ему, одному из многих шемелинских, пухтиногорских, ломакинских сверстников-фронтвиков, довелось продолжить крестьянский труд. Так ведётся с древних времён на Руси: только после сечи-посева на ратных полях потечёт золотой ручеек зерна нового урожая...

НА ПОДЪЁМЕ

Всего за два года мирной жизни была восстановлена промышленность СССР — в первую очередь металлургия, топливно-энергетическая база, машиностроение. Предприятия восстанавливались и модернизировались с учётом новейших достижений отраслей. В сельском хозяйстве, ввиду меньших вложений, довоенный уровень был достигнут только в 1950 году, а в областях Нечерноземья, особенно пострадавших в годы оккупации и военных действий, ещё позднее.

На огромных пространствах от Приполярной тундры до Приуралья, Центральной зоны, включая Подмосковье, Ка-

лугу, Рязань, расположились двадцать девять областей и автономных республик Российской Федерации с населением в шестьдесят миллионов человек. Пятидесятые годы минувшего века для Нечерноземья были нелёгкими временами. С неуклонным приростом городских жителей и убыванием сельских, росла нагрузка на слабую, не окрепшую после военного разорения деревню. Десять тысяч колхозов и совхозов Нечерноземной полосы, слабо оснащённые техникой, без надёжной кормовой базы, всё же давали почти половину производимого в РСФСР молока, более половины картофеля, более трети мяса. Нигде, кроме Нечерноземья, не выращивался лён.

Городское население прибывало миллионами, с повышением благосостояния росли запросы на продовольствие. А между тем продовольственный потенциал Центральной России оставался невысоким. Урожайность зависит не только от уровня механизации, агротехники, но и от состояния почвы. После войны поля, истощённые из-за отсутствия удобрений, без надлежащего ухода не могли дать хорошего урожая. По оценкам учёных, двадцать миллионов гектаров заболоченных, заросших кустарником земель нуждались в осушении, чистке. Ещё больше, тридцать миллионов гектаров, требовали известкования.

Хрущёвская затея «освоения целины» не обеспечила страну зерном. Бездумная распашка степей на востоке, вопреки предупреждениям учёных, вскоре обернулась пыльными бурями. Бездорожье, невозможность обработки собранного зерна на месте, «минусовали» половину собранного урожая. Вместе с тем, и техника, и строительные материалы, и кадры черпались в основном из ресурсов Нечерноземья. Положение здесь, и без того неустойчивое, только ухудшалось. Но хрущёвский курс «догнать и перегнать» богатейшую Америку, оставался прежним. В Директивах XX съезда на развитие страны в 1956—1960 годах Нечерноземье было отнесено к землям, «не требующим капитальных затрат и на которых можно получать хорошие, устойчивые урожаи». Вместо значительных вложений в отрасль, технического перевооружения сельскохозяйственного производства, дорожного, культурно-бытового строительства началось шумное коронование «царицы полей» и не менее шумное гонение на учёных «травопольщиков». С нарушением севооборота ухудшалось и без того бедственное состояние земли. Не тогда ли, во времена чехарды разделения районов на промышленные и сельскохозяйственные зоны, заболел «зудом» перестройки будущий генсек, волей случая оказавшийся в Кремле.

После хрущёвских «реформ», новочеркасских событий, сильнейшей засухи 1963 года, когда талоны на белый хлеб давали в поликлиниках больным гастритом, после закупки за рубежом девяти миллионов тонн зерна стало очевидно, что без глубоких преобразований никакими целинными распашками, кукурузными затеями положение не выправить.

Выводить из провала сельскохозяйственное производство пришлось Брежневу, Косыгину и их «наркомам». (Одному из них, министру сельского хозяйства РСФСР Леониду Яковлевичу Флорентьеву, приложившему немало сил для возведения современных птицефабрик-миллионников от Мурманска до Дальнего Востока и строительства мощных современных свиноводческих комплексов, мы должны быть благодарны и сегодня.) Высокоурожайные сорта пшеницы, выведенные академиком Павлом Пантелеймоновичем Лукьяненко, его знаменитая «Безостая-1» открыли новую эпоху в зерноводстве. Сорта, созданные одним из соратников Н.И. Вавилова Виктором Евграфовичем Писаревым, позволили впервые накормить столицу белым хлебом из зерна, выращенного в Подмосковье. В целом по стране рубеж довоенного сбора зерна был взят в пятьдесят пятом. В Нечерноземье это произошло только в 1967 году!

При явно заниженных закупочных ценах на зерно, молоко, мясо, разорительных «ножницах» между стоимостью «деревенской» продукции и промышленными товарами сельское хозяйство не могло быть рентабельным. (Спустя тридцать лет, при ельцинских «реформах» этот диспаритет, в первую очередь дикий скачок цен на ГСМ, электроэнергию, технику, уничтожил тысячи рентабельных колхозов и совхозов.) До середины шестидесятых многие хозяйства Нечерноземья не могли подняться после ликвидации МТС, оставались в долгах. Польза от этой, ещё одной хрущёвской затеи сомнительная: колхозам, совхозам пришлось строить свои мастерские, выкупать технику, искать кадры. Специалисты МТС, имея отлаженную систему труда, сравнительно высокую зарплату не очень-то хотели переходить в хозяйства, многие с семьями устремились в город. Со временем МТС могли бы стать такими же ремонтно-гарантийными фирмами, которые ныне в европейских странах выполняют заказы сельхозпредприятий на обслуживание техники, роботизированных производств.

Значительным шагом на пути подъёма сельского хозяйства Нечерноземья стала восьмая пятилетка 1966—1970 гг. В сельскохозяйственную отрасль экономики СССР было направлено 1790 тысяч тракторов, более миллиона грузовых

машин, более пятисот тысяч комбайнов. Главной силой на селе становились не лошади и «волики», а современная энергоёмкая техника. Вместо конюшен строились гаражи, транспортные цеха, механические мастерские с парком металлообрабатывающих станков. Водители, трактористы, комбайнёры, токари, сварщики, электрики сменили конюхов, пугарей, севцов. Не в бочках на подводах подвозили горючее для заправки техники — в хозяйствах появились свои заправные станции.

В шестидесятые, с созданием единой энергосистемы страны, началась электрификация села. Многие работы от приготовления кормов, их раздачи, доения, охлаждения молока, до частичной переработки продукции стали вести с помощью электрооборудования. Керосиновая лампа отслужила свой век, в домах появилась современная электрическая бытовая техника.

Вокруг крупнейших промышленных центров Нечерноземья для обеспечения их продовольствием стали проектироваться, возводиться по новым технологиям современные агропредприятия. В Московской области началось строительство животноводческих комплексов. Было закуплено зарубежное оборудование на шестьдесят миллионов валютных рублей. Ценовая политика предусматривала не только рост закупочных цен, но и надбавки, доплаты за сверхплановую продукцию, её высокое качество. С середины шестидесятых наметился значительный ежегодный прирост валовой сельхозпродукции.

В Верхневолжье к 1965 году работало более семнадцати тысяч тракторов и комбайнов, три тысячи грузовых машин, более трёх тысяч льноуборочной техники; увеличились посевные площади. На калининской земле появились хозяйства миллионеры, такие как «Красный Путиловец» Кашинского района, «Селихово» Торжокского района. Среди небольших деревушек, разделённых бездорожьем, выросли агрогородки с газовыми котельными, теплосетями, водопроводом, школами, детскими садами, домами культуры, библиотеками, торговыми центрами, бытовыми комбинатами. От центральных усадеб прокладывались асфальтовые дороги в дальние поселения, куда раньше в распутицу можно было добраться только верховому или на тракторе.

Всё больше в хозяйствах становилось безнарядных звеньев, когда каждый член маленькой «артели» отвечал за конечный результат. На этой основе ещё в тридцатые годы создавались в Калининской области сорок тысяч льноводческих звеньев, последователей известной на всю страну Харитины

Моляковой. Снова к опыту безнарядных звеньев вернулись уже в эпоху широкой механизации сельского труда. Руководители крепких звеньев переходили в отстающие хозяйства, чтобы вывести их из прорыва. Герой Социалистического Труда Евгений Алексеевич Яковлев оставил своё безнарядное звено в опытном хозяйстве НИИ льноводства и перешёл в отстающий колхоз, где создал два безнарядных звена. Убыточное хозяйство выправилось, появилась прибыль. Следующая ступень — цеховой подряд. В многоотраслевых хозяйствах каждый участок, будь то механический цех, полеводство, животноводство, тепличное звено, переходил на хозрасчёт. Не разовый успех в урожайный, благоприятный год, а планомерный прирост доходности всех подразделений производства становился залогом прочности экономики. Расширение, выравнивание полей при достаточной подкормке удобрениями, соблюдение правил агротехники позволили поднять урожайность, оторваться наконец от хрущёвского «стопудового урожая», выйти на двадцать пять — тридцать центнеров зерновых и на тонну льна с гектара. В передовых хозяйствах, учитывая особенности земледелия Верхневолжья, главными доходными культурами становились лён, местные, некогда знаменитые клевера, озимая и яровая рожь.

Появились зажиточные хозяйства и в Фировском районе. Новое поколение уже не знало испытаний послевоенной нужды, перелицованных, перекрашенных, перелатанных детских пальтишек, брюк, курток. Настала пора долгожданных перемен и в сельскохозяйственном производстве. Вспашка, дискование, боронование велись тракторами, уборка комбайнами, облегчился труд на механизированных фермах, повысилась оплата трудодней «натурой» и рублём. Электричество подавалось в дома не на два часа вечером от мало-сильного движка, а постоянно, от единой энергосистемы. Обстановка в домах не хуже городской: холодильники, телевизоры, фабричная мебель...

Образцовым хозяйством района со времён коллективизации оставался колхоз «Память Ильича» — с той поры, когда жуковские крестьяне, в основном безлошадные и однолошадные единоличники, объединились, выехали вместе на первую посевную. Было тогда в колхозе восемь коров, семнадцать лошадей, одна молотилка с конным приводом. В старое время миром, общиной ставили крестьяне молодой семье за несколько дней избу. Не дарили — с выплатой обществу в рассрочку. Так же миром приступили на полях к общему труду. Умели жуковские крестьяне трудиться, уже через три-четыре года появилась у них техника: четыре жнейки, один-

надцать сенокосилок, восемь молотилок, две сеялки, пять конных граблей, две картофелекопалки и даже двигатель внутреннего сгорания... В 1935 году сдали жуковцы более двух тонн льна на завод высоким номером. По общему решению на вырученные деньги приобрели грузовую машину. К тому времени артель объединяла не двадцать четыре двора, как в начале, а сто пятнадцать и владела двумя тысячами гектаров земли, переданной по государственному акту «на вечное пользование».

Деревне всё ещё не хватало техники, «железа», но ещё больше ощущалась нехватка грамотных работников, хотя бы с семилеткой. Даже такой уважаемый в округе сапожных дел мастер, как Василий Фёдорович Субботин, ветеран Первой мировой, бомбардир-наводчик, не знал грамоты.

Заведующим избой-читальней в Жукове был выпускник семилетки Алексей Муравьёв. Председатель жуковского колхоза Фёдор Семёнович Семёнов понимал — грамотного избача найти можно, а вот молодого толкового бригадира надо растить сегодня. По характеру паренёк спокойный, рассудительный, не отмахивается, прислушивается к советам старших. Так и стал Алексей Сергеевич Муравьёв двадцатилетним бригадиром. В зрелые годы, орденосеиц, председатель знаменитого колхоза, вспоминал Муравьёв о своей бригаде. «Растили мы лён, картофель, зерновые, были у нас овцы, лошадей штук двадцать... Мужики учили меня уму-разуму». До войны «Память Ильича» считался самым сильным в районе, возглавлял пятёрку, как сказали бы сейчас, рентабельных хозяйств. Посылали жуковцев в Москву на Всесоюзную выставку; Почётные грамоты, дипломы поблёскивали стеклом в комнате председателя правления.

Сотни тысяч таких же, как Алексей, парней, только приступивших к налаживанию нового, общественного земледелия, в один день стали из призывников красноармейцами. Советская армия по своему социальному составу была крестьянской. Путь молодого жуковского бригадира известен многим фронтовикам: отступление на Украине, битва на Дону, бои за Северный Кавказ, возвращение Крыма, после ранения — освобождение Витебска. Литва, штурм Кёнигсберга, награды, благодарности Верховного Главнокомандующего Сталина... Домой Муравьёв вернулся только в мае сорок шестого. После Великой войны, раболепствуя за долларовые подачки перед Америкой, Запад стал готовиться к новому походу. С демобилизацией у нас не спешили.

Собрание, на котором Алексея Сергеевича выбирали председателем жуковского колхоза в феврале 1954 года, как и при

создании артели, проходило в крестьянской избе. К тому времени у фронтовика был небольшой и хозяйственный, и административный опыт: бригадир в колхозе, председатель сельсовета, председатель сельпо. Послевоенная бедность деревни была сильнее нужды тридцатых, война выбрала najитое до дна. Три-четыре сарая, пустая кладовка, жалкий инвентарь, изнурённая трудом и бескормицей «лошадиная сила». Прежде хозяин-единоличник, разорённый болезнью, урожаем или другой бедой, оставался один на один со своим горем. Колхозы, совхозы как часть социалистической экономики в начале пятидесятых, после восстановления промышленности, при поддержке государства, окрепли, стали выполнять плановое задание. Закупочные цены на молоко за два десятилетия поднялись в девять раз, повысились расценки на зерновые, мясо, технические культуры. В 1956 году в «Памяти Ильича» только за лён высокого качества получили полтора миллиона рублей. Доходными становились другие отрасли. Повсеместно, в том числе и в жуковском колхозе, строились гаражи, ремонтные цеха, фермы, овощехранилища. Каждый год сдавались для работников новые дома с подворьями, всё больше становилось многодетных семей. В жуковской восьмилетней школе училось больше сотни ребят, в детском саду утром за столики садились семьдесят малышей.

В 1981 году жуковцы отмечали пятидесятилетие своего хозяйства, которое почти тридцать лет возглавлял Алексей Сергеевич Муравьёв. Вспомнили первых руководителей артели : Фёдора Семёновича Семёнова, при котором в октябре тридцать пятого жуковцам, первым в районе, вручили государственный акт на вечное владение землёй, Евграфа Матвеевича Бойкова, отмеченного ещё в бригадирстве за высокий урожай льна ценным подарком — бараном, многих полеводов, животноводов, механизаторов, агрономов, кто не падал духом, в стужу и зной, день за днём, для детей, потомков возводил, уже на новом фундаменте, общинное хозяйство. Техническая оснащённость предприятия — шестьдесят тракторов, десять комбайнов, десятки автомашин, самоходных косилок, стогометателей. Полностью механизированные фермы, тока, зерносушилки, на счету в банке — миллионная прибыль. Некогда захудалая деревушка в окружении хуторов разрослась до семисот жителей, разветвилась новыми улицами; только в общественном жилом фонде более ста двадцати колхозных квартир с приусадебными участками, постройками. За свой труд колхозники стали получать не меньше, чем в городе, а с учётом дополнительных выплат и больше.

По соседству с жуковцами, ниже по течению Цны, располагались угодья откормочного совхоза «Новоселье». Поднимал совхоз из отстающих, в начале семидесятых, друг Муравьёва, тоже бывший фронтовик, Михаил Кириллович Прокофьев. Уроженец недалёкой деревеньки Градобить, красноармеец досрочного призыва сорок второго, воевал Прокофьев снайпером стрелковой бригады. После тяжёлого ранения, с медалью «За Отвагу», летом сорок третьего боец был демобилизован. Инвалидность не помешала приложить силы к общему делу. После окончания торгово-кооперативной школы работал в Фировской заготконторе, в райпо, партторгом в колхозе «Память Ильича». В 1973 году новый директор откормочного совхоза Прокофьев подписал свой первый приказ. Считалось хозяйство бедным. Свиноарник, несколько скотных дворов, немного техники. Специализировался совхоз на откорме бычков. Для откорма требовался фураж — овёс, ячмень, картофель... Высоких привесов без надёжного запаса кормов не добьёшься. Не отвлекаясь на второстепенные дела, новый хозяин занялся главным — подготовкой механизированных звеньев к полевому сезону.

Лето семьдесят четвёртого, дождливое, но тёплое, обещало хорошие укусы. В срок отремонтированная техника, укомплектованная специалистами, выдвинулась на луга. Трактора, сенокосилки, подборщики, копнителы... Впервые был опробован пневматический погрузчик новой конструкции. Отечественное машиностроение подключилось к механизации сельского труда. Стали поступать машины Бежецкого завода сельхозтехники, заложенного в военном сорок третьем. (Уже тогда руководители государства думали о завтрашнем дне земледелия.) И всё же техники, в том числе сенокосной, совхозу не хватало. Для заготовки кормов переоборудовали два зерноуборочных комбайна. По триста-четыре тонны сена заготовили в тот год на центральной усадьбе совхоза, в бригадах деревень Уткино, Альпаково, селе Покровском. С таким запасом сена, значительным резервом соломы, можно было думать о расширении производства.

Особая черта сельской жизни — глубокая память на хорошее и плохое. Многие годы вспоминают здесь людей мастеровитых, трудолюбивых, скромных, щедрых, но так же долго помнят лодырей, пройдох, нечистых на руку. Ещё до вступления в должность директора слышал Михаил Кириллович добрые слова о новосельских механизаторах Юрии Дмитриевиче Чайкине, Анатолии Петровиче Васильеве, Иване Ивановиче Максимове. Они, как и десятки других надёжных работников, стали опорой нового директора. Весной семьде-

сят четвёртого по качеству пахоты Чайкина признали лучшим среди машинистов дизельных тракторов. На уборке урожая это звено собрало по семнадцать центнеров с гектара. С четырёхсот гектаров почти семьсот тонн зерна собрал механизатор Максимов, заняв первое место на жатве среди комбайнёров Фировского района. Началось продвижение совхоза из отстающего в передовые.

Обеспеченность жильём имеет не меньшее значение, чем хороший заработок. Первенцы прокофьевского «жилстроя» — заселённые в 1974 году два двухквартирных дома. Праздник в четырёх семьях. Для хозяйства средней руки не так уж мало. Что ещё записал в том году в свою тетрадь-летопись Михаил Кириллович? Возвели новый скотный двор на двести шестьдесят голов, три бетонные силосные траншеи, две новые артезианские скважины. Сданы линии водоснабжения в посёлках Сосновка и Большое Эскино. Хозяйства «крупного калибра», с благополучной экономикой, заносят такие объекты в графу текущих дел. Но для новосельского «откормочника», хромавшего, как говорят, на обе ноги, и новый скотный двор, и силосные траншеи, и артезианские скважины были событием...

Под урожай семьдесят пятого вывезли на поля около двух тысяч тонн органики. Внесли сложные гранулированные удобрения, аммиачную воду под плуг и дисковые бороны. В том же семьдесят пятом заготовили клеверного лугового сена почти две тысячи тонн, такого запаса в «Новоселье» раньше не знали. А год, в отличие от предыдущего, был знойный, засушливый. Но всё же собрали зерновых по двенадцать центнеров на круг. Начали освоение новых участков, совхозные поля расширились на сто гектаров. Кто бывал в Верхневолжье, знает, как даётся освоение каждого гектара. Вырубить кустарник, собрать, вывезти камни, поверхность выровнять — только тогда можно приступить к пахоте.

Сельское хозяйство страны переходило на путь специализации. На базе совхоза «Новоселье» в районе создали государственно-колхозное объединение по откорму крупного рогатого скота. Вошли в него совхозы «Граничный», «Шлинский», «Фировский» и колхозы «Память Ильича», «Труд», «Цна». Экономика коллективных, государственных хозяйств крепла. Не хрущёвские агитки-лозунги «догоним-перегоним», а экономически проверенное, просчитанное кооперирование хозяйств. Наиболее выгодная модель производства продовольствия, как в восточно-европейских социалистических странах, так и в соседних капиталистических. Именно тогда закладывался в СССР фундамент масштабных ком-

плексов по производству продовольствия — от птицефабрик-миллионников до овощеводческих агрофирм, совхозов-заводов по выращиванию племенного скота, свиноводческих гигантов с лучшим европейским оборудованием (До горбачёвской «перестройки» успели запустить половину из запланированных производств, и сегодня только один такой комплекс в Усолье-Сибирском на две трети обеспечивает промышленную Иркутскую область свининой, колбасными изделиями, полуфабрикатами в широком ассортименте.)

Совхоз «Новоселье» основательно закрепился среди прибыльных хозяйств Фировского поречья. В семьдесят пятом в Сосновке, на центральной усадьбе появилась новая улица из двухквартирных жилых домов для работников совхоза. Пустили пилораму, три подстанции, летнюю откормочную площадку на двести голов. Приобрели первый автобус. Началось строительство бетонного моста через Цну. По территории хозяйства легли километры трассы Вышний Волочёк — Фирово, обеспечив надёжное сообщение с райцентром и Калининым. Без срывов выполнял совхоз и главное задание — выращивал молодняк, доводил его до кондиции и отправлял в Ленинград. У новосельских мастеров Н.Н. Соболевой, Н.К. Винк среднесуточный привес молодняка составлял почти семьсот граммов — рекордный результат по району. Механизация труда, рассчитанный специалистами рацион, новые технологии обеспечивали устойчивый рост совхозной экономики. Поднималась урожайность зерновых. В десятой пятилетке на площади около тысячи гектаров стали снимать по шестнадцать центнеров, что было раньше только в особо благоприятные годы.

Четвёртый год руководства совхозом напомнил Прокофьеву фронтное прошлое. Всего за десять дней механизаторы со стажем — В.А. Шульбах, Г.А. Шершнёв, А.В. Рагозин, А.И. Самочкин — провели вспашку, к 10 мая завершили сев. И с этого дня до ноября зарядили дожди. Временами вода в Цне поднималась на два метра. С утра небо голубело, ближе к полдню подступала хмарь, начинало темнеть, перебежками налетал ветер, дождевой дымкой затягивало даль... Весенний сев однолетних трав завершили только в двадцатых числах июня. Хлеба полегли. Уборку начали во второй декаде августа и завершили только в двадцатых числах октября. Что ожидало крестьянина-единоличника в старые времена при таком потопе? Министр земледелия Наумов, выступая в 1915 году в Государственной думе, жаловался: Россия не вылезает из голода то в одних губерниях, то в других, испытывая нехватку хлеба при засухе, ранних заморозках, затяжных дождях...

Специалисты совхоза наладили, приспособили технику для уборки полегших хлебов. Нередко вытаскивали комбайны из ложбин гусеничными тракторами. И всё же заготовили корма, убрали, не оставили в поле зерновые, добились неплохих привесов... Были в семьдесят седьмом и радостные события. Обновили, реконструировали скотный двор на двести пятьдесят голов, стали возводить 16-квартирный дом. Праздником для детей и взрослых стало завершение строительства школы. Утром первого сентября на торжественной линейке руководитель бригады строителей Ю.А. Черняев вручил символический ключ старшекласникам. А ученица первого класса Ира Фёдорова разрезала красную ленту перед центральным входом. Младшие первыми переступили порог школы, было их тогда больше двадцати.

Строительство производственных помещений, жилья велось и в последующие годы. Памятником последнего десятилетия советской эпохи стал двухэтажный Дом культуры в Сосновке. Большой актёрный зал, просторное фойе, помещения для сельской библиотеки, студий, кружков художественной самодеятельности. В этом же здании — почтовое отделение, кабинеты поселковой администрации. Рядом заложили фундамент под здание будущей амбулатории с дневным стационаром.

Рукой директора-летописца Михаила Кирилловича Прокофьева в дневник-журнал совхозной жизни внесено одно важное наблюдение: меняется состав сельского населения, всё больше работников со средним, специальным, высшим образованием. Не свидетельства одногодичных школ полеводов, зоотехников, ветфельдшеров и краткосрочных курсов для бухгалтеров, счетоводов, а дипломы техникумов, институтов, сельскохозяйственной академии... Всеобщее среднее образование, завершённое в СССР в семидесятые годы, дало возможность сельским ребятам поступить в вузы, вернуться затем в родные места специалистами высшего звена своей отрасли.

ДОКТОР И УЧИТЕЛЬ

Во все времена в сельском бытовании особое место занимали лечебное дело и обучение грамоте. Русская общинная деревня (как тогда говорили — мир) большим почётом, уважением наделяли не помещика, барина или исправника-начальника, а сельского учителя и доктора, по тем временам — лекаря. Начальные, светские школы нередко строили местные помещики, а лечебные заведения — земства. Своих средств у мира не было.

— Строить больницу здесь, в волостном селе Рождество, начали в конце девятнадцатого века, а достраивать пришлось уже в тридцатые годы Ивану Григорьевичу Чернявскому...

С доктором Сергеем Викторовичем Сорокиным мы стоим у Памятной доски, прикреплённой к стене одноэтажного, на высоком фундаменте здания. Кирпичные строения, возводимые, похоже, по одному типовому проекту, можно и сегодня ещё видеть в воронежском Придонье, в калужской, тамбовской глубинке. В такой земской больнице в Переславле-Залесском в начале двадцатого века врачевал Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, будущий святитель Лука. По нынешней терминологии были это врачи общей практики, пользовавшие, как тогда говорили, начиная от глазных болезней до родовспоможения. В земской больнице села Рождество почти сорок лет, с 1904 года до 1943-го, врачевал сельских жителей, и старых и малых, доктор медицины, статский советник Иван Григорьевич Чернявский. Фамилия в ряду дворян Тверской губернии известная. Выпускник Военно-медицинской академии, как и многие русские врачи, участвовал он в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., потом вернулся в родной край и служил делу медицинской помощи простому народу до самой кончины.

Валдайский земский начальник А.А. Мельницкий, имевший родовое поместье в селе Рождество, видя плачевное состояние лечебного дела в уезде, решил строить в волости небольшой больничный городок. При амбулатории, где доктор вёл приём, находились процедурная, перевязочная, несколько палат и кухня. Возвели ещё два здания — больничный корпус на двадцать коек и инфекционное отделение, называлось оно тогда «заразным». В губернии то в одном уезде, то в другом возникали вспышки оспы, тифа, малярии, а в голодные годы настигала холера. Мельницкие дружили с дворянами Кашинского уезда, оттуда и был приглашён в Рождество доктор Чернявский.

Лечебное дело в Тверской губернии держалось на таких подвижниках, как И.Г. Чернявский, Ф.О. Мациевич, И.Н. Альтшуллер, одно время лечивший в Крыму Л.Н. Толстого. Добрую память о себе оставила в простом народе Е.М. Бакунина из села Казицино Торжокского уезда. В сорокалетнем возрасте, вступив в Петербурге в Крестовоздвиженскую общину сестёр милосердия, Екатерина Михайловна в январе 1855 года вместе с другими сёстрами прибыла в осаждённый Севастополь и стала одной из участниц героической обороны. Николай Иванович Пирогов позже вспоминал: «Она вела дело присмотра за уходом больных с таким тактом, энергией

и совестливостью, что полученный успех оказался блестящим». С завершением войны Е. М. Бакунина не осталась в Петербурге, поселилась в небольшом родовом поместье Казичино. Устроив школу для крестьянских детей, как Л. Н. Толстой в Ясной Поляне, Екатерина Михайловна много сил отдавала открытой ею сельской лечебнице. Крестьяне округи получали здесь бесплатную помощь. (В городе визит к врачу стоил три рубля, при заработке подёнщика в день двадцать-тридцать копеек.) Никаких капиталов Бакунина не имела, выкраивала деньги на лекарства из своих скудных средств — не могла держать даже пары лошадей, отправлялась к больным в дальние деревни на обычной двуколке. Больных Екатерина Михайловна принимала и в возрасте восьмидесяти двух лет, за две недели до кончины в 1894 году.

Иван Григорьевич Чернявский, не оставляя лечебного дела, завершил строительство больничного городка, куда поступали не только жители окрестных деревень, но и рабочие, служащие ближайших станций Баталино, Шлина. Родильное отделение прибавилось к постройкам уже в советское время, в тридцатые годы. Дед Сергея Викторовича Сорокина, Яков Сорокин, владел плотницким ремеслом, с его участием велись завершающие работы. Впоследствии Яков Сорокин трудился завхозом больницы. В одной из построек была и квартира доктора Чернявского, не имевшего семьи, полностью отдавшего себя служению медицине.

Более сорока лет, после окончания Московского университета, трудился в тверском крае известный русский учёный-хирург Борис Васильевич Шолков. Труды Шолкова высоко ценили И. И. Джанелидзе, А. В. Вишневский, С. С. Юдин. Иван Григорьевич Чернявский в Фировском районе, Борис Васильевич Шолков в Новоторжокском районе стали участниками тех преобразований, которые начались в двадцатые годы в народном здравоохранении. Забота о здоровье народа стала делом государственной важности. Впервые в мировой практике каждый гражданин СССР мог получить бесплатную врачебную помощь на самом высоком уровне. В короткий срок, благодаря новой системе всестороннего укрепления здоровья населения, охране материнства, невиданной по масштабам профилактике инфекционных и других, наиболее распространённых заболеваний, удалось вдвое поднять продолжительность жизни взрослых, остановить массовую детскую смертность (В девятнадцатом веке по этому показателю Россия занимала первое место в Европе: до пятилетнего возраста в крестьянских, рабочих семьях выживал каждый второй ребёнок.) Результат советской системы здравоохра-

нения был налицо. В довоенном Фировском районе, при двадцати четырёх тысячах населения, только детей-школьников насчитывалось пять тысяч.

В благодарность за многолетнюю бескорыстную заботу о здоровье фировцев, по ходатайству населения, в 1937 году решением райисполкома, при жизни Ивана Григорьевича, Рождественской участковой больницы было присвоено имя народного доктора. (Впоследствии Памятную доску в честь И.Г. Чернявского перенесли со старой амбулатории на здание, где теперь размещается участковая больница и стоматологический кабинет.) Со временем в Фирово появилась новая районная больница, две поликлиники, для взрослых и детей, с лечебно-диагностическим оборудованием последних разработок. Заветы бескорыстия, милосердия от первых земских врачей до наших дней передавались из поколения в поколение. Судьба народного доктора Ивана Григорьевича Чернявского стала примером и для Сорокина.

Вся жизнь Сергея Викторовича связана с фировскими местами. Родился он в деревеньке Поддубье, в шести километрах от села Рождество, домашние задания в начальных классах выполнял вечером при керосиновой лампе, днём помогал родителям по хозяйству. С аттестатом Рождественской средней школы, за год до смерти отца, в семнадцать лет поступил в Калининский мединститут. Практику проходил в Фировской районной больнице. Домой вернулся с дипломом врача-стоматолога. Старшая сестра, тоже медик, когда выбирал специальность, объясняла: «С дипломом стоматолога, после переподготовки, можешь стать терапевтом, а вот наоборот не получится». Так всё и вышло. Неоднократно повышал квалификацию, получал сертификаты, не один год работал участковым врачом, главным врачом района и снова стоматологом...

В начале двухтысячных, «нулевых», на территории Рождественского участка было пять фельдшерско-акушерских пунктов, всего в районе их более двадцати. Сейчас на Рождественском участке два ФАПа — в Деревях и более крупном посёлке Труд, где сравнительно недавно был крупный стекольный завод. Утечка населения неостановима. И одна из главных причин — на месте совхозов, колхозов, крепких механизированных хозяйств после горбачёвского «ускорения» и ельцинских «реформ» — пустоши, тишь, безлюдье...

Изменилось сознание тех, кто выбирает медицину. Мериллом всего стали деньги. История не новая. Чеховский доктор Старцев, потерпев крушение в личной жизни, становится стяжателем. Мечтания молодости не нужны Ионычу. «У него

в городе громадная практика, некогда вздохнуть, и уже есть имение и два дома». На президентский «земский» грант, конечно, поместье не купить, да и надо же как-то обустроиться молодой докторской семье, но с этого ли надо начинать, заманивая миллионом юного лекаря в сельскую местность? «У нас раньше и в мыслях не было такого, шли по призванию, понимая свою главную задачу, — говорил Сергей Викторович Сорокин, когда показывал нам места, связанные с жизнью Ивана Григорьевича Чернявского. — Теперь первый вопрос выпускника мединститута: сколько платить будете?»

В сельском поселении, даже в таком крупном по здешним меркам, как село Рождество, всё близко, всё рядом. Недалеко и до школы, которую окончил Сергей Викторович. «Последний звонок» для четырёх десятков его одноклассников прозвенел тогда уже в новой школе, двухэтажной, рассчитанной на шестьсот учеников.

Рождественская школа, как и участковая больница, имеет давнюю историю. В волостном селе действовали три небольшие школы. Церковно-приходская содержалась на средства прихожан и пожертвования дворян Мельницких. Земские школы строились и финансировались земской управой. Срок обучения — до четырёх лет. Обязательные ежедневные уроки состояли из математики, чтения и чистописания. Нередко родители забирали школьника для домашних работ, наученного только чтению и письму. Местный летописец, талантливый кузнец из деревни Новое Козьяново А.А. Нефёдов, в октябре 1893 года, когда уже выпал первый снег, записал в самодельном, сшитом нитками журнале: «Сего дня начался класс учения грамоте детей в Кузнечкове А.Н. Никольской в количестве двадцати двух учеников. С нашей деревни ходить начали 5 учеников. Плата за преподавание учительнице 25 копеек с ученика в месяц. Содержание учительница будет иметь за свой счёт. Квартира и класс помещаются у Аксиньи Алексеевой. Дай Бог успеха!». Несмотря на способности, желание учиться, ребёнка могли забрать в любое время: не хватает рабочих рук, надо помогать по хозяйству. Девочки нередко ходили только одну зиму, освоив чтение по слогам и счёт. На стекольном заводе, теперь это посёлок Труд, обучалось двенадцать детей, окончили школу трое.

Тридцатые годы вошли в историю страны как десятилетие индустриализации, поставившей СССР вровень с ведущими капиталистическими странами. Но были они также эпохой всеобщего образования. В 1934—1935 учебном году в Фировском районе было восемь семилеток и тридцать три начальных. Фировская школа с 1935 года стала средней, един-

ственной в районе. Не хватало учителей. До 1936 года девятнадцать учителей начальных школ должны были закончить семилетку, а сорок семь поступить на заочное обучение в педагогические училища.

Стала трудовой семилетней и Рождественская школа. Имелся при ней земельный участок для опытов, хозяйственных нужд. Небольшая животноводческая ферма дополняла традиционный уклад крестьянского хозяйства. Вместе с районной делегацией школьников-юннатов, рождественский паренёк Ваня Яблочников провёл два дня в Москве на осенней сельскохозяйственной выставке. Как «автор» капустного кочана-рекордсмена Ваня был награждён грамотой и мандолиной для струнного оркестра министром сельского хозяйства СССР Я.А. Яковлевым. Тогда же рождественские школьники стали участниками похода «За культурную избу колхозника», чтобы в каждом доме был умывальник, отдельная посуда для каждого члена семьи, личное полотенце...

Два десятилетия великих перемен в здравоохранении, образовании, общем росте населения СССР запечатлелись в истории тверского края одной цифрой: в Рождественской сельской школе до войны было почти четыреста учеников, по три параллельных пятых, sixth классов!

В сорок первом большинство выпускников семилетки, несмотря на юный, не призывной возраст, добровольцами отправились на фронт. Вместе с ними, оставив жену, троих детей, выступил на защиту Родины молодой директор Рождественской школы Василий Иванович Имбирёв. Мог бы Василий Иванович и сегодня числиться в списках без вести пропавших, как ставшие бойцами школьники Сергей Иванов, Борис Пеплов, Леонид Хохлачёв, если бы не долгие послевоенные поиски его сына. Нашёлся В.И. Имбирёв в перечне воинов, захороненных в одной из братских могил под Ржевом. Стали фронтовиками учителя Н.Н. Бельтенёв, Н.Я. Любомирский, Д.А. Аристархов. И они сами, и многие их воспитанники удостоились высоких наград, как Николай Матвеевич Павлов, награждённый тремя орденами Славы. Капитан Михаил Алексеевич Пеплов стал Героем Советского Союза. Этой же «звёздной» наградой отмечены подвиги выпускников школ Фировского района Николая Петровича Быкова, Михаила Алексеевича Матвеева, Виктора Ивановича Колосова.

Школьные наставники вместе с детьми переживали трудности тех лет. В сорок пятом многие первоклассники пришли на занятия в лаптях, с сумками, сшитыми мамой из домотканой холстины...

С каждой пятилеткой прибывал достаток, улучшалось обеспечение одеждой, обувью. Рождественская школа стала средней, в обиходе появились логарифмические линейки, арифмометры, наглядные пособия в предметных кабинетах. Занятия в классах вели учителя первых послевоенных выпусков калининских, московских, ленинградских пединститутов. В шестидесятые начинается переход к всеобщему среднему образованию, развивается система вечернего обучения. В СССР накапливался тот капитал, который назывался «высокообразованное население страны».

Сельская школа давала не только знания, но и готовила к будущей взрослой жизни. Уникальность советской системы образования заключалась в том, что многие задачи она решала с опережением. В те годы в штат вводятся должности мастера производственного обучения и инструктора по вождению автомобиля, управлению сельхозтехникой. При школах открываются мастерские слесарного, столярного профиля, укомплектованные станками по обработке металла и древесины. Совхоз «Шлинский» выделил Рождественской школе гусеничный трактор, затем колёсный. Строится гараж для техники. В 1966 году одиннадцатиклассникам вместе с аттестатами зрелости вручили удостоверения сельского механизатора, права водителей автомобиля. Девушки получали профессию воспитателя детского сада. В том же году, в октябре, состоялось первое празднование Всесоюзного дня учителя, в нём принимали участие все жители села. Награждали и премировали не только преподавателей Рождественской средней школы, но и окрестных начальных — Баталинской, Поддубской, Городокской...

Открытие зимних Олимпийских игр в 1968 году Рождественская школа отметила своей Олимпиадой. Соревнования по лыжным гонкам, биатлону, бобслею... На стадионе был зажжён Олимпийский огонь и поднят белый флаг с пятью разноцветными кольцами. Школьная Олимпиада продолжалась летом. Специальные медали вручались победителям соревнований по бегу, прыжкам с шестом, метанию диска, копья, по плаванию. Участники тех игр М. Андреев, А. Кутузов, В. Конюхов впоследствии стали тренерами, мастерами спорта.

С 1972 года готовилась документация строительства в Рождестве школы-интерната на 640 мест. После Постановления ЦК и Совмина СССР «Об укреплении материально-технической базы сельской школы» стройка оживилась, и уже весной семьдесят пятого поступил вагон с партами, оборудование для столовой, котельной, теплового узла. В октябре нача-

лось заселение новой школы. Впереди — строительство интерната и жилого шестнадцатиквартирного дома для учителей.

В 1976 году в актовом зале новой школы аттестаты зрелости получил сорок один выпускник, в следующем — пятьдесят пять. 1978 год стал рекордным — Рождественская школа выпустила семьдесят два школьника с аттестатами о среднем образовании. Тогда же стала новосёлами группа учителей, получившая ключи от благоустроенных квартир. О таком «застое» в сельском хозяйстве, в системе народного образования, здравоохранении не помышляли многие страны Запада.

Грамотность значительной части населения северо-запада Руси подтверждается многими источниками. История не сохранила имена первых священников, обучавших грамоте крестьянских детей, но найдено письменное упоминание о церковно-приходской школе села Рождество, относящееся к временам правления государя всея Руси Ивана Третьего. Берестяные грамоты древнего Новгорода говорят о грамотности не только значительной части взрослого населения, но и детей. Валдайское село Рождество, на земле Новгородской, могло иметь школу обучения грамоте с восьмивековой историей.

Лучшие традиции церковно-приходских, земских школ получили развитие в советское время. Несколько поколений жителей Фировского поречья помнят семью учителей Галаховых. Выпускник юнкерского училища Николай Иванович Галахов и воспитанница Смольнинского института Елена Михайловна за многие годы обучения детей стали теми народными учителями, которых всегда любили и уважали на селе. Галаховы вели занятия в начальных школах района, потом в Пухтиногорской семилетке. Елена Михайловна, первая в Фировском районе, за свой учительский труд была награждена орденом Ленина. Воспитали Галаховы патриотами Отечества и своих детей. Сын, Борис Николаевич, офицер, пал смертью героя в боях за Родину, дочь, Евгения Николаевна в войну вместе с родителями преподавала в Пухтиногорской школе.

Для учителя русского языка и литературы средней школы райцентра Эльвиры Иосифовны Русановой, блокадницы, дочери погибшего ленинградского ополченца, фировская земля стала второй «малой родиной». Школьный музей, созданный Эльвирой Иосифовной и её помощниками, со временем стал краеведческим, переместился в районный Дом культуры. Сюда, как ручьи в озеро, стали сте-

каться свидетельства быстротекущего времени. Материалы о просветительской деятельности церковных служителей, земских учителей, о становлении лечебного дела... Не менее ценны документы создания первых крестьянских коммун, совхозов, колхозов, с государственными актами передачи коллективным хозяйствам земли, с письмами селькоров в районную газету о первых достижениях в полеводстве, животноводстве. Письма с фронта, фотографии Героев Советского Союза, других отважных бойцов, командиров, медали и ордена, предметы военного быта — великое время тех, кому, по большей части, не суждено было вернуться, продолжить род... Среди стендов музея обширный раздел отведён жизни последних десятилетий народного государства, когда на земле, переданной «в вечное пользование», с каждым годом прирастали, строились гаражи, животноводческие комплексы, механические цеха, молокозаводы, пекарни. Одновременно возводились сельские клубы, школы, детские сады, библиотеки, медицинские учреждения, быткомбинаты...

Будущее виделось продолжением взятого разбега.

НОВАЯ СМЕНА

Вдоль дренажной канавы, отделяющей луг от дороги, райкомовский «газик» пробежал с полкилометра вперёд, где был съезд для транспорта, и потом по скошенной луговине направился к «Беларусу» Павлова. Машина появилась не со стороны Фирово, похоже, секретарь с утра уже проехал по соседним хозяйствам. На полпути Валерий Сергеевич остановился возле трактора с нагруженной тележкой, задержался на минуту-две, поздоровался с механизатором... К полдню, когда солнце в зените, металл нагревается до ожога, и всё же работать лучше без рубашки, брюк, чтобы обдувал ветерок. Так, в плавках, кедах, подошёл Павлов к «газику» Хрусталёва.

Секретарь, в летней светлой рубашке, сам недавно бывший директором крупного хозяйства в соседнем районе и направленный в Фировский для укрепления кадров, встретил молодого инженера вопросительным взглядом.

— Здравствуй, Анатолий Николаевич. Твоё место где?

— Здесь... Видите, какие укусы? Лучшие в хозяйстве.

— А если в бригадах что-то случится с техникой, какая поломка?

— «Летучка» наготове, механик опытный. Мы здесь до обеда уже в два сарая уложили.

Секретарь окинул взглядом луговину, охваченную вдалеке стенкой тальника. Трактора двигались по линии валков, грузовые машины, тракторные тележки, переваливаясь на рытвинах, выезжали на дорогу.

— Укладываетесь в сроки?

— Не будет дождей дней пять — уберёмся.

— А я за тобой, садись. Не одевайся, тут недалеко.

Поехали в сторону полей совхоза «Фировский». Обширный луг, заросший разнотравьем, нагревался под полуденным солнцем. Вдалеке маячила единственная сенокосилка. Похоже, что только сегодня здесь приступили к косовице.

— Видишь, сколько техники? С какими кормами пойдут в зиму?

Не заезжая на луг, по заросшей, в колдобинах, дороге свернули к озерцу.

— Освежимся? Я за рулём с утра...

Плавал Валерий Сергеевич неплохо, на спине отмахал переёк озера. Обсохли на жаре быстро.

Вернулись на покос, и только здесь секретарь объяснил цель приезда.

— Предлагают тебя, Анатолий Николаевич, главным инженером в этот самый «Фировский». С прицелом. Сам видишь, какие у них дела. Завтра к четырём ждём тебя на бюро райкома.

К четырём Павлов явился в Фирово с твёрдым решением: отказаться. Хозяйство запущенное, тут нужна крепкая рука, большой опыт.

После обсуждения разных вопросов — пятиминутка, перерыв. Председатель райисполкома Владимир Васильевич Булыгин, сам бывший хозяйственник, отвёл Павлова к окну. «Не отказывайся. Всё можно выправить, если поднимешь людей... Не упирайся. Помогу».

В августе семьдесят седьмого, не отработав и двух месяцев главным инженером, стал Анатолий Николаевич директором совхоза «Фировский». Руководители района держали на учёте молодых главных специалистов колхозов, совхозов. Искали деловых, энергичных, самостоятельных. Кадровый голод был не такой, как в послевоенные годы, и всё же талантливых руководителей не хватало. Так Анатолий Николаевич стал директором совхоза на тридцать первом году...

И в этом возрасте многое можно постичь, многому научиться, если не растрачивать время зря. Судьба отца, его опыт укрепляли понимание жизни. Николай Михайлович Павлов, призванный в сорок первом, снайпер, вместе с командиром поднимал роту в атаку под гимн страны, «Интернаци-

онал». На фронте гармонь тоже ходила в бой, пригодилось уменье деревенского гармониста. После двух ранений вернулся Николай Михайлович домой, в Новоселье, стал бригадиром. Колхоз «Красное Знамя» был небольшой, малосильный: лошадей с три десятка, дойное стадо с полсотни, птичник, пасека, пашни триста-четыре гектаров. Доход в кассу приносили лён, зерновые. Жизнь колхозников поддерживало подсобное хозяйство. Как и другие новосельцы, держали Павловы две коровы, поросёнка, гуртик овец. По сравнению с двадцатыми-тридцатыми жили заметно лучше. Техники в колхозе было ещё маловато, пахали, боронили, свозили урожай, сено на лошадях, волах. В конце пятидесятых присоединили артель к совхозу «Новоселье».

В жизни крестьянских детей школьное учение неразрывно связано с помощью родителям. Достаток создаётся общим трудом. Сызмала уход за домашней живностью, потом, летом, подростку всегда найдётся дело в бригаде, на полях. Входит в привычку вставать спозаранку, вместе со взрослыми быть при деле дотемна.

Действительную, три года служил Павлов в Германии в 12-й гвардейской танковой Уманской ордена Ленина Краснознамённой ордена Суворова дивизии. Демобилизовался в шестьдесят восьмом. Полторы тысячи орлов, основательно приодетых перед «гражданкой», в теплушках, катили по земле Польши, которую недавно освобождали от «сверхчеловеков» их отцы. Страна крестьянская, небогатая. Вдоль полотна встречали демобилизованных селяне, чуть ли не на коленях выпрашивали у солдат брюки, гимнастёрки. На радостях бросали им щедрой рукой. Свои же, славяне! Бросил и он старику-поляку добротный новый бушлат с меховым воротником. Мех искусственный, но выглядит на «все сто».

А дома отец в заношенном ватнике. «Да, сынок...» Нелегко деревня, кормилица страны, поднималась к достатку. Только в сказках пышные хлеба да наливные яблочки появляются сразу в изобилии. У отца зарплата в совхозе не ахти, у матери, бухгалтера, ещё меньше — сорок пять полновесных.

В шестьдесят восьмом году, не теряя времени, стал Павлов студентом отделения механизации Ржевского сельхозтехникума. Стипендия двадцать три рубля. Подрабатывал грузчиком в вечерние часы, упаковщиком на фабрике. Учили ребят ржевские наставники основательно, то, что вкладывали в их молодые головы такие наставники, как преподаватель экономики Василий Васильевич Лебедев, пригодилось Павлову и в первые годы руководства совхозом и потом, когда «пере-

строечная» вакханалия стала рубить по живому экономику хозяйства.

Учебно-производственная база техникума соответствовала времени: новые трактора-колёсники, гусеничные ДТ-54, ДТ-75. Изучали современные зерноуборочные комбайны, сеялки, культиваторы, зерноочистительные машины, агрегаты льноводческой отрасли — в основном своего, Бежецкого завода сельхозтехники. Позже, поднимаясь с курса на курс заочного отделения института, Анатолий Николаевич только расширял, обновлял знания, полученные в Ржеве.

Знания, навыки закреплялись на производственной практике. К тому времени студенты уже имели права на вождение автомобилей, тракторов, самоходной сельхозтехники. Полигоном для будущих специалистов служило подсобное хозяйство техникума. На производственной практике работал Павлов на разных машинах, ставил стогометателем скирды. В Верхневолжье дождливое лето не редкость, трактора-колёсники с нагруженными тележками вязли в бочажинах, приходилось перетаскивать их с помощью гусеничных машин.

После льна вторая «стратегическая» культура в Калининской области — картофель. Из Верхневолжья крупные поставки отправлялись в Мурманскую область, в Ленинград. Картофелеуборочные комбайны, приходившие из ГДР, были не приспособлены к местным каменистым почвам, техника на картофельных полях в основном была отечественной. Конструкторы и студенты вместе решали, как усовершенствовать агрегаты для посадки, обработки, уборки урожая. Павловская дипломная работа — устройство по автоматической выгрузке картофеля из машин — исключала ручной труд ещё на одном участке.

Механизация сельхозработ стала главным направлением в жизни послевоенной деревни. Началось насыщение машинами аграрного сектора, ширился поток выпускников сельскохозяйственных ПТУ, техникумов, институтов. Какие перемены произошли на веку одного поколения! В тридцатые годы тракторист за рулём «Фордзона-Путиловца» был знаменитостью на всю округу, за десяток вёрст из других деревень спешили ходоки взглянуть на безлошадную вспашку..

Кроме машин, находившихся в собственности колхозов, совхозов, обширные работы на полях вели отряды «Сельхозтехники». С 1972 года, когда вновь был создан Фировский район, начальником такого механизированного отряда был назначен молодой специалист Павлов. Улучшение, «лечение» угодий велось по специальным программам: заготовка тор-

фа для полей, известкование почвы, химическая «прополка» от сорняков. Одновременно с удалением, уборкой камней, козорых множество на Валдайской возвышенности, велось осушение заболоченных низин, выкорчевка деревьев, кустарников, островками закрепившихся на полях. Иначе не развернуться на полную мощь современным машинам. В зимнее время заготавливали торф, разбрасывали минеральные удобрения. Почвы в Верхневолжье в основном кислые, на гектар для раскисления требуется тонны полторы извести, доломитовой муки. Весной начиналась подкормка озимых, развозка торфа по полям. Отряд располагал немалой силой: двадцать пять тракторов, корчеватели, камнеуборщики, экскаваторы для мелиоративных работ, «Пчёлки» для разброски удобрений.

При массовом поступлении техники в хозяйства специальность механизатора становилась самой необходимой, нужны были кадры. Выпускников сельскохозяйственных ПТУ не хватало, стали учить ребят на месте, в райцентре. Анатолий Николаевич, назначенный инспектором «Россельхознадзора», следившего за сохранностью, состоянием техники, вёл занятия на таких курсах, потом в составе комиссии принимал экзамены — и выпускные, и на повышение классности.

Передавая знания, Павлов учился сам. В 1977 году, через пять лет после окончания техникума, поступил на заочное отделение Калининского сельхозинститута по своему, техническому профилю.

Не хватало на селе не только механизаторов. Где взять руководителей, понимающих экономику сельского производства, способных организаторов, по своим человеческим качествам скромных, сдержанных, авторитетных? Не каждого специалиста с дипломом поставишь директором, председателем. Отрицательных примеров было достаточно — снимали за развал, конфликтный характер, несоответствие должности. Руководство Фировского района, готовя резерв, направило Павлова на курсы председателей колхозов при Тимирязевской академии в Москве. Профессора академии, известные экономисты, руководители передовых хозяйств не только знакомили слушателей с достижениями в отрасли, но и проводили тренинги, привлекали к решению сложных производственных задач.

...После приезда секретаря райкома на сенокос, беседы на бюро райкома, недолго Анатолий Николаевич был главным инженером совхоза «Фировский». Занимай директорский кабинет, принимай дела. Невзрачное наследство получил

Павлов от предшественника, не наделённого способностями хозяина, да ещё любителя «горькой»...

Не успел оглядеться, ознакомиться — комиссия из Калинина по льноводству. Поехали в дальнюю деревню Кузино, где были посеы льна. Транспорт — сварные сани за трактором, никакой вездеход не осилит эти хляби. Потом на лодке через озеро. Лён созрел, пора теребить, а убирать нечем. Льно-теребилку получили из соседнего хозяйства, на санях доставили в Кузино. За два дня машина вытеребила весь лён. Очёсывание головок, расстилка льна — всё может машина в паре с трактором-колёсником. Успели под августовские росы, чтобы стебли долгунца стали трестой...

Не время было выяснять, почему хозяйство в зиму может остаться без кормов. Какой спрос с уволенного директора и растерявшейся малоопытной девушки-зоотехника? Принимай решение и действуй, с полной ответственностью за результат. Две тысячи крупного рогатого скота, половина — дойные бурёнки; более семи десятков лошадей, тысяча овец, небольшая свиноферма. И всем каждый день, без выходных, положи в кормушку. При всех добавках, комбикормах, основа питания — сено. Укосные сроки завершились, помимо собственных заготовок, по опыту соседей, привлекли население: два стога на совхозных лугах ставишь себе, один совхозу. Стожки по одной тонне. Зимой бульдозер сдвигает сено на железный лист, цепляет и подвозит к ферме...

Зиму-весну, не сократив поголовья, «Фировский» протянул на своих кормах и добавке, взятой в долг у соседей. В своём родном совхозе «Новоселье» Анатолий Николаевич одолжил тогда тридцать тонн.

Летом с долгами рассчитались, но было ясно, что на луговом сене не набрать «кормовых единиц». Вместе с агрономом занялись расчетами, сколько и каких надо высевать трав. Объехали выбранные участки, составили план подготовки почв. Подметил Анатолий Николаевич у хозяйственников старшего поколения — Муравьёва, Булыгина, Голубева — одну черту: не откладывать задуманное на лучшие времена. Что отложено, то потеряно, так говорят в народе.

Слабые хозяйства, с разбитой техникой, беспорядком, небольшой зарплатой, подтачивает обычно хроническая болезнь, которую в отчётах называют «текучка кадров». В «Фировском», с главной усадьбой в райцентре, эта болезнь давила с удвоенной силой. В посёлке десятки организаций, зарплата не меньше совхозной, но рабочий день с восьми до пяти, два выходных, летний отпуск... Выход — строить своё жильё, только так можно закрепить кадры.

Разработали комплексный план, подготовили техническую документацию. Пригодились знания, полученные в институте, на председательских курсах в Тимирязевке. Возле совхозной конторы образовался целый городок: шесть двухквартирных домов, рядом покрупнее, на двенадцать семей. Росло число тех, кто вскоре составил ядро коллектива. Приступили к возведению 27-квартирного дома. По графику вводили детский сад, хранилища для зерна, картофеля. На отделениях, здесь их называли бригадами, ставили в основном сборные, так называемые «финские» дома. Ещё один неотложный объект — столовая. Приезжающие на центральную усадьбу из деревень по делам, другие работники, без семьи, не имели возможности пообедать, зимой в перерыв отдохнуть в тепле. После упорных хождений по кабинетам в Калинин получил Анатолий Николаевич комплект оборудования для столовой. Небольшую долю работ брал на себя «Сельхозстрой», но основной объём поднимал совхозный строительный цех. Имел он пилораму, трелёвочник, всю линейку обрабатывающих станков, мятниковую пилу...

После сдачи, заселения первых домов стали возвращаться в совхоз «беглецы», те, кто уволился по разным причинам. Но с трудовой дисциплиной выправилось дело не сразу. Приходилось директору иногда с участковым инспектором стучаться в кабинет начальника райотдела, чтобы взять на поруки «боксёра», учинившего дома после полочки погром. Обсуждение в коллективе выводило иных гуляк на трезвый путь.

«Фировский» объединял пять бригад, расстояние от крайних точек около семидесяти километров. Перелесок, Кузнечково, Гачки, Фролёво... В каждой бригаде свой «климат», свои сложившиеся порядки. Анатолий Николаевич не признавал телефонного руководства. В случае сбоев, неполадок приезжал на ферму сам. «Почему упали надои?» «Плохой выпас, мало трав». «Завтра с утра пасём вместе». Пастуху не понравился такой поворот, решил проучить директора. На выпасе погнал на него быка. Не учёл только, что Павлов не городской турист...

В другой бригаде — за железной дорогой хороший выпас, но как перегонять стадо? Договорился с путейцами, сделали ограду для перегона, поставили машинистам знак. Городским, далёким от сельских дел, не понять, как нелегко поднять надои на двести-триста литров. При новом директоре «Фировский» стал летом сдавать на переработку по четыре тонны в день охлаждённого молока повышенной жирности. На сельской дороге появились молоковозы-термосы...

Опыт, полученный в «Сельхозтехнике», пригодился Павлову при мелиорации совхозных полей. Для осушения отвели двести гектаров. Первый год рыли канавы, потом закладывали керамические дренажные трубки, ложили бетонные плиты. Технология осушения на больших заболоченных территориях, созданная советскими учёными, отработывалась в хозяйствах Прибалтики, Белоруссии. С новых полей снимали хорошие урожаи.

Укрепляя производственную базу, при всей экономии, значительную часть доходов направляли на улучшение жизни селян. Открыли фельдшерско-акушерские пункты, ФАПы, в Гачках, Фролёво, больных из других деревень при необходимости доставляли на совхозном транспорте. Настал черёд ещё для одной стройки — приступили к проектированию Дома культуры в Фирово, где проживала большая часть работников совхоза. Финансирование намечалось по линии профсоюзов, но организации, способной возвести такое здание «под ключ», не было. Не один раз ездил Анатолий Николаевич в Вышний Волочёк со сметной документацией, договорами, поправками... Назначил одного из совхозных специалистов ответственным за ход стройки. Двухэтажное здание с актовым залом, множеством просторных светлых кабинетов, студий соответствовало званию районного культурного центра. Патриот тверского края, талантливый педагог, организатор школьных фестивалей, выставок, Эльвира Иосифовна Русанова, смогла впоследствии развернуть здесь с помощниками экспозиции районного краеведческого музея.

Руководители хозяйств, командиры местного «директорского корпуса», приезжая в районный центр по делам, на семинары, совещания, заходили к Павлову взглянуть на новинку, будь то льноуборочный комбайн или самоходная косилка, вместе обсудить, как не упустить урожай в дождливое лето... Все они, большей частью местные, фировские, много лет знали друг друга. В районе десятилетиями растили свои кадры, шаг за шагом подвигая вперёд специалистов — дельных, грамотных, способных повести за собой людей.

Был среди них и председатель колхоза «Восход» Виктор Павлович Кузнецов.

ОБВАЛ

В среднем течении Цны, кроме деревни Жуково, есть ещё одно приметное селение — Дубровка, собравшая вокруг себя деревеньки поменьше: Ломаки, Теляково, Шемелинка, Погорелое...

Сюда, в отцовский дом, и вернулся уже семейным, после учебы в сельхозтехникуме, службы в армии механик Кузнецов, двадцати трёх лет отроду. Техникум Виктор Павлович закончил в семьдесят втором, потом, как положено, армия, срочная служба, и после неё с женой-агрономом, Татьяной Николаевной, вернулся на малую родину. За годы учёбы, службы в армии колхоз «Восход» стал в Фировском районе заметным механизированным сельхозпредприятием. Сорок шесть тракторов, двадцать пять грузовых машин, восемь зерноуборочных комбайнов, льноагрегаты, косилки, погрузчики... Имелась своя ремонтная база: механический цех со станками, стендами, другим оборудованием. Главная сила хозяйства — отряд механизаторов, больше сотни человек. А ведь сравнительно недавно лён сеяли вручную, из лукошка, сорняки выпалывали, выдёргивали осот, снопы ставили в бабки, выбивали семена колотушками. Машины со сложной оснасткой взяли на себя крестьянский труд.

Жизненная стезя, судьба человека нередко определяются одним решением. Не раз вспоминал Виктор Павлович тот майский день, когда шёл он из Погорелого в Дубровку по знакомой дороге, среди разом зазеленевших полей. Утром Евдокия Андреевна, покидая дом на весь день, сказала: «Сынок, после школы нарви травы поросёнку, а вечером приходи в Дубровку, в правление. Василий Степанович зовёт».

Перелески оделись новой листвой, полевая зелень устремилась к весеннему теплу. Ощущение радости будущей жизни разрасталось, как этот зазеленевший мир.

Снегов, отпустив народ, позвал в кабинет Евдокию Андреевну с сыном. «Сдал экзамены?» «Послезавтра последний». «И что дальше?» «Учиться хочу в девятом». Председатель смотрел на эти, ещё детские руки, неокрепшие плечи. А взгляд не ребячий, серьёзный, внимательный. «Вас у матери пятеро. Отец болеет... Давай, Витя, в Сахаровский техникум, через четыре года будешь механиком». Евдокия Андреевна не вмешивалась в мужской разговор. «Подумай. По-взрослому подумай. Мы в четырнадцать лет в единоличниках уже становились на хозяйство... А захочешь в институт, инженером, поступишь на заочное». «Так у нас и техники настоящей нет, всё старое, разбитое». «Да, верно, изношенное. Но лет через пять, к твоему выпуску, знаешь, сколько будет у нас тракторов, комбайнов? Газеты читаешь? Сколько заводов строится, автомобильных, тракторных. Техника заменит ручной труд. Фермы механизуем, по стране в передовых хозяйствах уже немало таких. А дальше — комплексы... Дойдёт черёд до дорог, пустим автобусы. Электричество скоро подведут от

единых сетей. Механизатор, техник, инженер станут главными в хозяйстве. Нам нужны свои специалисты, которые выросли здесь».

Возвращались с мамой вдвоём. Всё те же знакомые, зеленющие поля, а на душе тревожно. Неужели скоро придётся уезжать? «Мама, я не смогу жить в общежитии...» «Нам, сынок, на оборонных работах не такое испытать пришлось. Я осенью, по холоду, босиком домой прибежала, всё износилось, истрепалось. Уходили на рытьё окопов в блузках, не знали, что ждёт...»

К возвращению Кузнецова в родные места, после Снегова, поднимавшего хозяйство в послевоенные времена, возглавлял «Восход» Евгений Петрович Голубев. Бывший главный инженер колхоза «Память Ильича», Евгений Петрович имел немалый опыт земледелия, знал, как без срывов, по плану развивать все отрасли.

Механиком Виктор Павлович работал недолго — через три месяца расписался в приказе о своём назначении главным инженером. Обновление техники нарастало с каждым годом. Гусеничные трактора, колёсные, самоходные силосные комбайны, косилки. (Комбайн из ГДР до сих пор выезжает летом на дубровские поля.) Пополняли машинный парк польские подборщики сена, техника из Чехословакии. Когда Кузнецов уходил в техникум, льноводство было трудоёмкой отраслью, даже подростков-школьников привлекали изгонять с полей колючий осот. Шли годы, всё больше становилось специальных машин отечественного производства. Умные агрегаты мяли тресту, сортировали длинные и короткие волокна. На подходе были отечественные льнокомбайны. Льняное волокно везли из Дубровки на прядильно-ткацкие предприятия Вышнего Волочка. Евдокия Андреевна Кузнецова в те годы, выполнив два плана по сдаче волокна, была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Сельское хозяйство становилось промышленной отраслью экономики. Ещё в шестидесятые «Восход», объединявший пятнадцать деревень, в тринадцати из них имел небольшие фермы. Через два десятилетия животноводство стало таким, о котором рассказывал школьнику Кузнецову председатель Снегов. Крупные механизированные фермы хозяйственным способом возвели в Погорелом, Деревях, Дубровке, Телякове. Строили с учётом крестьянского опыта — не бетонные холодные коробки, где бурёнки мёрзли, не давали «большого» молока. Из кирпича ставили только опорные столбы, между ними древесная забивка, надёжно сохранявшая тепло. Автопоилки, раздача корма, доильные установки, механи-

ческая транспортировка навоза... Комплексная механизация принесла облегчение женским рукам. Работницы стали операторами доения современного производства.

Продолжалось сокращение ручного труда в льноводстве. Всё взяла в свои «руки» техника: вспашка, посев, внесение удобрений, междурядовая обработка, терепление, карусельные сушилки вместо пожароопасных печей. Старинная профессия сушильщика тресты переместилась из трудовых будней в историю льноводства.

Заметно поднялся уровень жизни селян: в домах, как в городских квартирах, появились телевизоры, холодильники, стиральные машины, больше стало легковых автомобилей. В свободной продаже бытовой техники, мотоциклов, автомобилей не хватало, приобретали их через заготовительные конторы, принимавшие ягоды, грибы, кору ивы — бреду. Кооперация почти в каждой деревне имела магазин.

Е.П. Голубева в 1986 году взяли с повышением «в район», руковоить сельхозуправлением. Виктор Павлович Кузнецов стал председателем «Восхода».

В Фировском районе, как и по всей Калининской области, в то время повсюду строили школы-восьмилетки вместо старых, отслуживших свой срок. Достраивать новую школу в Дубровке пришлось новому председателю. Строительных материалов, при повсеместном возведении социальных и производственных объектов, часто не хватало. Благодаря взаимной выручке хозяйственников, Виктор Павлович достал пятьсот листов шифера на крышу, и Первый звонок в новой школе раздался, как положено, в начале сентября. Через год в Дубровской восьмилетке открылся компьютерный класс, один из первых в Фировском районе.

Одновременно с фермами, складами, хранилищами велось строительство семейных коттеджей. Все, подававшие заявления, вскоре получали новое жильё. Зарплата руководителей среднего звена, главных специалистов поднялась до трёхсот рублей, при успешном выполнении плана, в конце года, начислялись премиальные. Колхозы в то время направляли выпускников школ, как своих стипендиатов, учиться на ветврачей, зоотехников, инженеров. Поехали в Калинин Алексей Кудряшов, Наталья Даркина...

В середине восьмидесятых началось горбачёвское «обновление» социализма. Специальный «закрытый» сектор ЦК шлифовал заготовки для многомиллионных изданий, телевизионных передач, подводящих народ к мысли, что «так жить дальше невозможно». Оркестр «перестройщиков» гремел о нерентабельности, разорительности коллективного хо-

зяйствования. Только он, единоличник, названный фермером, работая с зари до темна «на себя», сможет быстро создать изобилие. Не упоминалось только, что для запуска одного такого современного хозяйства, при его постоянной дальнейшей поддержке, потребуется более 70 тысяч долларов. Да и сама фигура фермера-единоличника — призрак столетней давности. Промышленное производство продовольствия на Западе в государственных масштабах осуществляется на автоматизированных, с программным обеспечением, сельхозпредприятиях корпораций и холдингов, чья деятельность входит в круг национальной безопасности страны. В американском молочном животноводстве, к примеру, рентабельность возможна только на автоматизированных комплексах с численностью коров от восьми тысяч до ста. В свиноводческой отрасли счёт идёт на порядок выше.

Кто теперь помнит, что пятым пунктом горбачёвско-яковлевских «де» была «деколлективизация», т.е. легальное уничтожение колхозов и совхозов, основы продовольственного обеспечения страны. Программа гарвардских «советников» выполнялась неукоснительно. Позже, в девяностые, этими же «советниками» была разработана программа «Стратегия реформ в продовольственном и аграрном секторе экономики бывшего СССР. Программа мероприятий на переходной период». Эти «мероприятия» вводили, встраивали Россию в мировое хозяйство на правах колониального сырьевого придатка.

Установленный сверху диспаритет цен — дороговизна промышленных товаров, техники, энергоносителей и грошовые закупочные цены на сельхозпродукцию, рубили под корень экономику села. Но сельское хозяйство страны, механизированное, оснащённое достаточным парком техники, обеспеченное высокообразованными специалистами, имело немалый запас прочности. В январе 1989 года колхозы «Память Ильича», «Восход», «Цна», совхозы «Фировский», «Шлинский» практически выполняли план не только по молоку, но и по другим видам продукции. Общественное молочное стадо было сохранено полностью, насчитывало оно более десяти тысяч голов. И это после четырёх лет «перестройки», с её целенаправленной деятельностью по дискредитации, уничтожению коллективных хозяйств.

В девяностые начался обвал. По программе всё тех же океанских наставников «Приватизация земли и реорганизация сельскохозяйственных предприятий в России» («Нижегородская модель») был издан Федеральный закон, нацеленный на разгон колхозов и совхозов, раздел земли на частные доли и имущественные паи для рыночного оборота.

Наиболее жизнестойкие хозяйства — «Память Ильича», «Восход», «Шлинский» — держались до последнего, переевля технику, фермы, тока и другое имущество в неделимый фонд. Но весь ход реставрации капитализма был направлен на ликвидацию коллективного крестьянского хозяйствования. Молокозавод тянул с платежами и в середине девяностых обанкротился. Часть оборудования «Восход» приобрёл для своего филиала, который действовал в Дубровке. Пробовали делать у себя сыр. Да мало ли что пробовали! Хозяйству были должны льнозавод, мясокомбинат... После разгрома животноводства остались в «Восходе» небольшие скотные дворы в Погорелом, Деревях — сотни полторы бурёнок. Молоко стали возить в Вышний Волочёк. Все восемь бывших молокозаводов Фировского района значатся теперь только в старом телефонном справочнике, ставшем поминальной книгой.

С гибелью хозяйств, за неимением работы, опустели, обезлюдели десятки деревень. Пухтина Гора, Лядины, Ломаки, Шемилинка, Градобить... Нет им числа! Участь исчезнувших фировских колхозов и совхозов постигла и знаменитый стекольный завод «Великий Октябрь». Предприятие с полуторавековой историей, эвакуированное в сорок первом и возвращённое домой в сорок четвёртом, по выпуску стеклотары, листового оконного стекла занимало в СССР ведущее место. После ельцинских «реформ» новые владельцы завода пытались запустить производство в деловой связке с китайцами. Поторопились построить для китайских специалистов жилой городок, да что-то не поладили... Возвышается над заброшенными цехами далеко видная заводская труба, не зовёт на очередную смену гудок. Более тысячи техников, инженеров, рабочих распрощались со своей стекольной профессией. На страницах районной газеты тридцатилетней давности остались «перестроечные» фантазии тогдашнего руководства завода о «коренном переоснащении производства, расширении самостоятельности вплоть до выхода на прямые связи с зарубежными фирмами». Возлагались надежды на западных немцев, будущих партнёров...

В знаменитом некогда колхозе-миллионере «Память Ильича», получившем раньше других артелей государственный акт «на вечное пользование землёй», где председательствовали такие талантливые хозяйственники, как Евграф Матвеевич Бойков, Алексей Сергеевич Муравьёв, случилась и вовсе экзотическая история. Уже в новом, двадцать первом веке, разорённый, существующий только на бумаге сельхозкооператив, вознамерился поднять «Француз», некто Миха-

ил П., деятель с современной биографией. Переселенец из Узбекистана, в девяностые занимался «бизнесом» в Нижнем Новгороде во времена губернаторства Б. Немцова. Вояжи в Европу, Америку, снова в Европу, на этот раз во Францию, где по словам самого «менеджера», строил жильё для американских военнослужащих. Уголовное дело по поводу гибели жены, тюрьма, суды, пересуды, освобождение, возвращение в Россию, в тверской край. На руинах некогда знаменитого колхоза создаётся маленькое хозяйство «Каменная долина». В головах нынешних чиновников всё ещё витают туманы гайдаровских времён: некий менеджер-пришелец, современный Чичиков, владеющий бойким пером сочинения бизнес-планов, создаст в одночасье и молочные реки, и творожные берега. Под эти мечтания, бывает, и выдаются кредиты. Тверские телевизионщики не упустили такую экзотику. И сегодня в архивах интернета можно увидеть, как ковбой-фермер, привстав на стременах, гарцует на фоне бывшего колхозного трактора. Вот он, долгожданный фермер-кормилец, тот самый хуторянин-единоличник. За фиктивную сдачу несуществующего молока «Француз» отправлен в колонию на правёж, хотя сумма кредита по нынешним коррупционным масштабам, прямо сказать, без размаха...

Атрибуты хозяйствования государственных крестьян, которые преобладали издавна в этой местности, столыпинских хуторян начала двадцатого века, коммунаров двадцатых годов, колхозников, совхозных тружеников последующих десятилетий, можно увидеть в Фировском краеведческом музее. Почётные грамоты, вымпелы, боевые и трудовые награды хранятся в семьях потомков тех, кто приложил немало сил для преобразования жизни родного края. Виктор Михайлович Прокофьев, сын бывшего директора совхоза «Новоселье» Михаила Кирилловича Прокофьева, хранит дома, в Сосновке, Почётное знамя, вручённое некогда хозяйству за высокие показатели, часть архива хозяйства, дневник-летопись, который вёл не один год отец-фронтовик... В книге очерков писателя Василия Семёнова, среди фотографий известных фировцев, есть снимок — вручение в 1984 году колхозу «Память Ильича» Почётного знамени Совмина РСФСР и ЦК профсоюзов за высокие достижения в сельском хозяйстве. Принимали знамя председатель-фронтовик Алексей Сергеевич Муравьёв и агроном, секретарь парткома Татьяна Фёдоровна Ерёменкова.

Здесь же, в родной Сосновке, на берегу Цны, живёт Анатолий Николаевич Павлов. Отсюда, с должности механика совхоза «Новоселье», летом семьдесят седьмого был он на-

значен главным инженером соседнего совхоза «Фировский», а вскоре стал его директором. Пришлось ему выводить из прорыва запущенное хозяйство, подтягивать до линейки рентабельных сельхозпредприятий. К началу девяностых судьба совхоза «Фировский», как и совхоза-откормочника «Новоселье», была предreshена. За крайними дворами Сосновки зарастают березняком и ольшаником двести гектаров некогда «окультуренных» неудобий, с дренажными, погребёнными навсегда керамическими трубками-артериями. На распаханной нови давали здесь хороший урожай и ячмень, и овёс...

Дома культуры, школы, медицинские учреждения, детские сады, магазины, быткомбинаты, построенные в основном в годы «застоя», остались в Фировском поречье памятниками той эпохи с её удивительными людьми, сумевшими поднять село из послевоенной разрухи, бедности. И не их вина, живших по законам совести, справедливости, что тридцатилетнее разорение всё ещё прирастает за годом год.

«...И ДА БУДЕТ НА НЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

Многие поселения Фировской округи, большие и малые, не один век поила-кормила «голубка Цна». Направляясь в Дубровку, центральную усадьбу некогда известного колхоза «Восход», захали мы в Шемелинку, родную деревеньку тверского писателя Василия Николаевича Семёнова. Фамилии Семёновы, Степановы, Балыевы, Егоровы самые распространенные среди потомков переселенцев-карел. Стан, Трестино, Шемелинка, Пухтина Гора, Жуково, Дубровка, Покровское... Совсем опустевшие селения и ещё хранящие надежду на возрождение навешают на своём пути от Валдайских отрогов до Мстинского водохранилища речка Цна. Некогда плотогонная, рыболовная, младшая сестрёнка Волги.

— Переедем по мостку Шемелинский ручей и сразу на взгорок, — пояснил Василий Николаевич, когда машина скатилась под уклон к ручью, притоку Цны.

По склону, мимо остова часовенки, сгоревшей в годы запустения, выехали мы на поляну. Здесь и установлен знак в память о недавно ещё живой деревне, родовом гнезде Балыевых, Субботиных, Уткиных, Егоровых, Семёновых... Отсюда, в июне сорок первого, не завершив сенокоса, уходили они бродом через Цну на Пухтину Гору и дальше, просёлком, в Фирово.

Зарастают березняком, ольхой, осинником бывшие льняные, ржаные, овсяные поля, поднимаются из глубин зади-

чавшей земли посланцы ледниковой эпохи. Множатся камни-памятники — и здесь, в Шемелинке, и в некогда крупном поселении эстонских крестьян Нурмекунде, и в других опустевших деревнях Валдайской возвышенности. После статей Василия Николаевича в местной газете «Коммунар», в областных тверских изданиях потянулись бывшие шемелинцы к реке своего детства. Общим трудом, миром подровняли, подсыпали поляну, установили заготовленный знак, и теперь в конце лета с внуками, правнуками собираются вместе. В деревнях, как водилось раньше, все друг другу если не ближняя, то дальняя родня.

Встретила нас в Шемелинке, бывшей бригаде колхоза «Восход», одна-единственная жительница, Антонина Ивановна Горбунова, дочь участника Парада победителей июня сорок пятого. Благодаря Антонине Ивановне значится деревня в реестре «живых» поселений, потом спишут, как ветхий, непригодный инвентарь. После ликвидации колхозов и совхозов по гарвардскому проекту с карты страны исчезли тридцать тысяч шемелинок и более крупных поселений. Загадочный ельцинский «фермер», символ повернувшей назад в капитализм России, так и не появился на шемелинских полях. Как живёт Антонина Ивановна? Два раза в неделю автолавка заворачивает сюда и в Пухтину Гору, на левом берегу Цны. Хлеб, бакалея, мелкий, как говорили раньше, «колониальный товар» — в самый раз на прожиточный минимум пенсионера.

Василий Николаевич повествует о местной достопримечательности.

— Орех этот сажением привёз с Русско-японской войны Егор Егоров, отец будущего председателя нашего колхоза «Первое Мая». Андрей Егорович, родственник наш, как и мой дед Василий Фёдорович Субботин, воевал с германцем. Георгиевский кавалер. Оба потеряли сыновей в Великую Отечественную...

Манчжурский орех-переселенец, вековой свидетель местных торжеств, праздников и печалей, слушает рассказ шемелинского летописца Семёнова. Могучее древо ещё в силе, приносит осенью, как положено, плоды. Орехи не из тех, которые можно один о другой раздавить в кулаке. Ядро в железной скорлупе, только нет теперь мальцов с камнями, молотками.

Деревеньки, вроде Шемелинки, появились в тверских лесах более трёхсот лет назад во времена шведского нашествия. По Столбовскому договору шведы вернули Московии Новгород и новгородские земли, которые чужеземцы успели пе-

реименовать в некую Ингерманландию, отрезав себе большую часть Карелии. Более ста пятидесяти тысяч православных карел не пожелали остаться под шведами — пришлось царю Московии расселять их на Северо-Западе, в основном в тверских, новгородских, псковских краях. Тогда и появились в Верхневолжье поселения карел. Выделены были им земли и в Осташковском уезде.

Некоторые поселения укрупнились, стали волостными центрами, как Пухтина Гора на берегу Цны. Здесь пролегал старинный тракт, соединявший по указу Екатерины Великой Осташков и Вышний Волочёк. В советские годы в Пухтиной Горе был сельсовет, лавка, правление колхоза и школа-семилетка, где учились шемелинские дети.

В тридцатые годы, перед войной, когда наладилась артельная жизнь, было в Шемелинке двадцать девять изб с сотней жителей, считая и малышей. Кузница, две мастерские для ремонта инвентаря, конно-механизированный ток, машинальномялка, скотный двор, конюшня с двумя десятками «тягловой силы», амбары, сараи, гумна... Сеяли, жали, выходили на покосы, растили лён, готовили к зимовке скот. Кроме лугов и пашни колхоз имел надел леса для строительства ферм, мастерских, жилья. За десять лет коллективного труда даже такие малые хозяйства, как «Первое Мая», показали, что можно иметь надёжный прожиток и на здешних малосильных, подзолистых землях, не отправляться, как в старину, в отход. Повсеместно начиналась механизация сельского труда, подрастала смена...

Длинная рука войны выбрала крестьянскую силу. В тридцатые средний возраст жителей СССР был сорок два года, в конце войны — сорок семь. За четыре года страна состарилась на пять лет. Из Фировского района, имевшего тогда двадцать пять тысяч населения, ушёл на фронт каждый пятый. Не вернулись домой более трёх тысяч. Из двадцати восьми шемелинских призывников остались на полях сражений более половины. Защищая Ленинград, погиб сапёр Яков Васильевич Субботин, воспитатель и друг Васятки Семёнова, с малолетства оставшегося без отца. Дом Балуевых покинули трое. Погиб младший, Алексей, лучший шемелинский севец, следом похоронка на брата. Серые конверты Фировского военкомата легли на стол в избах Егоровых, Горбуновых, Смирновых, Леоновых, Уткиных, Журавлёвых, Каплуновых... Незваной гостьей навсегда поселилось здесь горе.

Израненная, поредевшая, лишённая мужских рук, как многие сёстры-деревни, выбивалась Шемелинка из нужды, разрухи. Не имея и половины довоенного «лошадиного пар-

ка», впрягали в плуги, бороны немного обученных бычков-воликов, непослушных стригунков. Привлекая детей, подростков к труду, помнили и о завтрашнем дне. В декабре сорок первого в Калининe, первом освобождённом областном центре Отечественной войны, после пуска электростанции, пекарни, сразу же в самом городе и окрестных деревнях и посёлках открыли школы. В прифронтовой полосе начались занятия.

Новая техника не могла так быстро появиться в деревне. Предстояло восстановить разрушенные заводы, построить объекты, намеченные на третью, незавершённую пятилетку. В сорок третьем, когда значительная часть области находилась ещё в оккупации, рабочие рыли котлованы, заливали фундамент будущих цехов Торжокского машиностроительного завода. Спустя полтора года новое предприятие уже выпускало косилки, подборщики, льноуборочную технику.

Механизация сельского труда убеждала в необходимости объединения мелких артелей — в Фировском районе в пятидесятые годы их насчитывалось более сотни. Передовые технологии, энергоёмкую технику с полной отдачей можно было использовать только в крупных специализированных хозяйствах. Одновременно с широким применением машин в полеводстве, началась механизация ферм. Животноводство всегда считалось трудоёмкой отраслью экономики. С появлением на фермах кормораздаточной, уборочной техники, доильных, холодильных установок, с укреплением ремонтной базы повысился интерес молодёжи к сельскому труду. Отслужив срочную службу, всё больше парней возвращалось домой. Получали жильё, обзаводились семьями, некоторые поступали на заочные отделения техникумов, институтов. Вслед за первыми агрофирмами семидесятых годов, передовыми сельхозпредприятиями, такими как «Память Ильича», «Восход», «Новоселье», «Шлинский» поднимались на новую ступень и небольшие хозяйства. В Шемелинке, присоединённой к колхозу «Восход» на правах бригады, к выращиванию зерновых, льна, прибавилось кролиководство...

Встреча в Погорелом, потом в Дубровке, где прежде располагалась центральная усадьба «Восхода», а теперь «существует» осколок-кооператив, проходила в здании клуба, построенного в советские времена. На встречу с жителями деревень приехали депутат Тверской областной думы, руководитель фракции КПРФ Людмила Фёдоровна Воробьёва и кандидат в депутаты Государственной Думы на досрочных выборах по Верхневолжскому округу Вадим Георгиевич Соловьёв. В восьмидесятые годы, когда к «Восходу» присоеди-

нили мелкие артели вроде шемелинской, Дубровка была многолюдным поселением. Здесь, в центре многоотраслевого хозяйства с десятками тракторов, комбайнов, другой сельхозтехники, имелось всё для труда, отдыха, учёбы. Сельский клуб, амбулатория, детский сад, почтовое отделение. В школе-восьмилетке, с помощью молодого руководителя хозяйства В.П. Кузнецова, открылся компьютерный класс. Отлаженная система начального профессионального образования, возможность заочной учёбы в техникумах и вузах сельскохозяйственного профиля, служили закреплению молодёжи на селе. В те годы в сельских школах родился почин: «Всем классом остаёмся в родном селе». Небольшие артели, как Шемелинка, став бригадами, обеспечивали работой жителей, давали возможность получать не меньше, чем в райцентре или в областном Калининe.

Капитализму на российской земле оказались не нужны ни старые, ни молодые селяне. Стойкость таких руководителей советской закалки, как Виктор Павлович Кузнецов, их отчаянные усилия сберечь нажитое многолетним народным трудом, сохранить производство, единственный источник существования оставшихся работников и их семей, позволили «Восходу» продержаться дольше других хозяйств. Но бесконечный рост цен на ГСМ, дороговизна запчастей для стареющей техники, копеечные субсидии, банкротство перерабатывающих производств, подталкивали хозяйство к последней черте. Ещё в девяностые годы два колхозных молоковоза доставляли на переработку ежедневно свежее молоко. Теперь возят в неблизкий Торжок всего лишь тридцать центнеров через день. Из двенадцати ферм остались две. Десяток деревень лишились «производственной базы» — ползучий, малозаметный сгон с земли. Всё идёт своим чередом. По сообщениям СМИ, бывшая дама-министр российского земледелия, по профессии медработник, сделав законный гешефт на лизинге агротехники, воспитывает своих чад во Франции. Недавний хранитель державной казны, министр финансов, наделённый немалой властью, не единожды горевал по поводу разорительных расходов на поддержку убыточного существования сельского населения. По его мнению, для оздоровления бюджета неплохо бы сократить и сельское население, и статью расходов на треть. В самом деле, какой прок от этих Дубровок, Шемелинок, Ракитней... «Трубе» всё равно по какой местности держать свой путь на Запад или Восток.

— Моя мать, когда я учился в техникуме, за двойной план по льну получила награду, орден Трудового Красного Знаме-

ни, доярка Леонида Густавовна Каасък, из соседнего хозяйства, была удостоена ордена Ленина, — вспоминает Виктор Павлович Кузнецов. — Труд был в почёте, так воспитывали детей...

В советские времена на встречах с депутатами обычно ругали бытовое обслуживание, торговлю, спрашивали, почему в сельмаге нет школьной формы, того или иного товара. Теперь в молчании собравшихся таился один вопрос: что будет с нами дальше?

По разному хранится память в городах-муравейниках и сельских «весьях». Прожив двадцать лет бок о бок на одной лестничной площадке, горожане толком не знают, кто там за стеной заехал-выехал, кого унесли санитары на носилках. Сельское житьё-бытьё надёжнее хранится в народной памяти, перетекая в устные сказания, местные былины.

Помнят фировцы, как в последнее воскресное утро июня сорок первого на зелёной поляне в ближнем Жолобовском лесу, мерились силой гордость табора Фрол Петушенко, в галифе, хромовых сапогах, и молодой местный силач Женя Шахов, отпущенный накануне вечером домой из воинского эшелона, следовавшего на Запад. Не суждено было вернуться с войны, к своей жолобовской зазнобе, Фролу Петушенко. А Евгению Ивановичу предстоял путь отступления от западных границ до Сталинграда и снова километр за километром по своей и чужой земле — к позициям последних берлинских залпов. Вернулся домой, вопреки похоронке, к мельнику папаше Карлу его сын, Мартын Лукенберг, остался жив Пётр Алексеевич Романов, посылавший с другого берега Цны Евдокии Степановне последний наказ: беречь детей и их заветный дубок. Дождался счастливого дня конь Храбрый, однажды впряжённый коренником в тройку с дугой, украшенной красными лентами и бубенцами, — стрелой помчался через фировские деревни в военкомат с новобранцем-парнишкой послевоенного призыва. Живёт в тверских былях память о святом праведнике Ниле Столобенском, святой добротливой княгине Иулиании, супруге благоверного князя Симеона Мстиславовича, о многих подвижниках, талантливых самородках, гидростроителях, изобретателях, прославивших торжокские, валдайские земли. Не забыты имена сестры милосердия, участницы Крымской, Русско-турецкой войн, врачевательницы крестьян Торжокского уезда Екатерины Михайловны Бакуниной, талантливого инженера, одного из строителей Транссиба, впоследствии министра Путь сообщения империи, «князя-машиниста» Михаила Ивановича Хилкова. Не затерялись в океане дней добрые дела

земского доктора из села Рождество Ивана Григорьевича Чернявского, народных учителей Николая Ивановича и Елены Михайловны Галаховых, руководителей первых коммун, колхозов, совхозов — Кудряшова, Семёнова, Бойкова, Егорова, Булыгина, Муравьёва, Прокофьева, Павлова, Кузнецова...

Ближе к полночи туманы августа скатываются с Пухтиной Горы, накрывают неслышно бегущие воды Цны, окрестные поля, вётлы, ракиты, и только макушка манчжурского ореха возвышается над белесым разливом. Не перекликаются ржанием стреноженные кони, отпущенные на ночной выпас, не шуршит галька под сапогами запозднившегося в райцентре председателя Андрея Егоровича, не млеют на Малом Польце, под августовскими росами, на прогретой земле, обколоченные снопики льна. На волнах тумана плывёт голос повидавшего много заморских чудес Офонаса, сына Никитина, всеми силами стремившегося с чужбины домой: *«Русская земля да будет Богом хранима. На этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной, и да будет на ней справедливость»*.

Тишина властвует над лесным краем, некошеными, загустевшими, обречёнными на осенние дожди травами, над скатами тесовых крыш брошенных домов. Нарастает вдруг издали шум маловагонного поезда. Грохочущий шатунами паровоз, выведенный из резервного парка для услады туристов, летит в Осташков, на Селигер. Спящий край оглашается внезапным, режущим слух паровозным криком.

Не сразу, не в один час и год, через гибельную пробоину вытекла былая сила. Тяжёлый, сродни обмороку, сон придал древний край.

Не проспи, Русь, свою Жар-птицу!

Фирово — Шемелинка — Дубровка — Санкт-Петербург

РАССКАЗЫ

ТЫЛОВИК

За деревней грудились тяжёлые мрачные тучи, закрывая вечернюю зарю, как дым, и можно было представить, что далеко там, на закате, сгорела земля, и теперь её угли исходят чадом. Об этом, наверно, и подумала старая Авдотья, потому что, согнутая временем и вечно в своём чёрном одеянии похожая на монашку, она так и сказала:

— Земля-то, поди, в уголь превратилась — сколь её палят...

— А ты видела, сколь её ента... Ай нет?

Дед Мушкет остренько, с любопытством смотрел из-под встрёпанной козьей шапки куда-то туда, за деревню, за лес, в гущу тёмных туч, словно увидел в них что-то интересное, может, даже и важное, а вопрос Авдотье задал просто так — можно и не отвечать. Да не монашеский нрав у Авдотьи, чтобы её вот так, при людях, хотя и при бабах, обхихикивали.

— У меня там внук и сын лбы подставляют! — взвилась она со скамьи, превращаясь в чёрную птицу, реющую над тщедушным дедом, прозванным за это самое почему-то Мушкетом. — Я вот этим вижу, как

ПРОЗА

там палют! — стукнула она сухоньким кулачишкой по сухонькой груди.

Молодая, красивая, незамужняя, но беременная Настасья, рассыпав подсолнушки с ладони, опасно потянула Авдотью за подол:

— Посовестись, баба: твои-то живы, а он уже похоронку получил на сына, на Семёна-то.

И Авдотья словно крылья опустила.

Некоторое время бабы сидели молча на скамье подле мушкетовой избы, трещали подсолнушками. Не так далеко, у соседней деревни, возле забитого ржавыми гвоздями колхозного клуба, как всегда, запели девушки — хоть часы по ним проверяй. Пели они без гармониста, Авдотьиного внука. Да и Ольги среди них почему-то не слышать, подумалось деду, потому и не шибко дружно у них получается, хоша эта новая песня и душевная, и по делу составленная — про огонёк на окошке, который не погаснет до конца войны. А как же? Пока тот боец Гитлера ни придурит — не жди его домой. С серьёзной неторопливостью дед извлёк из кармана ватника «катюшу» — агрегат для добывания огня, терпужком высек искру из кремешка, подул на задымившуюся ватку и раскурил трубку. А трубка — маленькая голова человеческая с острой бородкой и хитрым недобрым взглядом. Он всё берёт эту трубку — память добрая, а сегодня ему ни с того ни с сего вдруг захотелось из неё посмотреть. Едучая смесь махорки с сухими крошеными листьями черёмухи трещала и шипела, как сырая осина в печке. Могучий белый дым обволакивал баб.

— Тьфу! Провались ты пропадом, — не выдержала Авдотья. — Дымишь как тот паровоз.

— А и можа... — стал раздумывать Мушкет. — Их-то таперя ента... Чай дровами топят: Донбасс-то под Гитлером.

— Оссподи, я не про Донбасс, я про то, чтобы ты травил сам себя, а не всё обчество.

— Обчество, — усмехнулся дед. — Скамейка моя. Я вас ента... Что ли, приглашаю сюды кажный вечер?

— Нету в тебе, Мушкет, молодого соображения, — зачастила красивая Настасья, озорно посверкивая глазами. — Ты у нас на всю деревню, почитай, один мужик и есть, ежли огольцов во внимание не брать, а бабу сроду к мужику тянет. Ей только признаться в этом совестливость не даёт. Вот мы и ходим к тебе, как к кавалеру на свиданку.

Дед перевёл взгляд с далёких облаков на сидящую рядом Настасью, посмотрел, будто и в ней нашёл что-то интересное.

— Тады терпи мужеский дух.

— Потерплю, я не Авдотья.

— Ишь, как сорока с хвостом, — косясь на её выпуклый живот, едко ответила Авдотья. — За мово Владимира не пошла... А и что, что вдовый? Зато на фронте не последний мужик. Вернётся — на тебя таку и взглянуть не взглянет. Как была необгулянной старой девой, так и останесся. Липни к Мушкету — вот и всё тебе.

— Это я-то необгулянная?

От Настасьи все слова — как от стенки горох. Посмотрела она на несостоявшуюся свекруху, как на курицу, которая вдруг выскочила из подворотни на улицу и незнамо с чего раскудаhtалась, и — Мушкету:

— И чего это она тебя из мужиков вычеркнула? Ты скамейку подоле сработал бы, а то бабы, которы женщины ещё, подходят и подходят, а сесть уже некуда.

— А что им, бабам-то делать? — вздохнула соседка Татьяна Неводова, тонкая бледнолицая женщина, на вид, да и в самом деле, строгая и не говорящая лишнего. — Мужиков и вправду — метлой по деревне — ни одного не выметешь. Кормить стало некого. Ребятам подзатыльники роздали — и куды хошь... Вот хоть к Мушкету — как в клуб.

— Дед, а дед, — продолжала Настасья сыпать своё, — трубка у тебя больно занятная. До войны у нас таких не встречалось. Трофейная или сам сработал?

— Неужли! Для ентова у меня руки не тем концом вставлены. Вот как газет не стало и самокрутки, значит, ента... Тут мне Петруха Смолин её и сработал.

— Петька?

Имя это произнесли сразу несколько женщин, и потому оно прошелестело, как ветер в лесных вершинах.

— Ага, — снова дед Мушкет стал интересоваться чем-то в далёких облаках, но разговора не прервал. — Он её из ента... Из южного дерева бука вырезал.

— Мастер... Кто бы подумал! А кого ж он это изобразил? Уж не тебя ли?

Дед окинул трубку оценивающим взглядом, потеревил свою бородёнку, напоминающую бросовую кудельку, и сделал заключение:

— Не-е, куды мне? Ентова образина Фе... Фе... Тьфу ты!.. Фе-мис-толь называется — вот так. Петруха говорит, что умная голова была — самого главного профессора фрицовского круг пальца обвела. Ён... Петруха то ись, грит: ты, дедушка, из еттовой головы ента... И ума набирайся.

— И-ех, голова твоя козья, а не только шапка, — закивала осуждающе Авдотья. — Он, Петька-то, табачищем тебе её задуривал, а сам к твоей внучке Ольге приклеивался.

— Енто само собой, — обезоружил старик Авдотью откровенным признанием. Она враз онемела, да и бабы притихли, а дед возьми да и кинь соломки на тлеющие угольки:

— А что? Он мужик на полном сурьёзе.

Бабы раскудахтались. Залпом, если сказать по-военному. Не поймёшь, кто про что. Дед вжал голову в плечи, и со стороны казалось, что на тощих плечах его лежит лохматая сивая шапка просто так — без головы внутри. Постепенно гвалт сник, остались отдельные выступающие. Особенно стремилась высказать наболевшее толстенная, несмотря на голодную военную пору, Александра Хвостова, чья усадьба единственная в деревне обнесена слепым дощатым забором, из-за которого она редко показывалась.

— Расхвалил будущего зятя! Фулиган он — все знают. Летошь кто обтрусил у нас все яблони да яблоки по деревне разбросал на потеху ребятишкам-озорникам? Петька! Он! Кто ещё?

— Так у вас же собака как медведь, Шура, — донеслись чьи-то неуверенные слова.

— А его каждая собака знат! — не растерялась Хвостова. — Так ты, Мушкет, чего язык-то прищемил?

— А что говорить-ту? Было дело. Я у твоего Якова на опохмелку испросил, а возратить не враз ента... Дык он за это у нас яблоньку молоду подпилит... Ты, Шурка, ента... Он подпилит, всяк знат: во всей деревне никто сроду такое не придумат. А она, яблонька-то, виноватая? Выходит, значит, что Петруха по-божески ента... Яблоня — она яблонева, а яблоки — они наши, человечески.

— Всё одно — фулиган.

— И вправду, неча, Мушкет, зятяка выгораживать. То ли мы ево не знам? Мало что про деревню, в школе он чего вытворял?

— Ты, Авдотья, ента... Школу не трог. Петруха не последний ученик. А как бы не во первых, ежли б не ента, как её, дисциплина, по-военному.

— Вот-вот — дисциплина, поведение то есть, — показала свою грамотность Авдотья, — сколько раз Елизавету к директору вызывали? Замучилась баба.

— Замучаешься без отца сына рóстить. А она ещё и сердцем маялась после отца-то, — завздыхал кто-то.

— Топеря все без отцов растут, — не совсем кстати высказалась Авдотья. — Война ребятишкам мозги-то вправляет... Так про что я? Ага. Остатний раз за что её к директору-то?

— Так он учителю в чернильницу пистон подложил! — Настасья обвела собравшихся круглыми глазами, точно внезапной новостью огорошила. Только никто не охнул, потому что эту новость все давно знали.

— А ён тута не виноватый.

— Ты погляди на него! Не виноватый! Да он же сам признался!

— Признался — значит, совести хватило. А вопче-то у него тута ошибка ента... Он же этот чёртов пистон немке в чернильницу... Так чего Петруху виноватить, ежли пёрышком в пистон угодила не она, а ентот... Пифагор. Ну, что физику преподават. А Петруха на переменке, как узнал, что немка заболевши, даже вынуть спосабливался пистон-ту. Да из непроливайки кто его ента... Ему бы непроливайку енту заменить бы, да Пифагор уже в класс... Ну, опосля чернильница вдребезги, Пифагор весь в черниле. Каялся Петруха, ей-бо... И матери, и мне.

— Послушать тебя, так Петька твой сам везде страдалец. А за что он моему Гавриле под глазом фонарь подвесил? — вмешалась рослая рябая Катерина.

— А етто, чтобы он сам за тобой нечасто по деревне с ремешком ента... — попытался отшутиться дед, да его остановила Татьяна Неводова:

— Мужика твоего он за дело проучил: он Лизавету при народе похабным словом обозвал. Мужа нету — кто заступится?

— Так он пьяный был.

— Ещё хуже: пьяный своё настоящее нутро показывает.

— Так он же его на другой день побил.

— И правильно: пьяному наука впрок нейдёт... Да отцепись ты, Катерина, со своим Гаврилой. Речь о Петре зашла, а тут бабы чересчур раскипятились. Парень он бедовый, верно. Да прежде, чем судить, присмотреться следует. Если сын за мать горой — это уже не потерянный человек. А Лизавета на него никогда не жаловалась.

— Знамо, чай, дитё родное.

— Ладно, чего по мелочам воду в ступе зря толочь? Есть вопрос поважней: почему его всё-таки на фронт не берут?

— Вот, вот, — продолжала Катерина расковыривать старую обиду. — Тут, в тыловой деревне, он бедовый, а как на фронт — штаны стирки требуют.

Молча смотрел дед Мушкет всё в ту же мутную тяжёлую даль за чёрным лесом, а старухи, тоже молча, ждали его ответа... Ответил:

— А что говорить? Не берут Петруху на фронт, не берут. В армию мобилизовали, а вот на фронт не пушают. Вот етта в самую точку — что не пушают-то. Не такой Петруха, чтобы

самому от передовой ента... Зачем тады года приписывать? Ага! Може, как раз и раскопали, что он года-то себе ента... Господи, да кто их, года-то, на фронте считат? Туда как попал, так ента... Ольга вот когда-никогда прибегала от Лизаветы, письма от Петрухи чуть не наизусть рассказывала. И все они почитай за одно: «Не беспокойся обо мне, мамочка. Служу по-прежнему в глубоком тылу при кухне. Фрицы сюда не долетают. Береги своё сердце: оно у тебя одно, и ты у меня одна». Лизавете радость: не убьют Петруху в тылу-то. Ольге — тоже. Она хоть и девка, а душа всё одно бабья. А того, козьи головы, не соображают, что — позор парню. Все воюют под пулями да под бомбами, а не в тылу при кухне рожу ента... Лизавета, хоша и совестится баб, у которых мужики на передовой или как пришедши оттуда... Василий Новоторов без обеих...

— Охохохоньки... — вздохнула горестно Авдотья. — Вот живой, да не в особую-то радость Валентине — лежит безногий, самогонку глушит да песни про синий платочек — и всё тут. И есть мужик, и нету мужика...

— Ну и чёрствая душа у тебя, Авдотья.

Так Настасья сказала, а дед продолжал:

— Когда идёт по деревне, глянешь на неё — молодая она вспоминается.

И невзначай глазами вдоль порядка кинешь — сейчас её Аким появится, в гимнастёрке, в галифе с кожей. Вот, поди ж ты, всю гражданскую шашкой промахал за советскую власть, а получилось ента... И Петруха весь в него. Без дела — ни минуты. Беда, что дела-то у него, как и у Акима, — чтоб все округ него, а он в серёдке. Да куды там — сын врага народу... Можа как раз из-за отца его на передовую и не доверяют? НКВД... И где его, в каком таком тылу, почитай, год держут? Мужика серёд войны...

Это он, Мушкет, и сам пытался выяснить — ходил к Лизавете, штемпеля на Петрухиных треугольничках разглядывал. Ничего не разглядел:

«Хоша и тыл, а всё одно военная тайна. Полевая почта — и всё тут».

— ...Последнее письмо за него друг написал. Дескать, Пётр Акимыч уехал в такую командировку, отколь писем писать нельзя. Но вы, Елизавета Ивановна, не расстраивайтесь: поехал ваш сын не на запад, а на восток. Может, даже и свидеться удастся в скорости... Не обрадовалась она письму. Сто раз его перечитывала и даже нюхала зачем-то...

Взял старик в рот трубку, попридавил тлеющую траву в деревянной мефистофельской голове, попыхал невыносимо вонючим дымом и задумался.

— Ты о чём, старый? — спросила Настасья. — Досказывай.

Дед глянул на неё из-под лохматой козьей шапки, словно примеряясь, как бы половчее сказать, чтобы не обидеть молодую. Сказал:

— С того письма писем больше не было. Потускнела баба. То за сердце хваталась: почему не сам написал? То улыбалась, не таясь: скоро свидимся. Баба и есть баба — за своей кровной радостью не видит стыда на миру. Ну, приедет Петруха — как будет людям в глаза смотреть? Хоша и Валентине Новоторовой, хоша и тебе, Настасья. Проводила ты своего проезжего лейтенанта, с которым миловалась, не стыдясь никого...

— Да я, старый, сама себя забывала! — глубоко вздохнула она, запрокинув к небу улыбающееся лицо и никакого внимания не обращая на притихших, настороженных старушек. — Разве я знала, какая она, любовь, необыкновенная...

— Необыкновенна... А вот теперь от него ни слуху ни духу...

— Ну и что? Зато — я женщина. Жен-щи-на-а! Рода человеческого продолжательница...

— Продолжательница, погляди на неё! Бесстыдница и блудница...

— Блудница та, что всем и каждому, — отмахнулась Настасья от насупленной Авдотьи, как от приставучей безвредной собачонки. — А ты моего, что ли, видела? Ну да — вся деревня видела. И все знают, что твоему Володьке против него, что зачуханному козлу против кавалерийского коня... Ну есть, есть и в нашей, и в соседской деревне парни, да кто из них придёт домой с войны-то? А и придут — девок вон сколько! Да только много необузданных останется...

— Окстись, Настасья! — остановил её Мушкет. — Мой Семён тож где-то под пулями лёг. И с Петрухой чтой-то непонятное. Немного писем от него получила Лизавета — пять или шесть, ежели другово считать. А вот совсем последнее — так то не в счёт: оно казённое, в конверте и, Ольга говорит, генералом подписанное. Испугались было: а вдруг «Смертью храбрых»?

Да похоронки не генералы подписывают.

В невесёлую речь деда Мушкета толкнулся чей-то голос:

— Ты, чай, заснул, старый? Бубнишь под нос. Девки, говорю, поют, а твоей Ольги не слышать. Без неё и песня навряде блина с холодной сковородки.

Дед ещё раз потянул трубку, сплюнул длинную слюну себе под ноги.

— А она ента... К Лизавете побежала.

— Как к Лизавете? Неужли приехала уже?

— Рази она куда ездила? — спросила удивительно неосведомлённая Хвостова. Поражённая такой её отсталостью от деревенских событий, Настасья запустила речь на полную скорость:

— Ты что, родимая, с луны свалилась али под бомбёжку попала и оглохла? Она, чай, к Петьке своему ездила. В армию. Только называется, что в армию, а на самом деле совсем тут рядом — в Сызрань. Вот где он воюет — в Сызрани! Довоевался тыловик. То в школу раз за разом мать вызывали, а теперь в армию, слышно, сам генерал вызывал. Вон Мушкет только что сказал про генерала. Чего-нито и там набедокурил. Одно ясно — тыловик.

Произнесла Настасья последнее слово — как точку поставила. С кляксой. И заданным подбородком повела от лица к лицу, интересуясь впечатлением. Дед Мушкет поспешил воспользоваться паузой:

— Мож, он там в госпитале ента...

— Ага! Ента! — взвинтилась Настасья. — На кухне щами обварился! Да возьми ты мою головушку за так — снова набедокурил твой зятёк.

— То, что ты, Настя, думаешь, ещё не факт. Чего ж ты, Мушкет, молчал, что Лиза приехала?

— Я же, Татьяна, и хотел сказать, да за вами, бабами, рази ента...

— Ладно, бабы, кто как, а я думаю, надо бы навестить. Что-то она на народ не показывается, — поднялась Неводова со скамейки.

— Знамо чего, — бросила свой камешек Авдотья, — кому позориться охота? У всех мужики как мужики — лбы подставляют, а её Петька — мамочка за него отвечает.

Поворчала она, но тоже поднялась и чёрной тенью потянулась за Неводовой. Дед позыркал из-под реденьких бровей на оставшихся, почесал затылок где-то под шапкой, да и заковылял вслед.

Неярко поблёскивали окна избы Смолиных, отражая пасмурное небо. На коньке крыши глупо заливался безголосый деревянный петух. Поднялись на крыльцо — ни одна половица не скрипнула — добротнo сработано. Чем-то тяжёлым двинуло деда в душу это беззвучие — как будто не идут, а крадутся они в чужую избу. Татьяна Неводова занесла руку, чтобы постучать в дверь, подумала и, разжав кулак, тронула её. Та неслышно подалась, открывая людям настороженную, ждущую темноту. Переступили порог. Спиной к двери сидела в горнице Лизавета за столом под белой скатертью с вышив-

кой. В окна ещё проникал почти угасший прощальный свет вечера, голубя всё: и гору подушек на кровати, и скатерть на столе, и сбитые седые волосы Елизаветы. Знать, как сняла платок, так и не поправила их. Руки её, прямые и длинные, упали на скатерть, сцепили пальцы в узел, голова — на руки. Она не шевельнулась, ничего не сказала вошедшим. Только сидящая тут же за столом Ольга повела на них блестящими, как будто мокрыми глазами. На столе перед нею среди лекарственных пузырьков и коробочек лежала звезда цвета запёкшейся крови, чуть сияя светлыми лучиками. Любопытная Авдотья, почти невидимая в сумеречной полутьме избы, высунулась из-за спины Татьяны Неводовой:

— Что ль, она из Сызрани таку брошку привезла?

— Ч... чего? — шёпотом спросила Ольга.

Тёмным кривым пальцем Авдотья показала на звезду. Девушка прерывисто вздохнула, рукавом платья промокнула глаза.

— Орден это... Петин.

«ПУЛЯ КАСКУ ПРОБИВАТ...»

Два бойца стояли рядом в неглубоком мокром окопчике и, припав грудью к свежему брустверу, вприщур глядели туда, где враг. А там, похоже, творилось светопреставление: весь бугор, который капитан, ротный командир, называл высотой, — сплошь дым да пыль, да ошмётки земли. И гром оттуда, хоть тут уши затыкай.

— Прыщ она по сравнению с Жигулями, — ворчал старший, — а огрызатца, что та сучка от кобелей, прости, Господи...

— Ничо, дядь Федя! Пушкари её с грязью смешают — атаковать будет некого.

— Атаковать завсегда есть кого. В германску долбили немца не хуже, а как «Уря!», так он тебя из пулемёта тово... Поливат. Меня самово продырявил.

— А чего ж тебя, раненого, снова на фронт?

Не враз ответил Фёдор Тимофеевич, подумал, хотя времени для думок осталось с гулькин нос. Он так считал. Но ещё считал, что на серьёзный вопрос нужен серьёзный ответ. Поскрёб серую щетину на впалой щеке, примерился взглядом на мальчишку в военном ватнике.

— Так то когда было! Не инвалид, ежли литовкой день до ночи могу махать. И с трёхлинейкой в штыковую-то учён... А што старого да малого на фронт — тож понять надоть. Четвёртый год друг друга убивам, за што-пошто не понять.

— Мы — за Родину!

— И за Сталина. Замполита наслушался. Про панов, которые дерутся, слышал? Все они чужими руками воевать горазды. А мы кого убиваем? Тех, кто землю холит да народ кормит. Сиротой её, матушку, делам. Вот и получилось, что некому стало Родину спасать от Гитлера, кроме нас с тобой. Ты вот за четыре года из мальчонки в парни вышел. Самый раз за девками тово... Ухажорить.

— Поухажорил: дроля осталась.

Крякнул старый солдат, раздумчиво поковырял глинистую землю на бруствере, глянул туда, где всё ревелось и дыбилося. Сказал, не оборачивая головы:

— Ага, прибрала к рукам тебя, сосунка, вдовая молодка. Самогоном напоила да в постель уложила. Рядом с собой, горячей. Ты и тово...

— Люблю я её, а она за этого...

— Не грешит: он уже голову сложил. А ты когда её полюбить-то успел, до постели или опосля?

— Какая разница?

— Без разницы ничего не бывает: ежли до, то по любви, а ежли опосля, то по совести...

— Ротный обратно идёт... Ты каску-то надень: приказ был. Строжать будет.

— А и пусть. В шапке теплей...

Капитан тоже давно не брит, и лицо то ли голодное, то ли командир не спал давно. Каска на затылке, мокрый чуб из-под неё, как обсосанный. Губы до крови обветрены, но шевелятся:

— Приготовиться к атаке. Мой сигнал: «За Родину, за Сталина!» Вот старая гвардия! Команды не слышал? Надеть каски! Война кончается, а ты голый лоб фрицу подставляешь.

— Так пуля каску тово... Пробиват...

— У тебя, отец, какая задача бойца? Фашиста убить, а самому живым остаться.

— Ну?

— Не «ну», а так точно! В германскую за нуканье от офицера по морде бы.

— Так точно, ваше... Тьфу! Согресишь тут с вами.

— Вот и надень каску: всё меньше риску. Ждать сигнала!

И пошёл, пригнувшись, к своему командному окопчику, который Бог весть чем отличался от солдатского, но — командный. Посмотрел ему вслед Фёдор Тимофеевич и вздохнул, как бы о чём-то сожалеючи:

— Тогда, Вань, офицеры были куда как благородные — в окопах во весь рост ходили. Правда, и окопы поглубже рыли, не ленились.

— Дядь Федя, усовестись: всю ночь лопатили, до самой этой артподготовки.

— Да мелковато получилось, а земля, известно, надёжней брони защищат.

— Ага, и нас, и фашиста.

— Земля, Вань, она ко всем людям добрая — и защитит, и накормит, и примет.

— Ага, накормит. В отличие от нашего старшины: по сто грамм выдал, а закусить? Кишки к позвоночнику приросли...

— Я третью войну воюю, а ты нешто в первую атаку тово... Стратегии войны не постигнул ишшо. Это старшина не из жадности, а для того, чтобы тебе нечего было со страху в штаны ложить, коль желудок пустой. А ты не обидься, что я так говорю. Это потому, что я в первую атаку тож вот так — и руки дрожат, и в штаны понос, того и гляди не удержать. А как встали да пошли — всё куда-то делось. Потом бывалые научили: перед атакой думай не об атаке, а вот так, как мы сейчас. К тому же с голодухи да под градусом злее будешь, когда капитан «За Родину!» прокукарекат.

— Нечего меня злить. Похоронок в деревню сколь пришло? Матеря перед иконами «спаси и сохрани», а девки возле клуба что поют? «Вымоет старательно дождь их кости белые, и засыплет медленно мать сыра земля. Там дрались юные»...

— Хватит. Распелся. Накличешь не то. Юные... Да, Ванятка, сколь их по Расее, девок-то, незамужними останется...

— Вот только за это фашистскую гадину..

— Ну заладил — фашист да фашист. Эт ты про тово, что на высотке окопался? Он такой же фашист, как я коммунист. Я землю пахал, и он землю пахал. Кажный — свою...

— Так что, теперь брататься с ним, а не убивать?

— Не убивать нельзя: не ты его, так он тебя. Закон войны. Что же касасемо брататься, то я сам братался. В германску. А что? Я пахарь, он — арбайт, но тож кормилец.

Зачерпнул горстью с бруствера, пересыпал из ладони в ладонь.

— Ну и земля у их! Липуча. Аккурат кирпичи выжигать. А ить что-то и на ей родится.

— Наша волжская шебёнка тоже родит, не обижает.

— И на этой вырастет, ежли уход будет. А кто её холить будет? У нас остались девка на трахтуре да баба на конбайне. Знать, и у них так-то.

— Вот и трудился бы фриц на своей, а не чужую воевал.

— Ишь ты... У них, чай, свои военкоматы есть. Кумекай.

Фёдор Тимофеевич огляделся по сторонам, словно испугался чего:

— Никак оглох... — поковырял в ухе. — Комар тамотко зудит.

Иван тоже огляделся.

— Какой комар? Артподготовка кончилась! Надевай каску-то.

— Ага! Я и в суконной папахе германца воевал, и в будёновке. И в этом малахае тово...

— Слушай мою команду! — донеслось от капитанского окопчика. — За Родину! За Сталина! Ура-а!

Молодой схватил винтовку на бруствере, да старый удержал его за ворот:

— Ты лоб-то перекрести, прежде чем тово... Впервой же ж.

— Я — комсомолец!

— Та хоть партеец, а бережёного Бог бережёт, — и сам перекрестил безбожника. — Вот теперь «Уря!»

Капитан впереди размахивал наганом, оглядывался и что-то орал, раскрывая чёрный рот. А про что орал, не поймёшь, потому что все орали. Но бежали не шибко. То ли оттого, что мокрая весенняя земля быстро намоталась на ботинки, вот ноги и отяжелели. То ли оттого, что душу всё-таки маяла опаска: что там на бугре осталось после пушкарей? А вдруг осталось? Иван дышал рядом, спрашивал:

— Что-то, дядь Федя, фашистов не видно, неужто всех перебили?

— Всех никогда не перебьют. Просто германец не любит штыковую, особо русску. Пулю предпочитат.

— Дуру?

— Каку дуру? Нас с тобой ближе подпускат.

В этот миг над полем сквозь общее «Ура!» прорезался истошный крик капитана:

— Ложись!!

— Чего он? — остановился Иван, растерянно озираясь по сторонам.

— Пулемёт, не слышь, што ли? Да не один. Падай! Чего стоишь как напоказ?

Иван плюхнулся в мокрую податливую траву, каска на глаза сехала.

— Вот тебе и перебили всех, — ворчал Фёдор Тимофеевич, тщетно стараясь разглядеть за торчащими перед глазами мёртвыми прошлогодними стеблями, что там, на высоте этой. — Слыхат, германец танки закопал. Вот их артилерия и не тово... Да вижу я одного! Башня наружи, а сам в земле, — приподнялся он на локте. — Ты гля: наши ракету туда кину-

ли, аккуратно куда надоть. Ну вот, каской глаза закрыл... Може, и правильно. Крупным калибром бьёт, с расстановкой, не шмайсер. Тот — как сердитая баба словами тарактит. Ну, пушкари, ну, робята!..

И как по его команде, над высоткой снова вздыбилась земля, снова там загрохотало. И старый солдат снова влип в землю. На миг, потому как знал: кому тут до стрельбы, когда тебя самого снарядами рвут? Успокоился. Пушкари, как пахари, пашут, а тебе пока вот делать нечего — жди. Настоящему труженику ждать — тоска одна. Но сейчас ему почему-то не тосковалось. Лежал бы и лежал пузом на земле, хоть и на чужой. Да ватник насквозь промокнет, подумалось. Может, некстати. Однако перекатился на спину, стал в небо смотреть.

— Вань, а Вань, небо-то и у германца как наше. Поди-ка вот, земля разна, а небо одинаково. Почему, а, Вань? Потому как земля — поле человеческо, а небо — поле Богово. Человеков много, а он один: не с кем ему небо рвать. И оно, в отличие от земли, всегда мирно. Гром... Гром — голос Господень. Он и артиллерию тово...

Артиллерия внезапно смолкла. И как будто опустело всё вокруг. Фёдор Тимофеевич снова встал на локоть.

— Вань, а Вань... Танка-то нету — земли куча... Счас ротный капитан...

Ротный стоял почти рядом с наганом в поднятой руке и с большим раскрытым ртом.

— За Родину! За Сталина!

— Ванька! Сталин — хрен с им, нам — за родину. С Богом!

Встал он, взял винтовку наперевес. А Иван не встал. Как лежал, так и лежит, закрывшись каской. А в каске-то маленькая такая, как гвоздём проткнутая дырочка, в том самом месте, где на плакатах звезда нарисована. Холодная волна от головы до пяток прокатилась по телу, что-то живое там, внутри, ущипнуло сердце. Мягко, с оттягом. И повисло на нём.

— Ванька! Ва-анькь... Ты чо? — опустил перед ним на колени, потрогал за плечо.

— Вставай Христа ради, Ванюш...

— Рядовой Саврасов! Команда — в атаку! Чего расселся?

Фёдор Тимофеевич поднял голову. Над ним стоял капитан — лицо белое, глаза белые, губы — в сторону, в руке наган скачет. Не в себе человек.

— Так Ванька же...

— Какой Ванька? В атаку! Слушай, батя, если сию секунду не встанешь, я тебя вот тут же расстреляю. Вста-ать!

Встал Фёдор Тимофеевич, встал. Командир, приподняв пробитую каску, глянул под неё, потом, метнув взгляд на старорого солдата, запихнул наган за пояс и взял винтовку рядового Ивана Саврасова.

— Вот так, дядя Фёдя. Разрешаю «ура» не кричать, но в атаку — за мной!.. А Ванька твой, авось, жив ещё. На то санбат есть. За мной! — и побежал догонять свою роту, а Тимофеевич смотрел на вихляющий зад ротного, и сам себе напоминал: «У живого солдата командир оружие не отбирает».

— Прости Христа ради, Ванюша: я тово... Не уберёг, значит...

Снял он шапку, перекрестился, чуть подумал и осенил крестом Ванюшку.

— Рядовой Саврасов! Твою...

И пошёл русский хлебороб по чужой земле, стиснув зубы и с винтовкой наперевес. Лишь однажды оглянулся, да за чёрной чужой мёртвой травой ничего уже не увидел.

ПОГОНЯ

Полдня они метались по облизанным ветрами каракумским барханам — ловили басмача Темир-бека, прозванного местными узбеками Каракуртом и сто раз проклятого ими же. Не поймали. И теперь отряд, голодный, с пересохшими от безводья глотками и потому злой, как стая волков, возвращался домой, в городок Бек-Буди. Закалённые в боевых походах гражданской войны, а теперь непоеные потные красноармейские кони, нехотя как-то переставляли копыта по плотному песку. Позади за ними лениво оседала жидкая белёсая пыль. «Да, Каракумы не донские ковыльные степи», — в который раз подумал Михаил Романович Суров, командир отряда, оглядываясь по сторонам: не мелькнёт ли, наконец, за каким-нибудь песчаным гребнем косматая шапка басмача? Знал, что не мелькнёт, но всё же...

— Дымят барханы, командир. И, слышь, ветер поёт?

Кому услышать едва различимую песню ветра, как не отрядному запевале Ковтуну!

Матрос-одессит с мятежного броненосца «Потёмкин», удравший от батьки Махно напрямик в Первую конную Будённого. По идейным соображениям, видите ли, с батькой не сошёлся. Не анархист ли? Семён Михайлович ус потрогал, пригасив улыбку, и сказал, что у всей матросни от хождения по палубе при морской качке ноги раскорякой становятся — как раз для верховой езды. Проверили матроса в деле. По-

нравился. Вот с дисциплиной матрос не дружил. Ворот гимнастёрки нараспашку — тельник показывал, а в атаку бросался — срывал с головы будёновку и — под зад на седло, а на её место — чёрную бескозырку, на которой и вправду золотыми буквами: «Потёмкин». И если все будёновцы в атаке кричали: «Даёшь!», то он орал: «Полундра!» Прощали командиры ему эти причуды: рубился отчаянно. А сюда, в пески азиатские, спасти советскую республику от басмачей сам напросился. В каждом деле держался рядом с командиром эскадрона Суровым, как вот и сейчас, хотя отряд — это далеко не эскадрон.

Прислушался бывший комэска: ну да, поёт ветерок. Там, в России, провода как струны, а тут? Но ведь поёт!

— Самум будет.

— Ты что, Ковтун, в ночь-то? Солнце, считай, село.

— А впереди луна встаёт... Ты гля! Это кто нам навстречу?

И в самом деле, из-за бархана выскочил всадник. Южное солнце прячется за горизонт быстро, темновато стало, и не разглядеть, кто такой на коне, хотя и знакомое что-то есть в его неуклюжей фигуре.

— Романыч! Командир! Так это ж твой дед, аксакал в тубетейке! Точно! Да с винтовкой за спиной!

Суров остановил отряд. Старый узбек прямо перед ним осадил пегую задыхающуюся лошадку.

— Беда, Роман-баши! Пока ты тут, Каракурт там! Чего «как, как»? Он Юрик украл! Как? Забегаю, а она на полу связанная и тряпкам во рту. А Юрик ёк. Моя не был дома, моя конушна кормил, а тут они... Кони увели, одна Стрелка есть... Ишак он, а Стрелкам был сто лет назад...

Тошнота комом подступила к горлу, за сердце схватила. В глазах он — сын Юрик, белые пелёнки ножками раскидывает и хохочет. Полгода ему всего-то. Отряд замер, лишь Ковтун сказал в поющей тишине пустыни:

— Так это, Романыч, значит, Каракурт — твоего сына? Юрика?

Молчат бойцы, потупясь, смотрят в землю, будто виноватые. Лошади опустили шеи и что-то вынюхивают на дороге.

— Красноармеец Щукин!

— Я, товарищ командир отряда! — подъехал один из бойцов.

— Кто тебе сообщил, что видел Темир-бека в старом кишлаке?

— А этот... Что из кишлака прибежал. Сказал — страх что творит Каракурт в кишлаке. Кровь на перевязанной голове. Я сразу — к вам. Мы ж его давно это... И всё никак. Селимбек в заложниках...

— Роман-баши! Каракурт так и сказал Нюре-апа, чтобы ты его брата Селима за Юрик отдавай.

— По-нят-но. Никакого Каракурта в старом кишлаке никогда не было. И кровь на голове беглеца была чужая. Снова он нас вокруг пальца... Аслан! Давно он из города ускакал?

— Нет давно. Он туда, — махнул рукой старик куда-то на юг, — а я сюда. Враз.

— Значит, недалеко ушёл?

— Нет далеко, Роман-баши. Близко ещё.

— Отряд! За мной, и не отставать!

— Командир, — снова прозвучал рядом голос Ковтуна, — у басмачей кони — птицы, а у нас не кормлены и не поены. Каракурта не догоним, а коней запалим. Твой Буран вообще старичок...

— Чего? — не понял Суров услышанного.

Как называется чувство, которое охватывает человека, когда такая беда случается с его родным сыном? Горе? Боль? Отчаянье? Нет ему названия. И ничего иного не остаётся ни в душе, ни в сердце, ни в голове, кроме одного — жажды бежать, лететь, ползти, чтобы вцепиться беде в глотку. Намертво.

— Что ты сказал? М-матрос... Тогда так, — постепенно к Сурову стала возвращаться способность рассуждать.

Две задачи у отряда: боевая — поймать главаря банды басмачей Темир-бека — и личная, хотя и командирская, — спасти собственного сына. Какая главней, какая больней жжёт сейчас душу? Вот то-то, товарищ Суров, красный командир.

— Тогда так, — повторил он. — Никого не неволю, решайте каждый за себя.

«А как же быть с отрядом? — мелькнуло в сознании. — Оставить его без головы? Не имею права. А на кого возложить обязанность командира? Все — одна молодёжь, лишь матрос — боец бывалый. А что слишком вольно себя ведёт, так это оттого, что сам командовать любит. Вот пусть и покомандует, пока я... (Жигануло в груди: вернусь ли?) Всё, товарищ Суров, всё! Есть решение».

— За меня — красноармеец Ковтун! А мы с Бураном — в погоню, — молвил тихо, дёргая поводок.

Конь потряс гривой, продолжая что-то вынюхивать на дороге. Дёрнул настойчивее. Буран вскинул голову, всхрапнул. Суров погладил его по взмокшей шее.

— Боевой товарищ меня и в этот раз не подведёт. Мы с ним от Ростова до Варшавы!..

Конь, как бы соглашаясь, покивал и привычно застыл, ожидая приказа. И вот, повинувшись уздечке, повернулся крупом к отряду. Суров натянул поводья, не давая коню рва-

нуться, как бывало, с места в карьер. Шагом, шагом позволил. Почему придержал его? А кто сможет это объяснить? Хоть тогда, хоть после. Не было в душе командира обиды на своих бойцов, которые, скупно освещённые ранней луной, стояли молча, как призраки. В чём сомневались? Буран ступал бесшумно — слышно было, как ветер уже не пел, а шипел понизу, как разозлённая кобра. Вдруг позади:

— Анархию мне тут разводить! Эскадрон!..

Суров оглянулся. Бойцы врассыпную приближались к нему. На бархане, словно вырезанный из чёрной бумаги и приклеенный к небу, Ковтун на коне.

— Товарищ командир, мы с Вами.

В эту минуту, после этих слов, понял он, с каким тяжёлым чувством покинутости уходил он от своих бойцов. Словно не они только что едва не изменили ему, а он им. И не он только что простил их, а они — его. Схлынула тяжесть с сердца, а что-то непривычное подкатило к горлу. Похожее на то, которое горячей волной хлынуло в грудь, когда впервые увидел маленького беспомощного, отчаянно кричащего человечка, что был его родным сыном. Бойцы. Ребята. Друзья боевые... Так хотелось сказать им «Простите ради Бога...», а выдавил из пересохшего горла всего лишь дежурную у начальства фразу:

— Спасибо, товарищи бойцы.

Кто-то твёрдо, словно приказ отдал:

— Командуйте, Михаил Романович.

Он привстал на стременах, окинул взглядом «войско». С ним он — командир. А без него? Вот так-то, красный кавалерист товарищ Суров.

— Значит, так. Каракурт сначала пойдёт в Афган, а оттуда станет диктовать условия. Чтобы добраться до границы, ему надо пересечь Амударью. Но мы сейчас к переправе ближе, чем он. Там его и встретим. Итак, аллюр... А ты, Аслан, что тут делаешь?

— Моя ружьё есть.

— Ты, джигит седобородый, арш в город, и ни шагу от Нюры! Всё! Выполняй. Отряд! Слушай мою команду! Аллюр...

Отряд будто развалился надвое, пропуская скачущего всадника. Ковтун. Бескозырка на бровях, ветер лентами играет, тельняшка... Остановился.

— Романыч, прости. Не могу я без отряда. Мы ж с тобой... А Юрик... Я ж его на руках... Да я за него... Прости, Романыч!

— Аллюр три креста! За мной — а-арш!

В глубь неба поднималась луна, заливая всё кругом мёртвой синевой. Тускло светились гребни бархан, и редкие кусты тощего саксаула стояли что молодые российские берёз-

ки в январском инее. Всё это, мелькая и кружась, уплывало куда-то назад и там исчезало в темени. Ветер сёк лицо острыми песчинками. Кони, вытянув гривастые шеи, пластались над летящей навстречу землёй, гул стоял над пустыней, и звёзды удивлённо моргали в небесном бездонье. Кони, боевые кони... Откуда, из каких неведомых запасников сердца и тела у человека берутся силы в отчаянную минуту совершить невероятное? А у них? То ли гривы, то ли крылья... Что-то кричал скачущий рядом Ковтун, да разве в этом громе копыт что расслышишь? Буран надсадно хрипел, стремясь быть впереди остальных, молодых ещё коней: он ведь тоже как-никак, а командир! Никогда Суров не шпорил его: Буран сам знал, когда надо отдать все силы. А тут матрос на коне (матрос!), оборвав крик, стал уходить вперёд. И он невольно (невольно!) дал шпоры. Обидел боевого друга. И тот сбился с хода от глупой неожиданности. Вот и пришлось командиру догонять отряд. Вот и у Бурана, старичка, откуда взялись силы, чтобы это сделать? Потом, потом об этом подумал, когда стало поздно. А сейчас одно в голове — успеть! Успеть встретить басмачей перед рекой!

Не успели.

Он скакал уже в середине отряда, когда внезапно открылась река. Вся в слепящем лунном серебре. И тут же там, впереди отряда, крик Ковтуна:

— Эскадрон! Шашки наголо! Не стрелять!

Шум и всплески воды. Колыхнулось, рассыпалось серебро реки. Отряд с криком «Даёшь!» рухнул в воду. «Настигли!» мелькнуло в сознании, когда Буран споткнулся и, подогнув колени, медленно, успокоенно, что ли, лёг на землю. Суров успел выдернуть ногу из-под него и, прихрамывая, побежал вслед за отрядом. Что творилось в реке, не разобрать под лунным обманчивым светом. Кони, люди, вода и один выстрел. И команда: «Огонь!», и беспорядочная пальба. Недолгая. Суров стоял на берегу и смотрел на всё это, в отчаянье сознавая, что своим бойцам ничем помочь не может, что он вообще не участник этого боя.

Он ждал сына.

Бойцы повернули назад. В нескольких шагах от них, борясь с течением реки, которое на мелководье иногда и лошадь с ног сшибает, пробирался к берегу человек. Падая и вставая, вновь падая и вновь вставая. К нему от отряда скачками по бегущей воде приближался конь, догнал и протянул к его плечу морду, тот ухватился рукой за поводья. Вторая рука прижимала к груди нечто большое, белое на вид. Сердце Михаила Сурова, вспыхнув болью, остановилось. Сын в пе-

лёнках!.. Или нет?.. Человек вышел на берег, а за ним следом Касатка Ковтуна. Она — все четыре ноги в белых «носочках». Суров кинулся навстречу.

На берегу Ковтун упал на колени, протянул на руках это нечто:

— Принимай, командир, будущего адмирала! В большой воде крещён. Хотя и не в солёной.

— Как — в воде? — Суров тоже опустился на колени.

— Да ты бери его, бери... Скидай мокрые пелёнки, а то ветром застудишь. Да под гимнастёрку его, телом грей. Как? Да этот чёрный гад в халате выбросил его в воду. Я — за ним. За Юриком то есть. Вода понесла, а я ж моряк. Успел схватить до глубокого, а то бы... По-моему, не захлебнулся хлопчик — весь с головой замотан пелёнками...

В холодном мокром свёртке послышался писк. Суров, спеша, размотал неподдающиеся пелёнки. И вырвался наружу — в ночь, в пустынную степь, полетел к самим звёздам гневный, недовольный, чего-то требующий крик. Но такой тоненький и беспомощный и такой родной...

— Живой! Даёшь! — неожиданно грянуло над пустыней, и тут только заметил Суров, что их обступили пешие красноармейцы. А где кони? Они, блестя крупами, выстроились вдоль реки в одну шеренгу — воду пьют. Одна Касатка стоит над Ковтуном и, опустив голову, не шепчет ли что ему на ухо?

— Все живы? — спросил он, спешно расстёгивая ремень гимнастёрки.

— Все живы, товарищ командир, — кто-то невидимый докладывал. — Их всего трое было. Двоих мы ухлопали. Речка унесла. А кони тут.

— А третий?

— Опять ушёл Каракурт, товарищ командир отряда. Заговорённый, что ли? И банды его нет. И лошадей угнанных тож...

Служба есть служба, она постоянно торчит в мозгу, и командир, умащая под гимнастёркой сынишку, немедля стал разгадывать замысел Каракурта: «Подставил Темир-бек свою банду, чтобы я — за ней, а он сам — на переправу».

— Ну как я командовал, Михаил Романыч?

— Как надо командовал, спасибо.

— Жаль беску потёмкинскую... Может, до Арала доплывёт: какое-никакое, а всё же море.

Ковтун лежал на спине и гладил склонённую к его груди морду Касатки. Дышал прерывисто, тяжело поднимая грудь.

— Ты что, ранен, Гриша? — вспомнил Суров имя матроса, осторожно дотрагиваясь до его груди, обтянутой мокрой тельняшкой.

— Та есть маленько. Медуза поганая пальнул в меня, ког-

да я за Юриком сиганул. Да ты ворот расстегни, пусть на свободе орёт адмиральчик. На море крепкий голос нужен...

Выпростав из-под гимнастёрки голову сына, он почувствовал, как по животу знакомо потекла горячая струйка, и бережно, обережно прижал Юрика к телу обими руками. Знал, что спасён родной малыш, кровинка родная: вот всхлипывает после плача, успокаиваясь. И так хотелось, чтобы руки превратились в громадные крылья...

— Ты вот что, Романыч, — вновь заговорил Ковтун, — гитару мою ему отдай... Что? Нет, мне она уже не пригодится. И вот, — приподнялся он на локте и запустил руку под тельняшку, — помоги крестик снять. Ты большевик партийный, тебе на Бога наплевать, а Юрик уже крещён. Я же сказал, в большой воде. Дай договорю... Меня Господь и так примет, а крестик, хоть и не серебряный, а оловянный... Кровь на нём? Так она православная... Всё, Романыч... Как в нашей песне? «Приказ голов не вешать, а смотреть вперёд!..» И святы́й Боже хай допоможе...

Он снова откинулся на землю, мокрая прядь пересекла лицо, уже безразличное и к ней, и к тому, что жёсткий ветер, пролетая, оставил на нём шепотку песку.

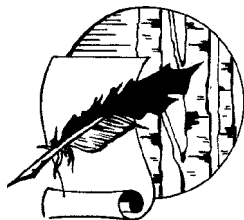
— Товарищ командир! Ваш Буран...

— Что Буран? — не отрывая взгляда от матроса, поднялся Суров. — Ковтуна осмотрите: может, ещё...

Потёр лоб, сдвигая фуражку, точно намереваясь снять её, да не снял — и стыдно, и больно стало. В глазах резь, словно песчинку ветер занёс. Отвернулся и с притихшим сынишкой за пазухой, оглядываясь, пошагал к коню. Конь лежал на боку, и над ним, чёрным и неподвижным, гулял тот же азиатский ветер, присыпая песком. Ещё чуть вздрагивали его вытянутые ноги, а тёмный глаз казался сухим — не отражал он лунного света.

После шумных гостей в полутёмной комнате тихая благодать. Жена повесила на место мамину старую, старую гитару и, освободив меня от повседневной обязанности, вместе с подругой на кухне моет посуду. Я в постели под ночным торшером. Думаю. «За жизнь», как говорят в Одессе. Началась она восемьдесят лет назад. Все мы о её начале знаем из рассказов мам и, кому повезёт, пап. Очень давно, когда с фронта пришла похоронка, мама рассказывала, а я вот сейчас стараюсь представить, как рассказал бы об этом папа. Так или не так у меня получается? Но крестик оловянный — вот он, на мне. И кортик морской — вон, на ковре прикроватном — львами поблёскивает.

г. Сызрань Самарской обл.

Анатолий ЗЕЛЕНЦОВ

ЗАЦВЕЛИ КЛЕВЕРА

* * *

Звуки песен льются звонко,
На полях шумит овёс —
Это сельская сторонка,
Край, где я мальчишкой рос.

Край ты мой! Ты сердцу дорог,
И мне нет тебя милей.
Я люблю пшеницы ворох
Средь твоих больших полей.

Я люблю смотреть на небо —
Солнце барышней глядит.
А кругом, богата хлебом,
Рожь поспевшая звенит.

Я люблю весной чудесной
Погулять в тени берёз
И послушать молча песни
Про сторонку, где я рос.

* * *

Вечер, сизые сумерки свесив
С ближней крыши, забился за печь.
Пастушонок насмешливый — месяц
Вышел звёзды на небе стеречь.

Словно девушка в платье белом,
Сыплет яблоня щедрый наряд.
Всё запело кругом, зазвенело
Под гармошку и пляски девчат.

И я слышу, как будто бы в сказках,
Стало громче звенеть, что ни день,
В этих песнях, частушках и плясках
Юность милых моих деревень.

* * *

Зацвели на полях клевера
Цветом чудным, волшебным вчера.

Зацвели на полях клевера,
Любовался всю ночь до утра.

Зацвели на полях клевера,
Не увидеть роскошной ковра.

Зацвели на полях клевера —
Буйство красок и красок игра.

Зацвели на полях клевера,
Их шелками колышут ветра.

Зацвели на полях клевера
Цветом чудным, волшебным вчера.

* * *

Лёд уж зеркалом разбитым
По реке проплыл давно.
По ночам шумят ракиты,
В сад распахнуто окно.

Вьются лугом вдаль дорожки,
В плащ зелёный лес одет,
И с берёз летят серёжки,
Облетает с вишен цвет.

Нежной музыкою снова
Шелестит листва дубов.
И слышны в ночи три слова,
А про что? Всё про любовь!

* * *

Звонит последний месяц лета,
Прощаюсь неохотно с ним,
Как будто с песней недопетой,
Как будто с детством озорным.

За летом неотступно осень
Бабулей в жёлтеньком бредёт
И за собой дожди и просинь
Родными внуками ведёт.

НА БЕРЕГУ

В 1952—1955 годах автор жил в Мариуполе

Светла была морская даль,
Вдоль берега крутого шли мы,
И в розоватом лёгком дыме
Шумел завод наш «Азовсталь».

Его дыханием согретый,
Я встретил твой любимый взгляд...
И верю: никогда на свете
Нас годы не разъединят.

И, словно разгадав волнение,
Ты поняла на берегу,
Что я любовь, как вдохновение,
Одной тебе лишь берегу.

РОДИНА

Милая Родина, нежная Родина,
Как хороша ты в рассвете смородинном!
Бархат зелёный пшеницы озимой
Стелется мягко кудрями любимой.

Красный, как утро, петух надрывается,
Мирно деревня моя просыпается.

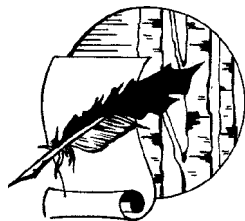
Милая Родина, нежная Родина,
Как хороша ты в рассвете смородинном!

Сердцем люблю твои реки, озера,
Летних степей голубые просторы.

Сердцем люблю твои пашни с берёзами,
Тихие ночи безоблачно-звёздные.

Милая Родина, нежная Родина,
Как хороша ты в рассвете смородинном!

г. Тольятти Самарской обл.

Николай ПИДЛАСКО

НА РОДИМОМ РУБЕЖЕ

ВЕСНА

Зеленеет жито в поле.
Даль блестит, как береста.
Кружевная в тиходоле
На черёмухе фата.

В ярких красках первоцветы.
Грядки вскопаны, черны.
Сколько солнца!
Сколько света!
Сколько неба у весны!

В ТРОИЦИН ДЕНЬ

Слышно — гремит у колодца
Звонкая цепь о ведро.
С лёгким журчанием льётся
Чистой воды серебро.

В росах обильных околица,
С пасеки веет медком.
Возле окна, словно молится,
Шепчет берёзка.
О ком?..

В утреннем солнышке звонница.
В сердце июньская новь.
Вот она, милая Троица!
Истина.

Вера.
Любовь.

ПО ДОРОГЕ К ДОМУ

Степь в сурепковом яростном ситце.
Дуб над полем шумит вековой.
Сколько ж не был здесь?..
Сердце томится...
Скоро дом — я иду сам не свой.

Небо ясное, воздух прозрачен.
Вдоль ополья — ромашковый вал.
...Коль душа по родимому плачет,
Знать, себя не всего растерял.

БЛАЖЕНСТВО

Всё гляжу на родные просторы,
Их привычно душой узнаю.
Простирается степь, словно море,
Сколько светлого в этом краю!

Над величием хлебного поля
На плечах тополей — небосвод.
В колосках голос ветра и воли,
И волнуется рожь, и поёт.

Тёплым взглядом, приветливым жестом
Обниму необъятную гладь.
И такое на сердце блаженство,
И такая в душе благодать!..

* * *

Тихой осени тихие пожни.
С поля дымка спускается к логоу.
Уезжаю я.

Сердцу тревожно.
Вот с родными прощаюсь в дорогу.

Колокольня виднеется храма,
В небесах тонет месяц над крышей.
Богородице молится мама,
И я знаю, она её слышит...

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Дышат безмолвьем сугробы волнистые,
Дали — в морозной пыли.
Хлопьями белыми снега пушистого
Вишни в саду зацвели.

Окна в избе разрисованы стужею —
Русской зимы торжество.
Сумерки алым закатом разбужены.
Вечер. Заря. Рождество.

ЖЕНА

Теплынь. Распахнуто окно.
И детский смех из дома слышен,
И голос твой. Идёт кино.
И свет луны скользит по крыше.

Огнями светится село
Стою на грядке опустелой.
И лета позднего тепло
Льёт ароматом груши спелой.

...Уснули дети. Ты в платке
Меня встречать к калитке вышла.
И сад в лиловом молоке,
И лунный свет течёт по крыше.

* * *

Всё замедленной мой шаг,
Грудь не нараспашку.
Над сельмагом новый флаг,
Не сниму фуражку...

И по старенькой меже
Вьётся змейкой стёжка.
На родимом рубеже
Отдохну немножко.

И возьму землицы горсть —
Тёплая, живая!
Кто я здесь — пришелец, гость?
Сам уже не знаю...

г. Санкт-Петербург

ДВЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

«Гроза двенадцатого года...» — для своего времени грандиозная, ещё невиданная по масштабам и потерям. Но за 210 лет в описания этой славной для России страницы истории внедрился ряд искажений. Иногда, казалось бы, мелких. Иногда, казалось бы, мелких. Иногда немаловажных. Например, начало войны принято датировать 24 июня (по старому стилю, юлианскому календарю — 12 июня). Хотя Наполеон обратился с воззванием к войскам и приказом о вторжении 22 июня (по н. ст.). И в этот же день в Петербурге посол Франции Лористон вручил ноту с объявлением войны председателю Комитета министров Салтыкову. Таким образом, дата начала обеих Отечественных войн совпадает. Случайно ли?

Предполагают, что Гитлер, увлекавшийся оккультными учениями, преднамеренно выбрал «магический» день летнего солнцеворота. Вопрос духовных воззрений Бонапарта почему-то не вскрывался, все исследования обходили его стороной. Во Франции Наполеон восстановил католицизм, отвергнутый революцией, но в умеренных и сугубо прагматических формах. Епископов и священников стало назначать государство,

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

на окладе, и под полным контролем за их деятельностью. Религиозность в окружении Бонапарта никогда не просматривалась. Коллективные богослужения в его армии были исключены — примерно так же, как в нацистской Германии. А самого Наполеона молящимся не видели даже перед самыми серьезными битвами. Попытки же самоубийства на закате карьеры ставят его христианство под сомнение.

Синхронность вручения ноты в Петербурге и воззвания Бонапарта показывает, что день начала войны был определен заранее. Значит, имелись и некие мотивы выбрать именно солнцеворот. Разве что средства связи и транспорта отличались от 1941 г. Пока приказ императора привезли в войска, пока они пришли в движение, наведение мостов через пограничный Неман началось вечером 23 июня, а вторжение 24-го.

Добавим, что и планы Наполеона во многом предваряли план «Барбаросса». Изначально они предусматривали одновременное наступление по трем направлениям — на Москву, Санкт-Петербург и Киев. Но в начале XIX в. численность армий оказалась все же ещё недостаточной для операций на столь широких пространствах. Фланговые группировки Бонапарта получились значительно слабее центральной, и наши войска сумели остановить их, хотя и в упорнейших сражениях.

В исторических трудах обычно искажаются и причины войны 1812 г. Приводятся те, которые называл сам Наполеон — «нарушение» Россией Тильзитского договора, континентальной блокады Англии: наша страна торговала с нейтралами, а те перепродавали русский хлеб и сырье англичанам. На самом же деле это были лишь поводы. Потому что континентальная блокада была фикцией для самой Франции. За Бонапартом стояли крупные французские банкиры и промышленники — тесно связанные с британскими, наподобие Ротшильдов. Нести убытки они никак не желали. Контрабанда через Ла-Манш лилась широким потоком, и французские власти закрывали на нее глаза. Да и с Тильзитским договором не считался сам Наполеон, не выполнив пункт о выводе войск из Пруссии, от русских границ, настраивая на войну поляков.

Очевидная же причина заключалась в том, что Бонапарт строил в Европе собственный «новый порядок». Хотя и несколько в иных формах, чем впоследствии фюрер. Присущих для XIX, а не XX в. Перекраивал границы государств, как считал нужным. Расставлял своих родственников монархами созданных им вассальных королевств и герцогств. А любые договоры для Наполеона имели сугубо временную ценность, пока требовались ему самому. Пруссия считалась его союзницей, даже получила жирный приз, Ганновер. Но

посмела возражать по переустройству Германии — и мгновенно была раздавлена. И Австрия числилась союзницей, пока не подвернулся предлог ее прижать. А уж какой верной и давней союзницей французов была Испания! Вместе сражались с англичанами. Но пришёл ее черед, и на нее тоже двинулись полчища Бонапарта.

Точно так же и Тильзитский мир с Россией выглядел очень похожим на пакт о ненападении с нацистской Германией. Царя Бонапарт поощрил, позволив решить территориальные споры со Швецией (прямая аналогия Финской войны). А сам без помех подминал остальную Европу. Монархи, сохранившие престолы, превратились в его слуг, унижались и трепетали, спеша выполнить любое повеление. Из континентальных держав только Россия осталась независимой, не подконтрольной Бонапарту. Если сокрушить ее, то и Англия на своих островах никуда не денется, будет вынуждена склониться. А власть над Европой в ту пору означала фактически мировую.

В 1811 г. Наполеон указал своему послу в Польше аббату де Прадту: «Через пять лет я буду владыкой всего мира. Остается одна Россия — я раздавлю ее». Он даже распорядился выбить медаль с изображением Бога и надписью: «Тебе небо — мне земля». Кстати — ещё одно свидетельство религиозных взглядов Бонапарта. В циничной гордыне он занесся, примеряя роль «князя мира сего». Но, между прочим, небесным покровителем Кутузова был победитель «князя мира сего», Архистратиг Михаил! Полководец родился в канун его праздника, всю жизнь усердно молился ему.

В целом же мы видим, что мотивы войны у Наполеона и Гитлера были сходными. Разве что Бонапарт ещё не грезил сделать из России «лебенсраум» для французов. Намечал ее «всего лишь» сломить, превратить в послушного вассала, наподобие Австрии. И расчленил. Его проекты «нового порядка» подразумевали воссоздание Польши. Под собственной эгидой, но в полном формате, до разделов — с Литвой, Белоруссией, Украиной. Прибалтику предполагалось отдать за верную службу Пруссии. Соглашение Бонапарта с Австрией тоже предусматривало территориальное вознаграждение. Турции, ещё считая её союзницей, Наполеон пообещал вернуть Крым и Причерноморье. Финляндией рассчитывал притянуть к себе Швецию.

Но, пожалуй, главной общей чертой двух Отечественных войн стало то, что они отнюдь не были схваткой «один на один». Нет, обе они являлись «крестовыми походами» на Россию почти всей Европы! Ведь это только после победы над фашизмом замалчивалась из политических соображений его

поддержка в большинстве западных стран, их стали изображать лишь «жертвами». В реальности Австрия была полноценной частью третьего рейха. Его союзниками выступали Венгрия, Италия, Финляндия, Словакия, Хорватия, Болгария — на восточном фронте отметились все они, хоть и в разной численности. Но и граждане оккупированных стран шли крушить русских очень охотно.

В рядах вермахта и СС одних лишь поляков служило полмиллиона. Чехов в советском плену насчитали 70 тысяч. Это не считая погибших, уволенных по ранениям, попавших в плен к американцам с англичанами (Атлантический вал обороняли части из чехов). Дивизии СС из датчан, норвежцев, бельгийцев, голландцев сражались порой лучше германских. Добровольческому полку из французов (и под знаменем Франции!) немцы единственному из иностранцев доверили участвовать в штурме Москвы — и именно в память о 1812 году. А в советском плену французов потом набралось 23 тысячи. К гитлеровцам присоединились 50 тысяч добровольцев из «нейтральной» Испании, 1300 «нейтральных» швейцарцев, добровольческие полки из «нейтральной» Швеции — не считая сопровождения её «нейтральным» флотом германских конвоев и уничтожения советских подводных лодок. Потом добавились коллаборационисты — прибалтийские, украинские, кавказские, туркестанские формирования и т.д. и т.п.

Ну а первую Отечественную так и называли — «нашествием двенадцати языков». Причем число 12 образное, их было больше. В составе 650-тысячной Великой армии Наполеона громить и грабить Россию двинулись французы, поляки, бельгийцы, голландцы, итальянцы, швейцарцы, хорваты, словенцы, испанцы, португальцы, австрийцы (а в их войсках служили и венгры, чехи, словаки, галицийцы), пруссаки, саксонцы, баварцы, вестфальцы, вюртембергцы. Бонапарт считал союзниками и Швецию, Турцию. Правда, с ними не сложилось. Шведов, побитых русскими, перекупил Александр I, посулив им вместо Финляндии куда более лакомую Норвегию. А у Турции получилась аналогия с Японией перед Великой Отечественной. У одной Кутузов на Дунае окружил и уничтожил целую армию, принудив ее к миру. У второй то же самое сделал Жуков на Халхин-Голе.

Но и в XIX в. вассалов Бонапарта было принято изображать подневольными. Дескать, пошли из-под палки. Хотя и это было вызвано лишь политическими соображениями — ведь многие из них стали потом союзниками против Наполеона. Но стали-то позже, когда ему надломили хребет. А легенды, что они в России воевали нехотя и спустя рукава, на-

прочь опровергаются фактами. В победе Бонапарта были уверены они все. А значит, и в щедром вознаграждении за русский счёт. Выслуживались не за страх, а за совесть.

Поляки были лучшей лёгкой конницей Наполеона, всегда шли в авангарде. Нидерланды он включил в свою империю, уравнивал с Францией — из голландцев и бельгийцев сформировал даже элитные полки Старой и Молодой гвардии. Итальянцы, хорваты и словенцы в корпусе Богарне жестоко дрались и под Смоленском, и на Бородинском поле в самом пекле — штурмовали батарею Раевского. А последний, смертельный удар по ней нанесла саксонская тяжёлая конница. Баварский корпус Сен-Сира несколько месяцев упорно и умело отбивал русские атаки под Полоцком. Австрийцы по соглашению с Бонапартом должны были выставить 30 тысяч солдат, но перевыполнили, выставили 42 тысячи. Только высочайшее мастерство командующего 3-й армией Торماسова позволило остановить их наступление под Луцком. Пруссаки под Ригой нанесли несколько чувствительных поражений нашим войскам. И покинули территорию России последними, в январе 1813 г. — когда остальная армия Наполеона приказала долго жить. А уж грабежами, насилием и жестокостью отметились все «языки» без исключения.

И не только в Великую Отечественную, в 1812 г. тоже нашлись изменники. Кутузов, еще будучи губернатором Литвы, предупреждал о шатких настроениях здешних дворян, их симпатиях к Наполеону. Его опасения оправдались. Заняв Вильно, Бонапарт провозгласил марионеточное Великое княжество Литовское. Польское и литовское дворянство пышно чествовало его «отцом» и «воскресителем» Польши. А он учредил «правлящую комиссию Литвы» — подобие правительства. Самостоятельности оно не получило ни малейшей. По разрядам французского командования принялось подчистую выгрести из Литвы и Белоруссии продовольствие, фураж, обрекая население на голод.

При отступлении русских войск отмечалось массовое дезертирство солдат-литовцев. А коллаборанты добавились к «двунадесяти языкам», создавая Литовский корпус, польско-литовскую жандармерию. Но белорусские крестьяне восприняли обстановку иначе. Когда их паны предали Россию, принялись громить усадьбы. Литовские и польские помещики сбегались в города, жаловались оккупантам. Те высылали карателей. И в первую Отечественную по всей Белоруссии тоже заполохали деревни. Народ усмиряли расстрелами и виселицами. Недоформированный Литовский корпус там и остался, на подавлении мятежей, пока его не побили и не ра-

зогнали русские части генерала Эртеля, действовавшие из Мозыря.

Были изменники и в самой России. И немало! Иван Андреевич Крылов посвятил им басню «Ворона и Курица». При оставлении Москвы Курица уезжает с жителями, а Ворона остаётся. Говорит, что ей при французах даже лучше будет, какие-нибудь лакомства перепадут. Но вместо этого она попадает в суп к голодающим оккупантам. «В суп» такие изменники попали на Березине — когда уходили с врагами, и те в бедственном положении их бросили. На берегу насчитали до 10 тысяч гражданских. А сколько не добралось до Березины, сгинуло по дороге?

В целом же, как нетрудно видеть, на престижное владычество Наполеона, на «интеграцию» с его Европой, прельстилось отнюдь не простонародье. Польско-литовские сепаратисты, какие-то представители дворян, интеллигенции. А народ-то дружно поднялся на отпор врагам. Записывался в ополчение. Повсюду множились партизаны. Кстати, это слово, пришедшее из Франции, получило широкое распространение в русском языке как раз тогда, в 1812 г. Сперва оно означало армейские отряды, «партии», высланные действовать на вражеских коммуникациях. Но быстро распространилось и на вооруженных крестьян. А для захватчиков не с руки было разбираться, кто же именно на них напал. Партизаны!

В Великой Отечественной оба эти фактора приобрели государственной размах. И ополченцы добровольно вставали в строй, когда кадровую армию повыбило, когда нужно было закрывать родную страну чем угодно, хотя бы и собственной грудью. А «партизаны» стали восприниматься уже как своё, чисто русское слово, национальное явление. И память героев 1812 г. в период сражений с нацистами в Советском Союзе чтити свято. Можно вспомнить хотя бы учреждение ордена Кутузова, выход на экраны фильма Владимира Петрова «Кутузов», блестящие операции «Кутузов» с освобождением Орла, «Багратион» с разгромом врага в Белоруссии.

Две Отечественных войны роднит между собой и общий исторический миф. О том, что причиной поражения захватчиков стала «русская зима». Не наши военачальники и воины одолели их, а «генерал Мороз». Тут уж авторство принадлежит Наполеону, гитлеровские фельдмаршалы лишь подхватили его оправдания. Их доводы многократно и детально опровергались в нашей стране, но на Западе так и вошли в «анналы». А наполеоновская легенда о русской зиме стала настолько прочной, что утвердилась даже в России! Лютая зима со снегами и непролазными сугробами предстает перед

нами на картинах Верещагина, Прянишникова и других мастеров, в художественных фильмах о войне 1812 г.

Хотя все документы и воспоминания современников, и французца Коленкура, и русских офицеров, в один голос свидетельствуют обратное — осень стояла теплая, солнечная. «От Малого Ярославца до Вязьмы время было очень теплое». «От Вязьмы до Смоленска были приморозки, около Ельни выпал первый снег, но очень малый». «От Смоленска до Борисова холод был сильнее, но сносный, мы ночевали на поле без крыш». Да ведь и Березина еще не замерзла — неопровержимый исторический факт! Но... до Березины главная армия Наполеона не дошла! В смысле совсем. Это тоже исторический факт, но он-то оказался затертым.

Бонапарт вывел из Москвы 110 тысяч солдат. Их побили под Малоярославцем, выпихнув на опустошенную Старую Смоленскую дорогу. Кутузов наладил «параллельное преследование», и врагов крепко трепали у Колоцкого монастыря, под Вязьмой, у Духовщины, на р. Воль, в Ляхово и других боях, они несли страшные потери.

Но Наполеон в ходе отступления вообще прошляпил армию Кутузова! Потерял из вида. Почему-то был уверен, что она далеко отстала. Поэтому неосмотрительно приказал своим корпусам из Смоленска двигаться с интервалом в день — для ночевки в населенных пунктах. Хотя русская армия была рядом, в 8 — 10 километрах от него. А дорога, по которой она шла, пересекалась со Старой Смоленской у переправ Днепра, возле Красного.

Там и завершилось «параллельное преследование». Кутузов воспользовался грубой ошибкой Бонапарта, выдвинулся к дороге и стал крушить его корпуса по очереди. Сам Наполеон находился с 20-тысячным контингентом Старой и Молодой гвардии. Она оцетинилась штыками, как живая крепость, прорвалась, потеряв 2 тысячи человек и 11 орудий. Остановилась в Красном, ожидая своих. Но следующий корпус, Богарне, русские разнесли вдребезги. То же самое случилось с корпусом Даву. Он проскочить вообще не смог, разбитый откатился назад — где-то от Смоленска шёл ещё корпус Нея.

Наполеон решил выручать их, расчистить дорогу. Вывел корпуса гвардии, всю оставшуюся кавалерию. Сам вышел впереди строя со шляпой в руке. Кричал: «Довольно уже я был императором, пора снова быть генералом». Да вот здесь-то не Бонапарт Кутузова, а Кутузов его принудил дать битву. И командовали в ней лично Наполеон и Михаил Илларионович. Но мудрый фельдмаршал подловил врага в таких условиях, какие сам выбрал. И атаки ждал. Французы, браво

маршируя, как на параде, миновали перелески и наконец-то увидели нашу армию — «русские батальоны и батареи закрывали горизонты». Они шарахнули шквальным огнём, расстреливая неприятелей.

Результат — элитные корпуса Бонапарта были уничтожены. От одного из полков Старой гвардии осталось 36 солдат. После этого Наполеон попросту сбежал, прикрывшись заслоном в Красном. Этот заслон русские распотрошили под ноль, как и отрезанные от своих корпуса Даву и Нея. Под Красным враги потеряли 33 тысячи человек, 228 орудий. Вполне сопоставимо с Бородинской битвой. Но наши потери, в отличие от бородинских, составили лишь 2 тысячи убитых и раненых. Это обеспечил не «генерал Мороз». Это обеспечило воинское искусство Кутузова, его генералов, офицеров, солдат, казаков.

Известно, что на Березине у Наполеона имелось 40—50 тысяч боеспособных воинов. Но остается в тени, что это была уже воссозданная армия! Собранная заново! Потому что к Бонапарту в Орше подошли корпуса маршалов Виктора, Удино и Сен-Сира из фланговой группировки, стоявшей под Полоцком. Подошла и польская дивизия Домбровского, всю войну безуспешно осаждавшая Бобруйскую крепость. А из главной-то армии после Красного уцелели жалкие ошметки! Тысяч 10—15, не больше, — из 110, вышедших из Москвы.

В побоище на Березине (еще раз напомним, не замерзшей) погибла и воссозданная армия. Наполеон сумел выскользнуть (и не постеснялся объявить это своей «победой»), но у него осталось лишь 9 тысяч боеспособных солдат. Из 20 тысяч гвардии — 1600 человек. И только в Белоруссии, уже после Березины, завалили обильные снега, ударили морозы, добивая эту горсточку.

Отметим ещё немаловажный факт. Великая Отечественная завершилась в величайший из праздников, Пасху Христову, которая в 1945 г. совпала с днём святого Георгия Победоносца, 6 мая. В этот день германское правительство дало согласие на безоговорочную капитуляцию, разослало приказ о прекращении огня. А первая Отечественная завершилась в другой великий православный праздник, на Рождество Христово. День победы, избавления от нашествия двенадцати языков, установленный в России, совпадал с Рождеством.

Кутузов повёл Русскую армию дальше, освобождать Европу. Но в его биографии совпадения просто мистические. В молодости два смертельных сквозных ранения головы (пулями калибра 18 мм!). Слова пораженных врачей: «Видимо, судьба хранит его для чего-то великого». Господь и сохранил — для

великого. А когда он исполнил свою миссию, спас Россию, всего через 4 месяца — казалось бы, мелочь... Ещё Екатерина II категорически запретила Михаилу Илларионовичу «ездить на бешеных лошадях». Но он сохранил увлечение промчаться верхом на горячем коне. В Силезии, переезжая со штабом за войсками, решил размяться. Проскакать с ветерком. Но этот ветерок, холодный и пронизывающий, нанес шквал дождя со снегом. Кутузов застудился. 28 апреля (и под грохот небесных салютов первой весенней грозы!) ушёл в мир иной.

В 1801 г., будучи губернатором Санкт-Петербурга, он начал строить величественный Казанский собор. Как раз перед войной его достроили и освятили. 23 августа 1812 г. из этого собора, отстояв на коленях молебен у чудотворного списка Казанской иконы Божьей Матери, Кутузов уезжал на фронт. Выходя из храма, поклонился народу: «Молитесь обо мне, меня посылают на великое дело». А провожавшие его массы людей взывали: «Отец наш! Останови лютого врага, низложи змия!» 25 июня 1813 г. он вернулся в Казанский собор. Как будто с отчётом — то, о чём просили, он выполнил. Вернулся с победой. В гробницу.

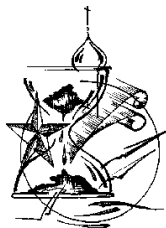
А вот ещё совпадения. Под командованием Кутузова наши войска преодолели вражескую оборону по Висле и Одере, взяли Кенигсберг, Варшаву, Берлин, Дрезден, Лейпциг. Дошли до Эльбы. До тех же самых рубежей, до которых потом дошла советская армия в 1945 г.! Причем в Великую Отечественную при штурме Берлина рейхстаг защищали... французы. Остатки разбитой дивизии СС «Шарлемань». Но над поверженным рейхстагом поднялось Знамя Победы с именем... Кутузова. «150-я стрелковая ордена Кутузова II степени Идрицкая дивизия 79 стрелкового корпуса 3 ударной армии 1-го Белорусского фронта».

Да ведь и сейчас против нас очередной раз выверилась вся Европа, «двунадесять языков». Но на День Победы миллионы людей выходят на шествия «Бессмертного полка», несут копии Знамени Победы — с именем Кутузова. Получается, что и Михаил Илларионович со всем народом участвует в «Бессмертном полку». И такие же копии Знамени Победы поднимаются над освобожденными городами и поселками Донбасса. С именем Кутузова. В тех самых местах, где он охранял границу, командуя Луганским пикинерным полком, в Мелитополе и Мариуполе, которые он строил по указаниям Суворова. Как видим — живая связь времён, связь героев отнюдь не оборвалась. Она продолжается.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ ОТ ШВЕДСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Историю Северной войны мы знаем со школьной скамьи — бесславное поражение под Нарвой и славную Полтавскую викторию. А затем вплоть до заключения Ништадтского мира провал в знаниях. За эти двенадцать лет произошли весьма любопытные события. Включая первый освободительный поход Русской армии в Европу. Этот поход оставил заметный след в истории Европы, но, к сожалению, мало воспоминаний участников. Во всяком случае, доступных широкой публики.

В марте 1712 года в Померанию (историческая область на юге Балтийского моря. Название Померания (от славянского Поморье) местность получила по населявшему область западнославянскому племени поморян; в настоящее время Померания разделена между Германией и Польшей) была направлена Русская армия под командованием генерал-фельдмаршала А. Д. Меншикова. Союзная армия составила 85 тысяч человек: 48 тысяч русских, 27 тысяч датчан и 10 тысяч саксонцев. Однако, положение союзных армий было нелёгким. Не хватало продовольствия. Пётр потребовал от Августа II (Август Второй Сильный, курфюрст Саксонии, король польский

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

и великий князь литовский с 1697 года) улучшить снабжение русских солдат и офицеров: «Ежели изволите их ещё иметь, то чтоб оным мясо и соль против саксонцев давано было... ибо не сытые солдаты служить не могут». За год до этого в городе Торгау (славянский Торгов, город в Германии на Эльбе) он лично принял участие в празднествах в связи с бракосочетанием своего сына Алексея и принцессы Софии Шарлотты Христины Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Знаковое событие, положившее начало длинной череде русско-немецких царских браков.

Для привлечения Пруссии к союзу против Швеции, Пётр I ещё в сентябре 1712 года заключил договор об уступке ей Штеттина (древний славянский город Щецин (до 1945 года Штеттин) на северо-западе Польши, недалеко от границы с Германией). Пётр заверял Пруссию, что вступление русских войск в Померанию преследует единственную цель «принудить короля шведского к полезному миру» (оказывается принуждение к миру — старая русская традиция). Далее Пётр продолжал: «Мы декларовать восхотели, что понеже... мы вскоре осаду города и крепости Штеттина предвоспринимать будем; и ежели оную... через оружие к сдаче принудим, мы никакой претензии на неё чинить и наши войска в оную вводить не будем, но отдастся оная... вечно Его Прусскому Величеству». И своё обещание русский царь выполнил.

Тогда же было заключено соглашение с Августом II о передаче саксонцам города Эльбинга (ныне город в Польской Померании), уже контролируемого русскими войсками.

Как мы помним, после разорения Померании в Тридцатилетней войне она была оккупирована шведскими войсками ещё в 1629 году.

Трудно сказать, осознавали ли русские воины, проходя по многим европейским странам, что они проливают кровь на земле своих далёких предков. В любом случае это была первая освободительная миссия русского солдата в Европе. Они проложили дорогу последующим подобным походам против Наполеона и Гитлера.

Между тем, в сентябре 1712-го шведы, воспользовавшись нерешительностью союзного командования, сами высадили десант на остров Рюген под командованием генерала Стенбока. Вскоре он переправил свои войска через пролив и направился к Мекленбургу, столице герцогства, чья династия начиналась во времена ободритов (ободриты (бодричи) — союз славянских племён, относящихся к Полабским славянам). 3 ноября шведы овладели Ростоком.

При Гадебуше Стенбок нанёс поражение датско-саксонской армии. Узнав о поражении союзников, Пётр написал Апраксину: «Господа датчане, имея ревность не по разуму,

которых... просили, чтоб не вступать в бой, пока мы будем со всею пехотою к ним, и пришли уже мы за четыре мили: но они, не дождав нас, в бой вступили и баталию потеряли. Но уже славим Бога, что не великий урон, а именно 1500 убито их на месте, где и неприятелей более легло; только в полон взято более 2000 пехоты, а конница, почитай, вся цела, понеже левое крыло скоро побежало».

В 1713 году русские войска, преследуя шведскую армию Стенбока, вступили в Голштинию (историческая область в Германии. Расположена в земле Шлезвиг-Голштейн, до 1945 года одна из провинций Пруссии), куда и были перенесены военные действия.

В начале января Русская армия расположилась в районе Гамбурга. Так и подмывает напомнить — там, где сходились на поле боя саксы и полабские славяне ещё в VII веке.

К 12 января в Ридсбурге собралась вся союзная армия. Двенадцать русских батальонов пехоты и тридцать эскадронов конницы, а также девять датских батальонов и тридцать эскадронов, и три батальона саксонских вместе двадцатью эскадронами конницы. В конце января Русская армия подошла к Гузуму и стала напротив шведских войск, которые расположились в Эйдерштеде (полуостров во Фрисландии на западном берегу германской земли Шлезвиг-Гольштейн). Занятая шведами позиция находилась вблизи моря и была окружена непроходимыми в распутицу болотами и каналами. Подойти к ней можно было только по двум узким плотинам, «укреплённым перекопами и батареями».

Петр I предложил союзникам атаковать неприятеля объединёнными силами, но те, считая позицию шведов неприступной, отказались от боя. В результате было решено, что датско-саксонские войска, подкреплённые четырьмя русскими полками, останутся в Гузуме, «дабы неприятеля чрез дам лежащий к Гузуму не пропустить; а достальным российским войскам идти к местечку Швабстеду, от которого лежит другой дам к Фридригштау» (укрепленный перекопами и батареями от неприятеля).

31 января русские войска двинулись по дамбам двумя колоннами. Пехотой, шедшей по одной дамбе, командовал сам царь Пётр, а кавалерией, шедшей по другой дамбе, Меншиков. Впечатляющая картина. Русский царь и русский полководец-самоучка атакуют шведские позиции на западном краю Европы. Так далеко русские войска ещё не доходили. Через сто лет поход повторится, на этот раз уже до Парижа.

Шведы, увидев наступающих русских, побросали в воду пушки и отступили. Дожди и размытые дороги затруднили преследование неприятеля, которого «догнать было невоз-

можно: понеже такая была вязкая грязь, что не только со всех солдат обувь стащило, но и у многих лошадей подковы выдрало». Оказывается, непролазная грязь случается не только в России, но и в Германии.

Шведы в том бою потеряли 300 человек пленными и 13 человек убитыми. Русские потеряли двух человек убитыми и пятерых ранеными. Таким образом, под Фридрихштадтом (город в земле Шлезвиг-Гольштейн в Германии) Русская армия нанесла решающее поражение Стенбоку.

От окончательного уничтожения шведов спасло только то, что голштинский герцог, нарушив свой нейтралитет в Северной войне, впустил Стенбока с остатками армии в крепость Теннинген (город в земле Шлезвиг-Гольштейн в Германии).

Союзники с суши и с моря осадили эту крепость. Пётр, назначив командующим русскими войсками Меншикова, уехал в Россию. Верховное командование принял на себя датский король Фредерик IV. Вокруг города были вырыты траншеи и расставлена артиллерия. Осажденные страдали от нехватки продовольствия и пресной воды. Датские корабли блокировали крепость с моря. В крепости началась эпидемия. Видя бесполезность сопротивления, фельдмаршал Магнус Стенбок в мае 1713 года был вынужден капитулировать.

В плен сдались одиннадцать тысяч человек с оружием и знамёнами. Русский посол В.Л. Долгоруков в своём донесении писал: «По капитуляции, учиненной с фельдмаршалом швецким Штейнбоком... из Тонинга вышли и положи знамена и ружья перед войски их союзных величество пошли в путь свой на квартиры». Армии Стенбока не стало.

Военные действия в Голштинии закончились. Русские и саксонские войска вернулись в Померанию, датчане остались в Голштинии.

В Ванцбеке состоялся военный совет союзников, на котором они приняли решение захватить остров Рюген.

4 июля 1713 года русско-саксонские войска численностью семнадцать тысяч человек осадили остров Рюген.

Какая историческая параллель! Русские и немцы совместно освободили древний славянский остров!

В августе 1713 года двадцатичетырёхтысячная Русская армия под командованием А.Д. Меншикова блокировала Штеттин, «чтобы оную Штеттинскую крепость одними российскими войсками доставать». Крепость защищал пятитысячный гарнизон и четыре тысячи вооружённых горожан под командованием генерала Мейерфельдта.

После прибытия обещанной саксонским курфюрстом Августом II осадной артиллерии, началась бомбардировка.

Город был объят пожарами. На следующий день гарнизон Штеттина капитулировал.

Русские при осаде Штеттина потеряли 184 человека убитыми и 365 человек ранеными. Штеттин, где в прошлом находилось древнее славянское святилище, посвящённое богу Триглаву, был освобождён 18 сентября 1713 года.

Александр Данилович Меншиков заключил соглашение, по которому Пруссия в обмен на нейтралитет и денежную компенсацию получила Штеттин. В июне 1714 года Россия и Пруссия подписали договор, по которому Штеттин оставался во владении Пруссии, а она в свою очередь признавала владения России в Ингрии, Карелии и Эстляндии. Померания была поделена между Пруссией и Голштинией.

Союзники попросили Петра прислать войска для взятия Висмара (город в земле Мекленбург — Передняя Померания в Германии, бывший полабский город Вишемир). Пётр приказал Репнину с корпусом двинуться к городу. 7 апреля 1716 года гарнизон капитулировал.

В Мекленбурге в это время находился двадцатитысячный русский корпус, который предполагалось перевезти на остров Зеландию и отсюда, под прикрытием датского и русского флотов, на шведский берег. К маю 1716 года в Копенгагене собралась целая русская эскадра. В неё входили три корабля, построенные по русскому заказу в Амстердаме: «Портсмут», «Девоншир» и «Марльбург», а также четыре корабля, построенные в Архангельске. В июне 1716 года в Копенгаген прибыли галеры, которые от Ростка до Копенгагена вёл сам Пётр. Такое скопление русских сил в Дании беспокоило союзников. С октября началась переброска русских войск из Дании в Росток. Фельдмаршал Шереметев получил указание с пехотой расположиться на зимние квартиры в Мекленбурге, из кавалерии оставить в Дании только один полк, а остальным идти на зимние квартиры к польским границам.

Таким образом, русский солдат прошёл военными тропами по землям своих отдаленных предков, может быть, даже и не подозревая об этом.

В последующие годы русские предприняли несколько нападений уже на шведский берег. В одном из них участвовал Иван Алексеевич фон Менгден (в русском звучании Фамендин, российский военачальник, генерал-майор; умер в 1731 г.), представитель вестфальского дворянского рода, бывшего на русской службе с XVII века.

30 августа 1721 года был подписан Ништадтский мирный договор.

Его статьи торжественно утверждали, что Швеция уступает России на вечные времена завоёванные русским оружием

провинции: Лифляндию (историческая область, расположенная на территории современных Латвии и Эстонии), Эстляндию (историческое название северной части Эстонии), Ингерманландию (историческая область на северо-западе России) и часть Карелии с Выборгской губернией, включая не только материковую часть, но и острова Балтийского моря, в том числе Эзель (Сааремаа), Даго (Хийумаа) и Моон (Муху), а также все острова Финского залива и часть Кексгольмского округа (Западная Карелия).

Необходимо отметить, что указанные территории были не уступлены, а проданы Швецией России за 2 миллиона ефимков (русское обозначение западноевропейского талера; монета чеканилась в Йоахимстале с изображением святого Иоакима из серебра высокой пробы).

Помимо территориальных приобретений российское влияние прочно утвердилось в Курляндии и Семигалии.

В честь Ништадтского мира в Летнем дворце Санкт-Петербурга была установлена скульптурная группа «Мир и Победа». А в память победы в Полтавской битве — Сампсониевский собор и монумент Славы в Полтаве.

Если уж применять пушкинское выражение «окно в Европу», то следует напомнить, что Петру Великому удалось вернуть России земли, которые принадлежали его предшественникам ещё в IX веке, и добавить, что «окно» это получилось с весьма солидным «балконом».

Вместе с усилением своего влияния в Прибалтике Россия получила прямой выход в Европу, что давало огромные возможности для торговли. Однако вместе с этим ей пришлось втягиваться и в европейские дразги, что вызывало опасение и раздражение «партнёров».

Второй задачей, которая была решена в ходе Северной войны, стало ослабление Швеции, достигшей к тому времени пика своего могущества. Полтысячелетия до этого нам приходилось сдерживать натиск северного соседа. После поражения в Северной войне шведы потеряли статус европейской державы. А Россия приобрела!

22 октября 1721 года Россия была провозглашена Империей. Пётр Алексеевич «по прошению сенаторов» принял титул Отца Отечества, императора Всероссийского.

Однако новый император предупреждал: «Надеясь на мир, не подлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так стало, как с монархиейю греческою».

Император Пётр Великий ещё за два столетия предвидел грядущие потрясения в его государстве.

ГОРЬКИЕ ХРИЗАНТЕМЫ

ПРОСТЫЕ ИСТОРИИ

А спросит Бог: «Чьи это там печали?»
«Мои», — отвечу Богу.

Мария Конопницкая

ОСЫПАЛИСЬ ЛИСТЬЯ...

Самолёт трясёт, как в лихорадке. Его железное промёрзшее нутро скрежешет и грохочет. Не шевелясь, я сижу на узенькой металлической скамейке вдоль борта, уже не чувствуя ни рук, ни ног. Наверное, я к ней примёрзла. Самолёт почтовый, пассажиров видит редко. На этот раз «редкостью» была я. Меня засунул сюда знакомый лётчик, так как рейсовые самолёты не летали. Во-первых, было 1 января, во-вторых, мороз минус 55, когда замёрзший воздух висит пеленой. Мне надо долететь от Игарки до Красноярска. Три часа пытки. Потом ещё пять часов до Москвы. Я ещё не знаю, что лечу на похороны.

Мама позвонила сразу после Нового года. У неё была ночь, у нас — уже утро. Мы сидели с друзьями на диване, тесно прижавшись друг к другу, и дремали. Дом был новый, ещё не прогрелся, а отопление никакое. За ночь салаты на столе

ПРОЗА

подмёрзли. Мы тоже. Сидели и грелись друг о друга. В это время мама и позвонила. Сквозь рыдания она сказала, что конец близок. Я ответила, что сейчас же вылетаю. Благо рядом был тот самый лётчик, который и зачихнул меня в почтовый самолёт.

...О неизлечимой болезни папы я узнала ещё летом, когда приезжала домой в отпуск. Он хотел, чтобы ему сделали операцию, но врач сказал, что поздно. Как ничего нельзя сделать? Как осталось несколько месяцев? Ведь ему всего 58 лет! Мы были оглушены этим известием. Это была катастрофа. Папа был не просто опорой нашего женского семейного царства, он был его несущей балкой. Хотелось проснуться — и чтобы всё было, как прежде. Папа стойко держался. По-прежнему по первому нашему хотению он возил нас на своём маленьком зелёном «Запорожце», куда мы пожелаем.

Машина была его вожаденной мечтой. Он купил её после двух лет каторжной работы на Кубе. Наши специалисты строили для кубинцев дома. Мама проявила чудеса изобретательности, чтобы сэконоимить на машину. Сначала приобрели румынскую спальню. Несколько лет стояли на неё в очереди. Потом осуществили мамину мечту — шубу. Шуба была шикарная. Беличья. Мама носила её до конца дней, ежегодно реставрируя залысины, которые распространялись по меху с такой скоростью, будто белка живая и то и дело линяет. Ну, а за маминой шубой наступила папина очередь. Все остальные накопления пошли на «Запорожец». Папа был счастлив.

Сейчас он лежал на кровати, став почему-то лёгким и маленьким. Мы с мамой перевернули его на бок, чтобы сделать укол морфия — и я увидела тоненькие ноги, трубочки, выходящие из паха, и громадную незаживающую язву на крестце. Сердце моё дрогнуло и затрепыхалось от пронзившей его острой боли. Горло свело судорогой. Только не заплакать...

Мама бегала по больницам и аптекам, доставала дефицитную тогда красную икру, которую папа есть уже не мог, а я была при нём, делала ему уколы. Папа думал, что его лечат. Однажды для укрепления духа я рассказала ему историю, как какой-то человек вылечился от рака. Он изумлённо посмотрел на меня:

— А у меня разве рак?!

Я не менее изумлённо взглянула на него, я была уверена, что он адекватно оценивает своё состояние, поскольку врач предельно открыто сказал ему о его болезни.

— У меня не рак, — насколько мог твёрдо сказал мне папа, — у меня опухоль.

Я с ужасом думала о том, что мой отпуск подходит к концу. Меня ждут в семье, на работе. Бессонными ночами я раз-

мышляла, как мне быть. Как оставить маму одну?.. Нет... Это невозможно... А где-то в глубине души тяжело ворочалась предательски страшная мысль, что было бы гораздо «удобнее», если бы папа умер, пока я ещё здесь...

Но отпуск закончился. Самолёт улетал в 4 часа утра. Вечером я была в аэропорту. До отлёта оставалось несколько часов...

— Как хорошо, что ты вернулась, доченька! — тихо радовался папа. Я сделала ему укол. Рассказала, как в последний момент сдала билет. Что ничего страшного. Что улечу позже.

— Ну и хорошо! — погладил папа меня по руке.

Кажется, впервые за весь этот месяц я уснула быстро. Проснулась от какой-то суеты в соседней комнате. Взглянула на часы. «Четыре часа, — мелькнуло в голове, — мой самолёт сейчас взлетает...»

Папа лежал на боку, дыхание его прерывалось, он пытался повернуть голову в сторону мамы.

— Мама, — закричала я, — он хочет с тобой попрощаться!..

— Пришёл... Пришёл... — прошептал папа и выдохнул в последний раз.

— Кто пришёл? Кто? — в ужасе вскрикнула мама.

— Мама, он умер. Умер... — завопила я душераздирающим голосом, который слышала будто со стороны. Я задыхалась, как минуту назад задыхался папа...

— Санечка... Нет... Нет... — кричала мама.

Это была первая в моей жизни такая близкая смерть. Мы не знали, что надо подождать, пока тело человека немного остынет. Мы не знали, что можно позвать чужих, чтобы его обмыть. Рыдая, мы опустили папу на простыне на пол и стали его обтирать мокрой тряпкой...

Дальше я помню папу в гробу. Лицо у него спокойное. Вокруг полно народу. Люди идут и идут, прощаются. Я сижу на кухне и чувствую, как, изгибаясь по коридору, тянется ко мне от папиных ног ниточка смерти. Ещё помню, что никто из приехавших родственников не хотел ложиться на его постель. Легла я. И он мне снился, снился, снился... Он приходил ко мне, наклонялся надо мной — и я ощущала на лице касание его усов...

Я не помню, как летела назад. Помню только, как болело у меня горло. Так, будто кто-то засунул в него раскалённый гвоздь и проворачивает его там. Лор сказал, что никакого гвоздя там нет, и отправил меня к психиатру. Тот выписал какие-то таблетки — и я провалилась в небытие...

Вскоре я вернулась домой навсегда, чтобы жить рядом с мамой. Шли дни, складывались в недели, месяцы — а мы всё

плакали и плакали. Мама сочинила музыку на стихотворение Цветаевой и пела трагическим голосом под звуки фортепьяно:

*Осыпались листья над вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мёртвый, послушайте, милый:
Вы всё-таки мой.*

.....
*Я вас целовала! Я вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю!
Я жду вас с вокзала — домой...*

Мама пела и рыдала. И я вместе с ней.

Так мучили мы папину душу своим неизбывным горем больше года, пока мама не допелась до церковного хора. Вслед за ней пришла в храм и я. Папина душа наконец успокоилась. Однажды он приснился мне в раю. Там он тоже строит, но не дома, а синие воздушные замки...

КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ...

Это было давным-давно. Жизнь назад. Я тогда ещё в школе училась. И постоянно в кого-нибудь влюблялась. Я обожала нашу учительницу Тамару Германовну, обожала литературу, которую она преподавала, и от театра, который она для нас создала, тоже была без ума. С ней всегда было интересно. Где мы только с ней ни побывали! Однажды она повела нас во Дворец культуры, в Кишинёв тогда настоящий поэт приехал — Эдуард Асадов. Когда я его увидела, слепого, с чёрной повязкой на глазах, я сразу в него и влюбилась. А когда он рассказывал о войне, о том, как его ранило и как он ослеп, сердце моё сжималось от горя. После встречи я нашла в библиотеке его сборники и переписывала в общие тетради все его стихи и поэмы.

Отныне я читала на всех школьных праздниках «Рыжую дворнягу» и больше слышать ничего не хотела про других поэтов. Тамара Германовна всерьёз забеспокоилась. Она принесла мне томик Сергея Есенина с закладкой на стихотворении про собаку и пыталась объяснить, что любовь к человеку и любовь к настоящей поэзии — это разные вещи. В есенинском стихотворении меня поразила строка «Покатились глаза собачьи золотыми звёздами в снег...», но покорило плохое слово на «с» из четырёх букв. Я решительно не

понимала, как можно читать людям стихотворение, в котором есть такое слово, пусть даже и по отношению к собаке. А мне надо было обязательно читать! Потому что, если я что-то люблю, оно распирает меня изнутри, пока я не поделюсь своими чувствами со всеми.

Через год меня вылечил от Асадова Роберт Рождественский. Теперь день и ночь стучали во мне строки «Реквиема». Мне хотелось выйти на площадь и прокричать всему миру:

*Помните!
Через века,
через года, —
помните!
От тех,
кто уже не придёт
никогда, —
помните!..*

Мы очень расстроились, когда Тамара Германовна ушла из школы. Теперь она работает в центральной библиотеке, и после уроков мы всей толпой бежим к ней. И ей ничего не остаётся, чтобы по-прежнему с нами дружить. Она приглашает нас на всякие интересные встречи, устраивает вечера поэзии. Недавно мы выступали со стихами в прозе Тургенева. Я, конечно, стихотворение «Собака» читала:

«Нас двое в комнате: собака моя и я. На дворе воет страшная, неистовая буря. Собака сидит передо мною — и смотрит мне прямо в глаза. И я тоже гляжу ей в глаза. Она словно хочет сказать мне что-то. Она немая, она без слов, она сама себя не понимает — но я её понимаю...»

Ещё я рвалась рассказывать «Как хороши, как свежи были розы», но Тамара Германовна отдала эти стихи другой девочке. И вот теперь я не спускаю с одноклассницы глаз — и беззвучно повторяю за ней завораживающие строки:

«Летний вечер тихо тает и переходит в ночь, в тёплом воздухе пахнет резедой и липой; а на окне, опершись на выпрямленную руку и склонив голову к плечу, сидит девушка — и безмолвно и пристально смотрит на небо, как бы выжидая появления первых звёзд...»

Как хороши, как свежи были розы...»

На вечер Тамара Германовна пригласила свою приятельницу, настоящего театрального режиссёра Надежду Степановну Аронецкую. Несколько лет назад она создала в Кишинёвском институте искусств свою мастерскую и ведёт там факультет актёрского мастерства. Ребята учатся уже на пос-

леднем курсе. Поставили спектакль «О времени и о себе», с которым и к нам в школу приезжали. Мне очень понравилось. Я обожаю театр.

После вечера поэзии Тамара Германовна познакомила меня с Надеждой Степановной.

— Хочешь актрисой стать? — спросила меня режиссёр.

— Нет. Я учительницей буду. Как Тамара Германовна, — ответила я.

— Ну, всё равно приходи к нам на занятия, — улыбнулась Надежда Степановна. — Может, и передумаешь ещё...

Я удивилась, конечно, но пошла. Надежда Степановна велела мне при всех читать стихи — и я читала. Только стеснялась очень, хотя ребята на меня и внимания не обращали. Они уже взрослые, им уж, наверное, больше двадцати лет, они без пяти минут настоящие артисты — а тут я, школьница.

Месяца три, наверное, я ходила к ним на репетиции, слушала их разговоры. Узнала, что в их группе учится актриса, которая снимается в кино. Недавно вышел фильм с её участием, «Красные поляны» называется, а теперь она в «Живом труп» снимается, по произведению Льва Толстого. Поэтому на занятиях бывает редко. Я, конечно, ждала её прихода, хотелось посмотреть на настоящую актрису, но при мне она так ни разу и не появилась.

Между тем в труппе началась подготовка к выпускному спектаклю. Сегодня у ребят читка. Они читают по ролям пьесу, которую будут ставить. Совсем как мы на уроках литературы с Тamarой Германовной читали. Я слушаю. И вдруг Надежда Степановна хлопает в ладоши и говорит:

— Всё, ребята, перерыв...

А потом мне:

— Вот тебе задание: представь, что ты находишься на балу, объявляют белый танец — и тебе надо пригласить того, в кого ты тайно влюблена.

Кажется, кровь отхлынула у меня от лица. Или наоборот. Не знаю. Помню только, что выполнить такое задание было невозможно. Один парень мне очень нравился. Я его заприметила ещё тогда, когда они у нас в школе выступали. Конечно, главный герой. Высокий красавец с пышной шевелюрой и благородным лицом. И очень талантливый. Точно будущая звезда. Я уже знала, что зовут его Олег Лачин. И как это, интересно, я сейчас на глазах у всех подойду к нему и приглашу его на танец? Я долго толклась по сцене, ходила кругами, переминалась с ноги на ногу. Ребята разошлись на группки, разговаривали, занимались своими делами, а Надежда Степановна глаз с меня не спускала.

Наконец, с большим трудом я решилась: молча подошла к Лачину и остановилась перед ним, опустив голову. Вот уж тут кровь точно прихлынула к моим щекам. А Олег как ни в чем не бывало продолжал разговаривать с другом, как будто меня здесь вовсе и не было. Этюд — я потом узнала, что это был этюд, — я точно провалила.

...Когда спустя несколько месяцев я сдавала вступительные экзамены в университет, мне позвонила мама и сообщила, что Надежда Степановна предлагает мне поступать к ним в труппу. Они все вместе уехали в Тирасполь, чтобы создать там молодёжный театр.

— В какой Тирасполь? — закричала я. — Я буду учиться только в Ленинграде!

— Ну, вольному воля, — вздохнула мама. — Твоя жизнь, тебе ею и распоряжаться.

В актрисы я не пошла, но всегда живо интересовалось театром в Тирасполе, когда приезжала домой на каникулы. Узнала о том, что Олег Лачин женился на той актрисе, о которой я только слышала, что у них родилась дочь. А потом Олег трагически погиб. А Светлана Тома после фильма «Табор уходит в небо» стала мировой знаменитостью.

...И всё-таки мы с ней встретились! Совершенно неожиданно. Это случилось в 90-е годы, через четверть века после описанных событий. Она тогда жила уже в Москве, а я работала в местной газете в небольшом городе средней полосы России. Светлана приехала в наш городишко на гастроли, и я впервые, наконец, «живьём» увидела ту, которую так хотела увидеть ещё тогда, в детстве. И прежде чем взять у неё интервью для газеты, спросила:

— Светлана Андреевна, хотите, я вас удивлю?

Она удивилась уже моему вопросу.

И тогда я рассказала ей эту историю. И мы вместе молчали. А потом я задала ей дежурные журналистские вопросы о её творческих планах. И о творческих планах их с Олегом дочери — актрисы Ирины Лачиной.

И вот теперь, спустя уже целую жизнь, я открываю интернет и читаю, что примерно в то же время, в 1993 году, из жизни ушла Надежда Степановна Аронецкая. И что Приднестровский театр драмы и комедии, который она создала тогда в Тирасполе, носит сегодня её имя. И по щекам моим текут слёзы.

«Свеча меркнет и гаснет... Кто это кашляет там так хрипло и глухо? Свернувшись в калачик, жмётся и вздрагивает у ног моих старый пёс, мой единственный товарищ...

Как хороши, как свежи были розы...»

На девятом месяце я оказалась на улице. В прямом смысле. Я приехала в Ленинград после летних каникул. Муж должен был вернуться из студенческого стройотряда дней через десять. Две дамы, мать и её взрослая дочь, соседи по коммунальной квартире, комнату в которой мы снимали, решительно встретили меня на пороге. С собранными вещами. Они случайно узнали о моей беременности ещё весной, когда муж вызвал мне «скорую» по поводу сильнейшего токсикоза.

Стелле, дочери, наверное, не было ещё сорока, но нам, двадцатилетним студентам, она казалась немолодой. Свою семью, видимо из-за своих больших запросов, Стелла создать не сумела, детей у неё не было. К нам, квартирантам их соседей, живущих где-то в другом месте, обе дамы относились с лёгким презрением. Они были хозяйевами, а мы были никем. Стелла считала себя столичной штучкой, а нас «понаехавшими провинциалами».

— Ты сюда не войдёшь, даже не пытайся! — угрожающе сказала мне Стелла, стоя на пороге, и ногой пододвинула собранные узлы. — Ещё пелёнок нам здесь не хватало...

— Вообще-то это вы живёте в провинции, а я — в столице Молдавии, — не удержалась я от сарказма и с гордым видом вышла на улицу, оставив вещи на произвол судьбы.

Я не знала, куда идти. Просто шла и всё. Светило солнце. Дребезжали трамваи. Первый сентябрьский денёк, начавшийся так неожиданно неудачно, выдался на редкость тёплым. На мне было синее шерстяное платье в чёрную крапинку и с белым воротничком. Я сшила его сама и всё ждала, когда нужно будет распускать застроченные от груди складки, но это так и не понадобилось. Посторонние не догадывались, что я беременная, просто девушка с расплывшейся талией.

По дороге в никуда я вспомнила, что мне нужно в женскую консультацию, и ещё в университет.

«Ну, не домой же к маме возвращаться? — лихорадочно думала я. — Как-то всё образуется, наверное... Но сначала в университет, надо сообщить, что некоторое время не смогу учиться...»

В университете выяснилось, что я не вписываюсь «в картину мира» не только соседей, но и деканата. Я стеснялась сказать, что беременна, мне казалось, что и так всё видно, и плела невесть что. Ничего не поняв из путаных объяснений этой странной, толстой, туповатой девицы в нелепом крапчатом платье, замдекана нервно сказал:

— Если вы больны, вас тут никто не держит.. — и уткнулся в какие-то бумаги на столе.

Я молча вышла на улицу и машинально пошла в сторону своего чужого дома. По-прежнему светило солнце. Дребезжали трамваи. Но мир вокруг вдруг стал каким-то расплывчатым, а звуки глухими, будто мне заткнули уши ватой. Я прислонилась к стене дома и медленно сползла по ней на асфальт.

Из женской консультации, куда меня привели прохожие, меня уже не выпустили, отправив на «скорой» в роддом. Так был решён квартирный вопрос. Во всяком случае, до родов.

В нашей палате, кроме меня, было ещё двое сумасшедших будущих мамаш. У них уже прошли все сроки, и каждый день они ждали, что это случится непременно сегодня. Разговоры были только о распашонках, сосках, колясках (лучшие, конечно, немецкие) и кроватках (надо доставать непременно чешскую). Одна, не выпускающая из рук спиц с вязанием ползунков, бесконечно рассказывала, с каким нетерпением ждёт появления на свет малыша, как давным-давно всё для него приготовила. Она была медсестрой и пришла в больницу со своим фонендоскопом, который постоянно держала на животе, чтобы слышать сердцебиение ребёнка. Другая, тоже со спицами, охотно делилась своей «коллекцией имён». Она хотела мальчика — и все имена были мальчишечьими.

Я молчала. У меня не было ничего. Даже имени для ребёнка. А главное, крыши над головой, куда я его принесу. Не было ничего, кроме кучи друзей-студентов. И мне не было страшно. Я просто не думала, о том, что будет завтра. Я знала о том, что всё будет.

Ребёнок, для которого было заготовлено «всё-всё», умер в утробе. На мать страшно было смотреть. Тогда я и представить себе не могла, что нить жизни может быть столь тонкой и непрочной. Та, которая хотела мальчика, родила девочку. Она назвала её «коллекционным» именем Сашенька, а другое из её «коллекции» досталось моему сыну.

...Хорошо, что женщины не знают, что их ждёт, когда идут рожать первый раз. Иначе, наверное, детей на свете было бы гораздо меньше. Во всяком случае, я не думала, что будет так больно. Утробным, каким-то животным голосом я выла так громко, что сбежался весь персонал. На меня нацепили маску с наркозом, но от этого мой рёв стал тише только для меня, я слышала его теперь как бы со стороны.

Не знаю, сколько бы это безобразия ещё продолжалось, если бы меня не выручил сын. Он был так измучен моим

неудержимым воем и неумением ему помочь, что, родившись, даже не мог плакать, а только покряхтывал. Он был совсем крохотным на ладони акушерки, голова его свисала вниз и болталась из стороны в сторону. Зато волосы были густые, чёрные и стояли дыбом. Из-за этого он был похож на галчонка.

Пока я была в роддоме, друзья «выбили» мне комнату в общежитии, вскладчину купили модную клетчатую коляску (немецкую, конечно) и приданое для малыша. Парадный вход в общежитие был с улицы, а к нам, в семейное крыло, вёл чёрный ход со двора. Типичного ленинградского замкнутого двора с квадратиком неба где-то далеко вверху. В этот «каменный колодез» мы и пришли с сыном. Пешком поднялись по узкой тёмной лестнице на седьмой этаж и вошли в длинный тёмный коридор, в конце которого оказалась большая кухня. Здесь стояли плита и несколько столов. Вода была только холодная. Зато тут никто не возражал, что на кухне будут сушиться пелёнки.

Наша комната была такой узкой, что между громоздкой железной кроватью у одной стены и симпатичной коляской у противоположной можно было протиснуться только боком. Но это было счастье!

На следующий же день я побежала в университет на занятия. Вся одежда оказалась мне мала, и я надела своё крапчатое, обвисшее на мне платье. Мне и в голову не приходило, что оставлять ребёнка одного нельзя. Он ведь ещё не может встать и вывалиться из коляски, думала я. Другие опасности мне были неведомы.

И вот смотрю я сейчас из своего далёка на эту легкомысленную мамашу — и ком в горле стоит. А уж этого крошку, которому сегодня уже далеко за сорок, прямо до боли сердечной жалко. Как страшно, наверное, было ему, едва появившись на свет, лежать одному в этих каменных трущобах на седьмом этаже...

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Я сижу на диване и смотрю новости по телевизору. Они заканчиваются, значит, времени примерно полдесятого. Бабушка и сынишка уже спят. Папа, кажется, принимает ванну. Мама сдувает последние пылинки после только что законченного ремонта квартиры.

— Кино будем смотреть? — спросила я у неё.

Ответить она не успела. Мои слова потонули в каком-то странном гуле, от которого по коже побежали мурашки, а

волосы на голове в прямом смысле слова зашевелились и встали дыбом. Не успев понять, что это такое, я увидела, как навстречу мне семенит из своего угла на своих тонких ножках телевизор. Я истерически расхохоталась.

То, что я буду описывать дальше в какой-то временной последовательности, на самом деле происходило одновременно в течение нескольких секунд. Или минуты? Или нескольких минут? Сказать невозможно, потому что время исчезло. Одновременно, как козлик, скакал оживший вдруг телевизор, одновременно падали со стен часы и картины, одновременно комната скрежетала, ходила из стороны в сторону и реально превращалась из квадратной в ромб и обратно. Одновременно раздался папин крик:

— Становитесь в дверные проёмы.

Одновременно я снова истерически захохотала, подумав, что надо иметь такие лапки, как у воробьёв, чтобы стоять в проёмах на пятом этаже, когда стены рухнут...

Одновременно бабушка босиком по стёклам выбежала из спальни с ребёнком на руках, а за ними рухнул книжный шкаф. Одновременно я открыла входные двери и увидела, как, гремя, качаются из стороны в сторону лестницы. Будто они вовсе и не каменные, а верёвочные.

По этим ненадёжным ступеням я и побежала вниз с переданным мне бабушкой сыном, а вслед мне летели бросаемые мамой тёплые вещи. Каким-то непостижимым образом я на ходу одела сына, оделась сама и даже натянула на босые ноги сапоги-чулки, которые и на капрон-то натягивались с трудом.

Дальше время, видимо, вернулось. Люди во дворе кучками стояли у подъездов и возбуждённо делились впечатлениями. Никто не знал, будут ли ещё толчки. Мы боялись возвращаться домой.

Мартовская ночь была довольно прохладной. Звёзды колко дрожали на чёрном бархатном южном небе. На мне было пальто прямо на халат, на сыне шубка и моя вязаная шапка, а босые ноги были завёрнуты в одеяльце. Я только сейчас почувствовала, как тяжело мне держать на руках увесистого четырёхлетнего малыша. Но тут подбежали мама и бабушка. Они тоже были полуодеты.

— Искала ключи, чтобы закрыть двери, — задыхаясь от волнения, сказала мама.

«Зачем их закрывать, если вот сейчас можешь погибнуть?» — подумала я.

Последним степенно вышел из подъезда папа. Он был одет, как денди лондонский: в шляпе, при галстуке и с трубкой в зубах. Его вид развеселил нас. Он был голый, когда началось землетрясение, а вышел безукоризненно одетым.

— Когда в ванне началось цунами, — стараясь нас отвлечь, начал рассказывать папа, — я сразу сообразил, что это землетрясение и кричал вам, чтобы вы становились в проёмы дверей.

— Да, я слышала, — рассмеялась я, — и пожалела, что не птица.

Долго мы не расходились по квартирам, но куда деваться, всё-таки вернулись домой. Спать легли одетыми поближе к входным дверям. Только под утро мне удалось задремать.

На следующий день Кишинёв гудел. Паника распространилась мгновенно, как только кто-нибудь начинал рассказывать, что по радио якобы объявили, что толчки повторятся.

— Когда? Что говорили? — начинались расспросы, но толком никто ничего не знал.

Потом кто-нибудь возбуждённо начинал говорить о якобы больших разрушениях в других районах города. И толпа кидалась за подробностями к новому рассказчику.

В газетах писали, что Бухарест лежит в развалинах. И это была правда. Дома там строились ещё до войны — и не выдержали восьмибалльного землетрясения. Более тридцати многоэтажных домов рухнули, погибли сотни людей.

А Кишинёв устоял. Просто чудо! Никто не погиб. В построенных после войны домах учитывалась сейсмичность района. Внутри каждого дома находится металлический каркас. В нашем подъезде с первого по пятый этаж появились трещины шириной в кулак, через которые стала видна улица. Дом разошёлся как раз по этим металлическим швам — но устоял.

К вечеру опять стало жутко. Спать снова легли одетыми. Хотя какой смысл? Всё равно ведь никто не успеет спастись, потому что дом разрушается за мгновение, сложившись как картонный домик. Словом, чему быть, того не миновать.

Постепенно жизнь возвращалась в привычную колею. Но этот священный ужас, этот трепет души, это ощущение себя песчинкой, которую вот-вот сметёт с лица земли, забыть невозможно. И всю жизнь нет-нет да и возвращаюсь я мысленно к тому переживанию, когда лицом к лицу столкнулась с разгневавшейся природой и заглянула смерти в глаза.

ГОРЬКИЕ ХРИЗАНТЕМЫ

Раскаркалось за окном воронье...

— Каркайте на свою голову! — каждый раз в сердцах восклицала мама. А я смеялась над её детской горячностью...

Мамы давно нет, а вороны всё каркают и каркают. И теперь, без неё, кажется, что — всегда на мою голову.

...Я лежу на больничной койке и смотрю в потолок, и ещё — на дерево за окном. Оно такое громадное, что его зелёная крона почти заслонила от меня небо. Сквозь зелёное едва виднеются в просветах оттенки сиреневого...

Где ты, небо? Где ты, мама?..

На окне букет в сиреновой упаковке. Белые хризантемы и белые лилии. Изящная утончённость воздушных хризантем — и вызывающая декоративность лилий. Белое — с сиреневым. И чуть-чуть зелёного. Красивый, кажется, даже совершенный букет. И пахнет белой хризантемовой горечью... И этот тонкий, лёгкий аромат мешается с тяжёлым, густым, упругим сладким запахом лилий.

Целые охапки таких же белых хризантем привезли из тёплого Кишинёва в холодный осенний Ленинград папа с мамой на мою свадьбу! С их изысканной горечи и началась моя взрослая жизнь.

...Я неотрывно смотрю на букет на больничном окне и думаю о своей взрослой дочери. Эти цветы — от неё. Белое — с сиреневым. И чуть-чуть зелёного. Горькое, сладкое, терпкое, нежное, ярко-декоративное — всё перемешано. Всё, как и в ней самой. Всё, как и в наших с ней отношениях между такими одинаковыми, но всё же такими разными людьми.

Как жаль, что даже самые близкие люди порой заходят в тупик. Никто не хочет друг другу уступить. Не хватает терпения. Душат обиды. Недостаёт любви. И передаются эти отношения из поколения в поколение. И у моей мамы с её мамой так бывало...

— За что ты меня ненавидишь? — плакала мама. А бабушка гордо поджимала губы и молча уходила. В своё пожизненное одиночество, в своё вдовство с молодых лет, когда на войне погиб муж, в своё неизбывное горе от потери малолетних детей. В тяжёлые военные годы они задохнулись угарным газом от затопленной печи, когда мать (моя бабушка) была на работе в ночную смену. И с той поры она винила свою старшую дочь в том, что та недоглядела. А той няньке, моей мамочке, тогда и было-то всего десять лет.

Больше всего на свете мама боялась голода. Рассказывала про своё безотцовское интернатское детство. Как за несколько километров ходила в столовку за супом, как несла его в кастрюльке домой, как, пересилив стыд, вылавливала из него сухой травинкой лапшинки... В предсмертном бреду она будет кричать: «Мама... Мама... Мама... Прости...»

— За что ты меня так ненавидишь? — плакала мама и, вся в слезах, уходила в другую комнату, и рыдала там одна... А бабушка...

Нет. Невыносимо об этом вспоминать. Сердце рвётся. Хронически что-то болит в области солнечного сплетения. Ну почему, почему я тогда не пожалела их обеих? И вот теперь, спустя жизнь, я протягиваю к ним руки в загробный мир и обнимаю их... Прости меня, мамочка! Прости меня, бабушка! — плачет моё сердце горячими слезами.

Я не помню тех горьких слов, которые говорила своей матери. Тех слов, от которых она замыкалась и отстранялась от меня. Но я хорошо помню теперь те слова, которые ранят меня. Ну почему, почему так происходит, Господи? Днём и ночью я всё думаю и думаю об этом, и нет мне покоя...

Мечется душа от бессилия. Копится внутри боль, растёт, распирает голову. Всё сильнее стискиваются зубы, дрожит от напряжения нутро, сжимается от горячей судороги горло. С трудом выдыхаю сквозь всхлипы: «Господи, помоги! Как тебе будет угодно! Только помоги!»

Мир бешено кружится, переворачивается, раз, другой, третий... Сердце колотится, считая мёртвые петли... Ещё мгновение — и я на большой койке.

Когда мало-мальски открываются глаза, я вижу вокруг себя искалеченные тела. У кого отняты руки-ноги, у кого язык, а у кого и вся голова. Они уже за краем... А я удерживаюсь на самом краю... Мне уже не нужно то, что было нужно вчера... Лишь бы боль успокоилась. Лишь бы не терзала ни моё тело, ни мою душу...

Поздним вечером дочь впервые переступает порог родного дома, где нет меня. Я почти физически ощущаю, как ей там тоскливо... На другой день она приходит в больничную палату с букетом. Белое — с сиреневым. И чуть-чуть зелёного. Она ставит его на окно и кормит с ложки парализованную женщину, распластанную на соседней койке. И я вижу, как её руки трясутся. Но она улыбается... Это её вечное несовершенство внешнего облика с внутренним состоянием. Я вижу в её глазах никому не видимую боль и слышу плач её души...

Наступает вечер. Впереди — длинная, беспокойная больничная ночь. Я смотрю на букет и шепчу: «Господи! Помилуй меня и мою дочь!..»

...Моя мама страдала, что ей мало дарили цветов. Даже песню про это сочинила и пела её под гитару. Как же я опоздала с букетом... Теперь только на могилу. Пластмассовые хризантемы. Они не пахнут, но они самые горькие.

Мать — дочь, мать — дочь, мать — дочь... Так и движется жизнь. Жизнь — смерть, жизнь — смерть, жизнь — смерть... Вечность!

Неба за окном уже совсем не видно... Ветер растрепал листву... Сплошь зелёное — и ни клочка сиреневого... Нако-

нец-то разжались тиски на моей голове... Скоро я встану...
Встану — чтобы любить... Как бы ни было больно — любить...

СЕСТРА

1.

Нас часто путали. Обе толстые, обе в очках, обе работаем в газете. Да и ходим в одних вещах. Сначала я — потом она. Я стеснялась этого сходства. Я, вся такая холодная, закрытая, сдержанная, такая аккуратная и прилизанная, — и она, горячая, душа нараспашку, небрежная, очки набекрень, шапка тоже, вечно громко раздающая всем подряд комплименты или, наоборот, уничтожающая кого-нибудь едким словечком.

Она называла меня сестрой. Я молчала. Сестра — это сестра, а подруга — это подруга. Наташа была подругой. С родной сестрой мы много лет уже жили далеко друг от друга, виделись редко. У Наташи родной сестры отродясь не было, только двоюродная. Она её недолюбливала за то, что та была похожа не на их родню — а на ту, другую. А когда сестра приехала на похороны её матери и неосторожно обронила, что ткань на гробе какая-то блёклая, словно старая, Наташа и вовсе её возненавидела. Просто вычеркнула из жизни раз и навсегда, будто её и не было.

— Надо же! — возмушалась она. — Ткань старая! Как можно такое ляпнуть! Будто я могу мать свою в старом гробу похоронить!.. Нет у меня родных, — отрезала она. — Вот моя родня, — показывала она на меня.

Я молчала. Мне была чужда такая категоричность, несмотря на то, что все вокруг называли меня категоричной. Мы не сходились с Наташей ни в чём, о чём бы ни заговорили. Я знала, что переубедить её невозможно, и молчала, и оставалась при своём мнении.

Жила Наташа трудно. Она была одинока, одна растила дочь. Особенно тяжело ей было после смерти матери, единственного близкого человека. Чудом она вывезла её из Сумгаита во время печально известных событий девяностых годов. Забрала мать из сумасшедшего дома, куда та попала, когда новые хозяева жизни выбросили её из квартиры. В общем, еле ноги они тогда унесли из Азербайджана...

...Наташа умела дружить. Единственную рубашку она с себя могла запросто снять и отдать. И снимала, и отдавала. Не от избытка. От любви. Все, кого она любила, были самые лучшие, самые красивые и самые талантливые. Все, кого не любила, уродливые, мелочные и жадные. Страшно было войти в немилость и попасть ей на язык.

Но когда она любила — не было счастливей человека. Она восхищалась всеми своими подругами, которых у неё было не перечесть. То она с кем-то училась, то когда-то вместе жила в общежитии, то вместе рожали детей, то познакомились на улице, то просто кто-то понравился...

Подругу из Иванова тоже звали Наташей. Они познакомились, когда наша Наташа приехала по распределению в редакцию газеты и поселилась в общежитии, а ивановская Наташа приехала сюда в командировку по своим инженерным делам. Подружились они на всю оставшуюся жизнь. Раз в год уж точно Наташа приезжала к Наташе в гости.

— Это моя сестра, — сказала она ей про меня при знакомстве.

Я, как всегда, промолчала. Сестра — это сестра, а подруга — это подруга. Мы болтали, пили хороший кофе с хорошими конфетами, которые моя Наташа обожала, покупая их не то что на последние деньги, а просто неизвестно на что. В зарплату закупали кофе, конфеты, сигареты, еда для дочери и двух котов. Всё остальное было неважно. Не знаю, отчего она толстела, наверное, от дешёвого «доширака», который ела, когда никто не видел. Человеку, вообще-то, ведь надо же чем-то питаться.

— Когда я умру, — сказала она как-то, — покупай гроб пошире, а то я не помещусь.

— Да ну тебя, — махнула я рукой. — Неизвестно ещё, кто помрёт раньше.

— Я раньше. Точно. Я на фотографии в паспорте исчезаю.

— Куда?

— Да не куда, а просто растворяюсь. Лицо расплылось, меня уж и не узнать.

— Какая чушь. Покажи.

Действительно, по фотографии, которую недавно вклеили в паспорт, пошли жёлтые пятна. Я вытащила свой.

— То же самое, посмотри...

— Не может быть...

Побежали смотреть паспорта у других. Меняли-то мы их все одновременно, всех снимал наш фотокор. И теперь у всех похожая картина.

— Ну, Наталья, — дружно ржали мы всей редакцией. — Придумает же! Значит, все мы помрём в один день?

2.

В гроб Наташа поместилась. После мучительного года неизлечимой болезни она уменьшилась вдвое...

Ей ещё не было пятидесяти, когда она узнала страшный диагноз. Она стремительно худела — и лицо у неё станови-

лось таким же, как на её молодых фотографиях. Лежать она уже не могла. Сидела в продавленном кресле день и ночь. У всех нас были ключи от её квартиры. Кто продукты приносил, кто варил, кто убирал... Наташа умирала.

Я пришла к ней накануне отъезда.

— Наташенька, мне необходимо ненадолго уехать... Я позвоню в Иваново, чтобы подруга приехала к тебе, пока меня не будет.

— Что, уже надо её вызывать?..

— Ну, о чём ты говоришь. Просто поможет тебе...

Помолчали. Я встала, чтобы попрощаться:

— Прости меня...

— За что?

— Ни за что. Просто прости... — меня душили слёзы.

Через три дня мне позвонили, что Наташа умерла.

Глаза ей закрыла подруга Наташа. Не подруга — сестра. Подруга — это подруга, а сестра — это сестра. Хоронили Наташу всей роднёй — редакцией газеты. В гроб её положили в нашем с ней сером платье. Сначала его носила я — а потом она. Моя сестра.

КИПАРИС

Эту старуху я знаю много лет. В лицо. Заметная такая... Хотела сказать «бабуля», но слово это ей совершенно не подходит, хоть ей уже за 90... Высокая, прямая, осанистая, аккуратная... Есть в ней что-то такое... Гордая посадка головы... Кожаная сумочка через плечо... И палка, на которую она опирается, ничуть не делает её немощной... Мы с ней в одну церковь ходим, киваем друг другу при встрече. И больше ничего — ни имени её я не знала, ни как живёт. У неё была тут своя «тусовка», которая с моей не пересекалась.

Но однажды она оказалась на скамейке рядом со мной.

— В Германии в церкви совсем по-другому, — сказала она, когда служба закончилась. — Там порядок любят. Никто не толпится...

Так завязался разговор. Я с удивлением узнала, что в Германию она ездит два раза в год, живёт там по три месяца у дочери. Вот и сейчас тоже туда собирается. Возьмёт в руки палку — и вперёд. Сядет на электричку, потом спустится в метро, потом снова на электричку... Все, кто по пути попадается, всегда помогают ей добраться до аэропорта. Потом она сядет в самолёт, а в Германии дочь с зятем её встретят. А назад дочь её сама домой привезёт.

С первого же разговора я узнала, что судьба у её дочери, примерно моей ровесницы, очень тяжёлая: она потеряла двоих взрослых детей. И теперь остались они с дочерью одни на всём белом свете. Да ещё живут в разных странах. Её рассказ прямо в сердце меня кольнул. В который раз я подивилась, какие же беды бывают у людей и как стойко они их переносят. И эта далёкая, совершенно чужая женщина вдруг почему-то стала мне близка. Вскоре я неожиданно получила от незнакомки письмецо в «Одноклассниках». О том, что она хочет со мной встретиться, когда приедет в Россию. С фотографии на меня смотрела дама в чёрной кружевной блузе с высокой причёской и карими глазами. Даже по этой маленькой, почти паспортной фотографии было видно, как женщина красива. Я представила её себе — высокую, стройную, в вечернем платье. «Прямо королева!» — подумалось.

Мы встретились с ней в церкви. Ко мне подошла маленькая миловидная женщина в косыночке, простой длинной юбке, с наброшенным на плечи большим «русским» платком.

— Я Надя, — просто сказала она, и я вслух поразились резкому контрасту своего о ней представления и действительностью.

Женщина смутилась моим восприятием, но ничего не ответила, опустив голову. Уже гораздо позже я узнала, что та фотография, которую я видела на странице «Одноклассников», была сделана давно, ещё в той, благополучной жизни, до того, как она разделилась для неё на «до» и «после».

И вот Надя у меня в гостях. С букетом прекрасных белых роз. Не просто моих любимых, а знаковых в моей жизни, о чём моя неожиданная гостья, конечно же, понятия не имела. Она выдохнула мне своё горе так просто, как будто мы были знакомы всю жизнь. Она рассказывала мне, как это страшно, когда дочь умирает от рака на руках у матери, и наше ставшее одним на двоих сердце цепенело от боли.

В двадцать лет, когда у других жизнь только начинается, Наташа узнала о своей смертельной болезни и уехала лечиться в Германию. Помогли ей совершенно незнакомые люди. Мать она берегла, о страшном диагнозе ничего ей не говорила. По телефону рассказывала, что живёт хорошо, скоро выходит замуж. Парнишка немец женился на ней, зная, что она обречена. Потому что не мог не жениться. Столько силы и света было в этой умирающей русской девочке, что её невозможно было не полюбить. Они прожили два счастливых года. Счастливых — несмотря ни на что. И только смерть разлучила их.

Последние месяцы Наташа провела в больнице, где её любили все. Угасая, она научилась жить не для себя — и радоваться жизни. И эту свою радость передавала в своих рисунках. На одной из её картин зелёный кипарис так мощно тянется к бездонному синему небу, что кажется, будто он прорастает сквозь него — в тот, иной мир.

Приехавший на похороны русской жены своего племянника дядя увидел этот же свет в её сломленной горем матери. И влюбился с первого взгляда. Так Надя осталась в Германии. Поближе к могиле дочери. А спустя два года получила известие из России, что по неизвестной причине умер во сне от остановки сердца её только что вернувшийся из армии сын Саша...

В своём немецком саду Надя посадила кипарис, который сначала видела на рисунке Наташи, а потом во сне — накануне ухода сына. Корни могучего зелёного дерева подкосились — и он упал. И там, во сне, ужасаясь, она всё пыталась его поднять, и всё подребала, подребала руками под корни чёрную землю...

Сейчас Наташин и Сашин кипарис в её саду вымахал так, что верхушка его мощно устремилась в небо. И кажется, будто он прорастает сквозь него. И теперь этот райский кипарис снится мне. «К своим двоим — беру двоих твоих...» — написала я в стихотворении после той, нашей первой встречи.

Надя живёт в Германии уже четверть века. Пять из них она ухаживала за парализованной матерью своего немецкого мужа. Ухаживала и молилась за неё. Всю жизнь считавшая себя протестанткой, свекровь перед смертью попросила позвать священника.

— Твоего? — спросила Надя.

— Нет. Твоего... — ответила свекровь. И за день до смерти приняла православное крещение. Потому что за всю жизнь она никогда не встречала таких людей, как её русская невестка.

Мы видимся с Надей два раза в год, когда она привозит сюда из Германии мать. Она приходит ко мне с белыми розами — и мы говорим и плачем, плачем и говорим... Она считает, что я ей помогаю, что эти встречи спасают её. Но я-то знаю, что это она спасает всех, кто рядом с ней... И меня тоже.

Я ВАМ СПОЮ

Я была папиной дочкой. Во всяком случае, я так считала. Он любил стихи — и я. Ему нравилось рисовать — и мне. Однажды в седьмом классе я прикрепила над письменным

столом вырезанный из «Огонька» портрет печально-прекрасной дамы. Папа сразу заметил. Честное слово! Я даже удивилась. Мы говорили с ним, как обаятельна была эта Лопухина, как точно передал художник этот глубокий, загадочный взгляд... Да, конечно, я была папиной дочкой.

Папа был умный и благородный. Когда к нам приходили гости, мама пела под гитару, а папа, как рыцарь, сидел у её ног и не сводил с неё влюблённых глаз.

— Галчиша, — говорил он, — споём про маму?

— *«Помнишь, мама моя, как девчонку чужую...»* — запевал он. И все вразнобой подхватывали: — *Я привёл к тебе в дочки, тебя не спросив. Строго глянула ты на жену молодую И заплакала вдруг, нас поздравить забыв...»*

Подпевал папа пронзительно. Всю душу вкладывал. Голос у него был негромкий, слуха никакого, но он брал чувствами... И на глаза мои наворачивались слёзы.

Потом пели «В Москве в отдалённом районе...», потом «Ах, эта девушка, меня с ума свела...» Много было хороших песен. Я тоже подпевала, тихо и безголосо, как папа.

Папа боготворил маму. Она была для него королевой. А для меня в короне был он, а мама жила в лучах его сияния.

Только однажды, помню, я любила маму всем своим существом. Даже больше папы. У меня была температура под сорок. И тут пришла мама — и положила мне на лоб такую прохладную, такую нежную маленькую руку. И там, в своём бреду, я была по-настоящему счастлива.

Зато бабушка была всегда рядом. Она пахла пирогами и длинными рассказами «про прошлую жизнь». Бабушка не любила папу. Когда он приходил с работы, она удалялась в свою комнату и закрывала дверь. Бабушка страдала, что она «никому не нужна».

Но тогда, в детстве, я, конечно же, ничего этого не знала... Ах, детство... Тогда было хорошо. Даже когда бабушка внезапно куда-то исчезла. Уехала — сказали. И мы с сестрой — ура! — целый день, как в праздник, провели с папой. Весь день ели яичницу и пили какао!

А потом нас устроили в детский сад. Мне там не понравилось. Я слышала, как в соседней группе орёт сестра, и решила уйти вместе с ней. В тихий час я осуществила свой план. Больше в садик мы не ходили. Бабушка вернулась. И была при нас всегда. Но папу она так и не полюбила.

...Умер папа. Умерла бабушка. Мама состарилась. Остались мы с ней вдвоём. Я чувствовала себя её старшей сестрой. То и дело её поучала и наставляла. Она казалась мне слишком простодушной и доверчивой. Мама слушала и не спорила. Только иногда говорила: «Какая ты у меня умная!»

Я ходила с ней на посиделки с её подружками. Когда она самозабвенно, чуть надтреснутым от болезни голосом пела под гитару рубцовских «Журавлей», по щекам её старушек подружек текли слёзы. А я сидела опустив голову и внутри себя страшно ею гордилась. А она хотела, чтобы я её просто любила.

...Но пришёл и мамин срок. Врачи сказали, что надежды нет.

— Ты кто? — спрашивает она меня. — Моя сестра? Мы с тобой так похожи.

— Почему сестра? Дочь.

— Дочь?! У меня есть дети? Разве я замужем?

— Да. Двое, — не удивляюсь я.

— И у тебя есть фотография моего мужа?

Я снимаю со стены портрет папы.

— Так это же инженер... — удивлённо смеётся она. — Я вышла за него замуж?..

Так я узнала, как папу называли в молодости его сверстники: инженер. Он, рабочий паренёк, единственный из их компании самостоятельно окончил экстерном горный институт, пройдя путь от простого шахтёра, стал главным инженером.

Папа рано осиротел. Мама, сердечница, умерла, когда ему, младшему в семье, было 15. Никому, кроме неё, он был не нужен. Но работал, учился. Упорный был. Так и прибился к нам — говорила бабушка. Пришёл в чужой дом с одной подушкой. Бабушка рассказывала эту историю всю жизнь, так и не приняв, так и не поняв, так и не полюбив его. А он очень нуждался в материнской любви и заботе. От её нехватки глаза у него были затаённо-грустные.

И вот сейчас мама, оказавшись уже наполовину по ту сторону, видит того парнишку, за которого выйдет замуж, живёт той молодой жизнью, встречается с теми, кого давно уж нет на этом свете.

— Как же тут много народу! — ахает она. — Толпы стоят... Не пробиться... Как же туда пройти? Лю-ю-ди! — кричит она. — Помогите!.. Ну, хотите, я вам спою?..

Мама начала умирать вечером, в канун своего 77-го дня рождения. Я позвала батюшку. Он её пособоровал и причастил. На другой день она впала в кому. Целый день её хриплое смертное дыхание разносилось по дому.

— Я не могу больше этого слышать! — рыдая, я закрывала уши руками. Казалось, это не кончится никогда, что мука будет длиться вечно.

Внезапно наступившая тишина была оглушающе громкой. Невыносимо громкой. А где-то в глубине живота вдруг

возникла резкая боль, будто оборвалась пуповина. Я и не думала, что она существует с матерью до конца.

Я купила маме чёрную юбку с кружевным низом и белую блузку с люрексом, какие она любила. Она лежала чистая и светлая. Казалось, она живая и даже тёплая, уютная такая в своём гробу..

Мы сильно подружились с мамой после моря пролитых мною посмертных слёз. И теперь видимся с ней в моих снах. Иногда она зовёт меня к себе. «Смотри, как у меня хорошо», — говорит она. Я заглядываю к ней в комнату. Действительно, хорошо... Уютно и спокойно. Но во сне я почему-то опасаться заходить к ней. Моя жизнь ещё не закончилась. У меня ещё остались земные долги.

И НЕ ЗАБУДЬ ПРО МЕНЯ...

Напротив моего окна растут две подружки-рябины. Я часто смотрю на них с балкона. Они всегда разные: то в белом, то в чёрном, то в струящемся сером, то в зелёном с белым кружевом, то в зелёном с коралловыми бусами, то в красном... Мне интересно с ними разговаривать, рассказывать им про свою жизнь... И они слушают внимательно, иногда кивают в ответ...

Деревья выросли на моих глазах. Сначала они были неуклюжими прутиками, а теперь почти переросли дом. А я наоборот. Чем больше живу, тем меньше становлюсь. И в прямом смысле, физически, и в своём собственном сознании. С детства я была не по годам рослой, на физкультуре стояла первой и всегда своего роста стеснялась. А теперь — самая маленькая в семье. Все меня переросли уже на целую голову.. И среди остальных людей я тоже уже не самая высокая — средняя.

В детстве я осознавала себя в центре. Я — и все остальные. И Бог, конечно, не мог меня не знать. Из всех Он меня выделял и во всём помогал — так я думала. Чего ни попросишь, даже ерунду какую-нибудь, — всё исполнял. Я к Нему — как к родителям обращалась: дай — и всё тут. А если на кого обижалась — сразу просила Его заступиться. Я же Ему роднее всех, Он же меня лучше знает, чем того, другого. Меня Он пожалеет, а того непременно накажет.

А сейчас я думаю — а знает ли меня Бог вообще? Я такая маленькая, такая пылинка — видит ли Он меня? Если даже среди людей я в последних рядах, то почему это Он должен меня видеть и слышать?

Говорят, видит и слышит всех. Наверное, так оно и есть. Но если видит и слышит — зачем же мне вперёд лезть и кри-

чать, что мои ноги болят сильнее, чем у кого-то рядом? И что душа моя якобы тоньше, чем у другого, и что мне якобы больнее, чем ближнему моему? Разве я могу это сравнивать? А Он может. Он всё про всех знает, значит, и про меня тоже.

А я? Что могу я? В своём таком маленьком большом мире? Говорят, надо делать добрые дела. Но что это такое? Каждый понимает добро по-своему, часто не считаясь с теми, кому это своё добро отдаёт. А бывает, что своё злое — выдаём за доброе. Или делаем добро — чтобы поставить себе галочку. Как же всё-таки научиться любить по-настоящему?..

Ещё говорят, что рост человека измеряется не сантиметрами от ног до головы, а километрами от земли до неба. Но где они, эти великаны? Наверное, они рядом с Тобой. Но я, такая маленькая, такая песчинка, мне так далеко до Тебя, что я Тебя не вижу. Только знаю, что Ты есть. Чувствую.

Я тяну к Небу свои крошечные руки и выпрямляю, как могу, свою согбенную спину. И с юных лет вместе с поэтом душа моя плачет:

*Пока Земля ещё вертится,
Пока ещё ярк свет,
Господи, дай же ты каждому,
Чего у него нет:
Мудрому дай голову,
Трусливому дай коня,
Дай счастливому денег...
И не забудь про меня...*

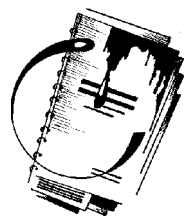
«И не забудь про меня, Господи...» — постоянно твержу я. Я видела Тебя только однажды во сне. Мы, люди, такие малюсенькие, каких я наблюдала когда-то в детстве с крыши дома, бегали по земле — и тут появился Ты. Во всё Небо! Даже больше. Но мы не могли задрать голову и разглядывать Тебя. Потому что сначала мы все враз остановились, как вкопанные, а потом в каком-то необъяснимом, горько-сладостном порыве, которому нет слов, все, как один, упали на колени лицом вниз — и только тогда по-настоящему увидели Тебя. И все, как один, выдохнули: «И не забудь про меня, Господи...»

г. Александров Владимирской обл.

БОРЬБА С СОДОМИЕЙ ИЛИ ЕЕ ИМИТАЦИЯ?

ЛГБТ-лобби очень могущественно. А потому неудивительно, что в стране до сих пор «толерантное» отношение к одному из главных факторов разложения общества. За 30 лет «реформ» вместе с политическими извращениями во власть (впрочем, как и в СМИ, и в крупные коммерческие структуры) массово попёрли сексуальные извращения и всякого рода содомиты. Часто и те и другие — одни и те же лица.

Структура ЛГБТ подобна масонской (у них тоже — часто одни и те же лица). Есть видимая часть айсберга ЛГБТ, которая показным образом «пропагандирует» свои извращения, пытаясь нормальных людей показать в виде «шовинистов», «ретроградов», «мракобесов», «фашистов» и т.д., а самих себя и свой содомский грех представить в качестве «прогрессивности» и нормальности. Но основная часть ЛГБТ-айсберга скрыта. Извращения во власти никогда не представляются публично, скрывают свою «особенность». Причем чем выше уровень власти, тем больше там в процентном соотношении содомитов, потому как они друг

ДОСЬЕ "МГ"

друга туда, во власть, активнейшим образом тянут, стремясь к абсолютной власти врага рода человеческого. Наибольший процент их, думается, в среде либеральных «политиков». В свете этого становится понятно, почему в государстве не удаётся категоричным образом запретить ЛГБТ. Этому мешало до недавнего времени и участие России во всевозможных западных организациях, таких как Совет Европы, базовые документы и принципы которых всенепременно предусматривают защиту прав «сексуальных меньшинств».

Кстати, статья 6.21 (пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних) появилась в КоАП в 2013 году после долгих попыток невидимого ЛГБТ-лобби спустить на тормозах соответствующий законопроект об установлении ответственности. В 2014 году «гей-активисты» пытались её оспорить. Но Конституционный суд признал эту статью КоАП конституционной.

В недрах Государственной Думы находился законопроект, предусматривающий запрет пропаганды «нетрадиционных сексуальных отношений» не только для несовершеннолетних (что отражено в действующем законодательстве), но для всех соотечественников любого возраста, который подразумевал ощутимые, миллионные штрафы за его нарушение. Но проект был снят с дальнейшего прохождения усилиями Комитета ГД по государственному строительству и законодательству (председатель комитета — Павел Крашенинников) на основании отсутствия заключения правительства и некоторых мелких недоработок. То есть в указанном комитете явно нашли формальный повод для «тормоза» нужного стране закона.

Но что мешало Крашенинникову в рабочем порядке помочь в устранении процедурных ошибок инициаторам внесения закона о наказании за пропаганду нетрадиционных отношений? Почему он не подсказал, как преодолеть формальные недочёты нового проекта? Или, может, он не ведает о тлетворном воздействии на культуру и духовные основы государства ЛГБТ-сообществ? Или он им сочувствует? Или ещё какая причина?

После таких действий комитета Крашенинникова и обращения внимания на это патриотических СМИ и общественности 8 июля, в день православного праздника Петра и Февронии председатель ГД Вячеслав Володин предложил полностью запретить гей-пропаганду. Сейчас её нельзя вести только среди детей, но этого недостаточно, справедливо полагает спикер Госдумы. Вячеслав Володин

также сообщил, что ГД в осеннюю сессию может вернуться к обсуждению запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений. По его словам, «с выходом из Совета Европы ушли в прошлое требования узаконить в России однополые браки».

11 июля комитет Госдумы по информационной политике (Александр Хинштейн) высказался за запрет пропаганды нетрадиционных отношений безотносительно к возрасту. Комитет по информполитике предлагал: распространить запрет на любую ЛГБТ-пропаганду (в офлайн, СМИ, интернете, соцсетях, а также в онлайн-кинотеатрах); установить административную ответственность за такую пропаганду, расширив ст. 6.21 КоАП; запретить распространение среди детей не только пропаганды, но любой другой информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и ужесточить ответственность за пропаганду педофилии.

Но отчего столь высокие лица в ГД (Володин и Хинштейн) ранее пропустили снятие с рассмотрения прежнего закона на данную тему? Почему затягивается весьма простой процесс (с точки зрения изложения и доработки текста законопроекта) принятия запрета на пропаганду ЛГБТ? Обсуждать очевидные вещи можно ещё сколь угодно долго. Насколько можно понять, текста хинштейновского законопроекта пока нет. Но в чём сложности его оформления? И всё ещё непонятно: идёт борьба с ЛГБТ и содомией или мы видим и слышим забалтывание процесса?

Даже в условиях действующего запрета на пропаганду ЛГБТ только среди несовершеннолетних органы власти могли бы сделать многое. Но не делают. Как пишут в СМИ, статистика судебного департамента Верховного суда свидетельствует, что применяется действующая статья 6.21 КоАП крайне редко: за весь 2021 год в суды поступило 16 возбужденных дел против 17 человек, наказаны были в итоге всего шестеро.

Но возьмём, например, только «свободный доступ» в подобные сообщества через Интернет: ЛГБТ-салоны, клубы, бары, сайты, гей-знакомства... Заходи, кто хочешь! И любой подросток — тоже. Во-первых, непонятно почему данные объявления и информация не отслеживаются и не блокируются техническим образом? Во-вторых, «накрыть» все эти «салюны» не представляет большого труда. Достаточно для начала прикрыть наиболее распиаренные из них и привлечь к ответственности соответствующих лиц. Остальные «салюны» поправятся сами.

Хоть это не искоренение проблемы, но очень весомые меры в борьбе с ЛГБТ. Но ведь практически ничего не делается! Почему? Видимо, потому что лоббисты извращенцев имеют свои щупальца и связи практически во всех структурах власти.

И нам остается только надеяться на то, что в Государственной думе примут наконец закон, запрещающий ЛГБТ-пропаганду для всех возрастов, а компетентные органы наметят скорейшие меры с целью практического решения этой проблемы.

ВРЕМЯ БЫТЬ С РОССИЕЙ

Как подтвердил бывший премьер-министр Украины Н. Азаров, «коллективный Запад» планировал использовать «Анти-Русь», в которую США и их союзники по НАТО превратили Украину после фашистского переворота 2014 года, как ударную передовую когорту в своем новом «крестовом походе» на восток. В этих целях в секретных биологических лабораториях Пентагона на территории Украины готовилось бактериологическое оружие, где специально отбирались вирусы и бактерии, наиболее смертельные для славян, что подтверждают обнаруженные там секретные документы, представленные Россией в ООН.

Стартовали и работы по возрождению ядерного арсенала Украины, которого она была лишена после развала СССР по Будапештскому меморандуму. США и страны НАТО накачивали Украину самым современным оружием на миллиарды долларов. Но самое главное — власти Украины приступили к интенсивной обработке молодежи в национал-фашистском, русофобском духе, включая детей, которых уже в детских садах приучали кричать «Москаляку на гиляку!» Это постмайданное поколение и

РУССКИЙ МИР

должно было пойти походом на Россию. Об этом можно судить по выпускникам военных училищ Украины последних лет — это убеждённые и фанатичные нацисты.

Планы заокеанских претендентов на мировое господство были разработаны самым тщательным образом. России, по сути дела, был предъявлен ультиматум отказаться от российского суверенитета и признать статус России как вассала Вашингтона.

С началом спецоперации на Россию обрушился целый каскад политических, экономических, культурных, спортивных и прочих санкций. Подавляющее большинство западных компаний разорвали связи с нашей страной. С аналогичными санкциями выступили в Японии, Австралии и Новой Зеландии. Некоторые страны разорвали с нами дипломатические отношения. На такой шаг США заставили пойти даже Микронезию — островное государство, где что ни остров, то военная база Пентагона.

В Европе и США даже переняли у большевистской революции лозунг «Грабь награбленное!» и принялись конфисковать зарубежные собственность и банковские вклады у российских олигархов, депутатов, госчиновников и даже у провластных пропагандистов. А вклады там немалые.

Санкции, конечно, ощутимо ударили по российской экономике, в значительной степени зависимой от Запада, Японии и Южной Кореи. Взятые по лицензии самолеты либо зарегистрированные на Бермудских островах не могут летать. Небо для них закрыто. Для иномарок нет запчастей. Лекарства, производимые западными компаниями, исчезли из аптек. Слава Богу, что задолго до этого кризиса у нас всё же начали заниматься импортозамещением, без чего и самолеты не летают, и авто не ходят. А то ведь даже картошку ввозили из Израиля! Вместо русских блинов перешли на бургеры из «Макдональдса». И теперь наша интеллигенция никак не может пережить, что эта американская обжорка исчезла с наших улиц вместе с приторным пойлом вроде «Коки» и «Пепси».

Бегство мировых брендов с нашего рынка обернулось потерей рабочих мест, дороговизной, инфляцией. Не буду перечислять. И без того ясно, что взяв на себя великую миссию защиты Русского мира, нашего Отечества, Россия переживает трудные времена.

Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров отметил, даже с каким-то удивлением, что реакция Запада на действия России на Украине «совершенно остервенелая». По его словам, это показывает, что «бой идет не на жизнь, а насмерть за право России быть на политической карте мира».

Для каждого патриота России во времена противостояния с внешним врагом вопрос «С кем быть?» не стоял никогда. Быть надо с Россией. От этого решения зависит прежде всего главный вопрос: быть самой России или не быть? Даже колебания в этом вопросе, даже равнодушие могли, как показывает история, привести к полному исчезновению России, к растворению Русского мира в чужеродной вере и культуре. Так едва не случилось после междоусобицы и распада Киевской Руси, что и привело к ее поражению в ходе монгольского нашествия, начавшегося в 1237 году, и почти 300-летнему чужеродному игу татаро-монгольских варваров.

Испытание Руси на прочность в годы Смуты (1598—1613) также могло обернуться ликвидацией ее государственности, если бы не единение русского народа в сопротивлении иноземным захватчикам и их ставленникам и прислужникам. Только благодаря такому единению, русский народ смог одержать победу и сохранить Россию в ходе нашествия европейских полчищ на нашу страну под штандартами Наполеона Бонапарта в 1812 году, а также в годы иностранной интервенции и Гражданской войны 1918—1921 годов. Память об этих победах, опыт русского единения помогли нам победить и в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Увы, забвение этих традиций единения, попустительство пятой колонне привели к распаду Советского Союза в 1991 году, когда Россия потеряла треть своей территории и вернулась к границам времен Петра Первого.

Почему так получилось, кто виноват? Споры идут до сих пор. Самое простое, конечно, объяснить всё тем, что Горбачева и его команду завербовало ЦРУ. При этом ссылаются на случай с вербовкой «архитектора перестройки» А. Н. Яковлева, доказательства чему нашел бывший шеф КГБ В. Крючков. Но это случай, скорее, единичный. А развал СССР Горбачев и его горе-перестройщики допустили потому, что забыли уроки истории, и поэтому их провели, что называется, на мякине. Их уверили, что Запад относится к России сугубо доброжелательно и всячески озабочен тем, как улучшить жизнь ее граждан, обеспечив им все права и демократические свободы. Никогда не забуду, как в ноябре 1985 года в Женеве, откуда я передавал репортажи о встрече Горбачева и Рейгана, американский президент похлопал генсека КПСС по плечу, а тот преданно смотрел ему в глаза. Рейган в это время уже готовил свою знаменитую тайную директиву о ликвидации СССР. Увы, Запад и тогда, и сейчас, и сотни лет до этого был озабочен не диалогом с Россией, а поисками средств и методов ее уничтожения.

«Запад никогда не знал России и не понимал ее, — писал великий русский философ Иван Ильин, оказавшись в эмиг-

рации. — Не зная ее и ее языка, не чуя ее духа, он верил всякому вздору о ней, и сам сочинял и распространял этот вздор. Европа боялась России, не любила ее и презирала ее. Она всегда была готова навредить ей, ослабить и оклеветать ее. Запад интересовался Россией лишь в торговом и военном отношении; да разве еще в смысле возможного расчленения или подчинения ее. Следуя тайным указаниям европейских политических центров, которые будут впоследствии установлены и раскрыты исторической наукой, Россия была клеветнически ославлена на весь мир как «оплот реакции», как гнездо деспотизма и рабства, как расадник антисемитизма, как колосс на глиняных ногах.

Ничего не переменилось с тех пор, как были написаны эти строки. «Либеральные» интеллигенты по-прежнему смотрят на Запад сквозь розовые очки, как на икону. И никакие документальные свидетельства зверств американской военной во Вьетнаме, в Ираке, на Ближнем Востоке не помогают развеять эти либеральные иллюзии. Можно опубликовать сотни докладов о том, как пытаются узников в спецтюрьмах ЦРУ и как на улицах американских городов полицейские расстреливают детей только потому, что те навели на них игрушечные пистолеты, и все равно «Рашка», как они именуют Россию, хуже всех. И переубедить их невозможно.

Наши ведущие либералы о толерантности вспоминают только тогда, когда им наступают на хвост. Но вот в 1993 году они вдруг о толерантности забыли, когда составляли позорное «Письмо 42» в поддержку обстрела из танков российского парламента. Под тем письмом стоят подписи тех, кого называли «нашей совестью и надеждой» — от Беллы Ахмадулиной до Булата Окуджавы. А Василий Аксенов, присоединившийся к этому письму из Франции, вообще потребовал у Ельцина поставить к стенке всех тех, кого не удалось пристрелить в Белом доме. Увы, тогда либеральная интеллигенция предала Россию. Не в первый раз в нашей истории. Да и сейчас, когда всю разворачивается наступление мировой русофобии против нашей страны, господа либералы в лучшем случае держат нейтралитет, а в худшем — в варианте «Открытой России» Ходорковского, например, активно предлагают Западу свои услуги в его антироссийском «крестовом походе», да и сам этот олигарх в своей сети открыто призывает россиян к выступлениям против власти и «штурму Кремля». Этот либеральный интернационал объединяет злейших врагов России в странах «коллективного Запада» и проамериканского Востока. Со времен Гоббса и Локка либерализм, выступая под лозунгом защиты прав человека и гражданина, примерил великое множество масок и доктрин, дабы

скрыть свою истинную суть и конечную цель. А она, как теперь очевидно, сводится к установлению власти над человечеством международной денежной и интеллектуальной элиты, именующей себя «либеральной».

За последние годы в России сформировалась достаточно многочисленная либеральная оппозиция. В основном это всё та же творческая и техническая интеллигенция, тесно связанная со своими зарубежными коллегами не только по роду своей деятельности, но и, так сказать, «духовно». Этих элитариев предостаточно и в правящем классе России, и в чиновничестве. У них есть своя система финансирования в виде правительственных и частных грантов, свои СМИ и соцсети. По сути, это даже не оппозиция, которая необходима в демократическом обществе, а пятая колонна, способная быстро мобилизовать своих сторонников на массовые выступления протеста против власти. Их лозунг — «Мы власть!» И они не скрывают, что хотят ее захватить. Многолетняя толерантность по отношению к этой публике граничила с потерей бдительности, о чём предупреждали даже некоторые зарубежные публицисты. «Сколько синяков должно еще получить российское правительство, чтобы осознать эту основную неизменную реальность?» — писал известный американский экономист и публицист Пол Крейг Робертс в своей статье «Предает ли Россию ее интеллигенция?»

Фактор определяющей роли интеллигенции в противостоянии Запада и Востока особо почеркнул американский политолог Сэмюэль Филлипс Хантингтон в своей знаменитой статье «Столкновение цивилизаций», опубликованной еще в 1993 году в американском журнале *Foreign Affairs*: «Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Наиболее важные границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой».

Этот фактор был учтен «коллективным Западом» и сработал на 100% в годы перестройки, приведшей к развалу исторической России. Учли его и при подготовке нового сценария уничтожения Русского мира, который был взят на вооружение при президенте США Обаме и продолжен при его выкормыше Байдене. «На фоне военной операции голову поднимает подрывной «пацифизм», — читаем на сайте EADaily. — Склонение сограждан к холопству перед «за бугром» — родимое пятно горбачевщины и ельцинизма. Линия фронта пролегает не между Россией и Украиной, а между русским и антирусским, элитарным, фашистско-нацистским».

И не случайно, столкнувшись с выступлением прозападной либеральной оппозиции в России против начатой им спецоперации в Украине, В.В. Путин открыто заговорил об угрозе этой пятой колонны: *«Да, безусловно, они будут пытаться делать ставку на так называемую пятую колонну, на национал-предателей, на тех, кто зарабатывает деньги здесь, у нас, а живет там, и «живет» даже не в географическом смысле этого слова, а по своим мыслям, по своему рабскому сознанию. Я совсем не осуждаю тех, у кого вилла в Майами или на Французской Ривьере, кто не может обойтись без фуа-гра, устриц или так называемых гендерных свобод. Проблема абсолютно не в этом, а, повторю, в том, что многие из таких людей, по своей сути, ментально находятся именно там, а не здесь, не с нашим народом, не с Россией. Это и есть, по их мнению — по их мнению! — признак принадлежности к высшей касте, к высшей расе. Подобные люди готовы и мать родную продать, только бы им разрешили сидеть в прихожей у этой самой высшей касты. Они хотят быть похожими на нее, всячески подражая ей. Но они забывают или не понимают вообще, что этой так называемой высшей касте они если и нужны, то как расходный материал, чтобы использовать их для нанесения максимального ущерба нашему народу».*

Как только началась «Операция Z», из России в зарубежный «отпуск» потянулись наши «звезды», неожиданно объявившие себя «пацифистами». Они не делали, как правило, громких заявлений и чаще всего тихо укрывались «до поры» в своих давно оборудованных на этот случай виллах в Израиле, где оказались Пугачева, Ургант, бард-матерщинник Слепаков, в США, где проживает всё еще молодой певец Валерий Леонтьев, в Прибалтике и в других странах. Эти «звезды», уже давно обосновавшиеся на Западе, зарабатывали бешеные гонорары на русском Клондайке, который, по их словам, «пахнет кирзовыми сапогами». Но вот получаемые там деньги — почему-то не пахнут. Самый высокий гонорар за одно выступление у Аллы Борисовны Пугачевой — 250 тысяч евро (15,7 млн. руб.). У Киркорова в год получается 10,4 млн. долларов, у Г. Лепса — 12,2 млн. долларов. Н. Басков зарабатывает в год 7,4 млн. долл., Д. Билан — 3,8 млн., И. Ургант — 2,2 млн. долл., С. Михайлов — 3,6 млн. долларов. И так далее. И это только официальные данные. С учетом приработков этих «звезд» на корпоративах да на выездах с выступлениями за границу, где бухгалтерский учет, как правило, для наших налоговиков закрыт, эти показатели вырастут в разы.

Актриса Мария Шукшина сравнила звездных «пацифистов» с рептилиями: «Когда говорят про эту «элиту», то почему-то сразу вспоминается рекламное предложение: «Элит-

ные рептилии от заводчика». Не хочется быть грубой, но то, как себя показала теле- и шоу-бизнесная «элитка» — прямое следствие воспитания того самого «заводчика», который расплодил свои «питомники» во всех сферах культуры (бескультурия!). Рептилии мечутся, шипят, кусаются, расползаются...» — написала Шукшина.

Кинорежиссер Никита Михалков в своей авторской программе «Бесогон» обратился к «этим плакальщикам-пацифистам и борцам за мир», среди которых оказались юмористы Екатерина Варнава и Максим Галкин, телеведущая Настя Ивлеева, певцы Андрей Макаревич, Манижа, экс-звезда КВН и юмористических шоу Татьяна Лазарева, звезда шоу-бизнеса Валерий Меладзе и другие. У всех этих людей появился пост в социальных сетях с призывом: «Нет войне!» «У меня вопрос к этим плакальщикам-пацифистам, борцам за мир, — сказал Н. Михалков, — а что же вы молчали, когда был совершен бесстыдный переворот, путч, почему вы молчали? Вас никого не возмутило это. А дальше почему молчали, когда убивали снайперы людей на майдане?.. Почему вы не плакали, не рыдали, не возникали, не возмущались, когда это происходило на ваших глазах? Почему вы сейчас заверещали так все?» — вопрошал г-н Михалков. И ответил сам на этот вопрос: «Потому что ваши дети учатся там, потому что там банки, не дай бог, что-нибудь перекроют, у вас там дома, квартиры, яхты... Это страшно, и, чтобы этого не случилось или, по крайней мере, вас это не затронуло, вы сейчас рыдаете по поводу бедного украинского народа».

Михалков предложил этим своим коллегам, «которые рыдают сегодня по поводу событий на Украине», уехать из России туда, где, по их мнению, есть настоящие правда и справедливость: «Езжайте туда! Почему вы не едете? А потому что там вы тратите деньги, а здесь вы их зарабатываете. И платит вам, как правило, государство».

Ольга Кормухина в своем Telegram-канале так сформулировала позицию большинства россиян по отношению к Пугачевой, Галкину, Урганту и всем, кто сбежал «на лечение», как только ситуация в стране изменилась: «Не многовато ли «израильтян» стало в новостной повестке последних дней? То всей толпой туда резко здоровье поправлять, то оттуда нам оценки ставят, как школьникам. Нет уж, ребята! Умерла так умерла!»

В России вряд ли кто будет переживать по поводу таких «утрат». Еще несколько лет назад Ирина Янковская призвала: «Давайте всем миром скажем осточертевшим Пугачевой, Галкину, Киркорову, Баскову, Урганту, Познеру, Макаревичу исчезнуть из нашей жизни навсегда! Именно мы с

вами всё сделали для их сытости и показушной роскоши, а эти людишки возомнили себя Бог весть кем! До тошноты, до омерзения слушать и слышать что-либо о них, а видеть, ну, просто невыносимо!!! Весь интернет переполнен рассказами и показами их детей, их домовладений, их самих, любимых. Побойтесь Бога, господа хорошие, и без пинков в зад уйдите с миром, уверяю, никто вас не позовет вернуться! И будьте счастливы, но без... нас!» А ведь как в воду смотрела!

Эта псевдоэлитная публика всем осточертела. Гнать ее с телеэкранов и концертных площадок надо было давно, потому что именно их бесконечная тусовка стала генератором пошлости и дурновкусия, а обслуживающие их СМИ с рассказами о том, какие у них виллы и замки, как похорошела примадонна в свои семьдесят с лишним лет после очередной пластики, всем уже стоят поперек горла.

Все эти «израильтяне» сегодня и сами понимают, что обстановка в России радикально изменилась не в их пользу, что они здесь более не нужны и никогда уже не будут востребованы. Точно так же, как и их коллеги по либерально-политической эстраде, на которой они выступали вместе со времен горбачевской перестройки. Один из наиболее известных ораторов «болотной оппозиции» известный русофоб Леонид Гозман выступил с целой речью в интернете, открыто признав очевидный факт: ни он, ни его коллеги в нынешней России более не востребованы. И на ток-шоу, где они регулярно витийствовали, им дали от ворот поворот. И Гозман потерял над собой контроль, он взбешен и уже не стесняется в выражениях: «У нас пишущие гвоздем на автомобиле (Гозман побоялся, видимо, употребить более оскорбительный термин в адрес простого народа. — **В.Б.**) почувствовали, что пришел их час. Новая система — а она при прежних руководителях новая! — будет опираться именно на них, именно их она объявит правильными людьми, носителями скреп, духовности и патриотизма. Собственно, их картину мира уже давно озвучивали федеральные каналы, но пропагандисты в основном просто дурака валяли за хорошие деньги, а эти искренне. Они верят и во врагов, и в заговоры, и в то, что всех победим. Их будут поощрять, продвигать, а на их мелкие шалости типа погромов и избиений «тех, кто в шляпе» смотреть сквозь пальцы. Мы теперь будем жить в стране, в которой именно они — в тренде. И как мы теперь будем жить со всем этим и со всеми этими? Без СМИ, без социальных сетей, с закрытыми границами?» «И как мы теперь, — заключает Гозман свой глас вопиющего в пустыне, — продолжим борьбу за ту Россию, которую мы хотим видеть? Простите, что вопросы есть, а ответов пока нет — будем искать».

Искать они, конечно, будут, как и новые источники финансирования, от которых эту публику у нас постепенно отключают, после того как вырубил из эфира русофобское «Эхо Москвы». И с Запада они получат свои серебряники. Эти люди полагают, что они действительно нужны и востребованы в России, считали себя властителями умов и верили в то, что их слушают и им верят. И вдруг поняли по реакции подавляющего большинства россиян на события на Украине, что они так же никому не нужны, как и их единоверцы из эстрадной тусовки.

Конечно, наверное, не всю российскую либеральную интеллигенцию следует относить к пятой колонне. Для многих из тех, кто верил в западную демократию и считал себя гражданами мира, быть отвергнутыми в своей стране — это трагедия. Вот только виновны в ней они сами, и чем раньше они это осознают, тем легче им будет жить в нынешней России. И не будем путать сервильную полуинтеллигенцию, готовую обслуживать кого угодно ради денег и привилегий, и настоящую русскую интеллигенцию, лучшие представители которой всегда были патриотами России, даже если и не соглашались с властью.

Нынешнее противостояние с Западом будет только нарастать. Там уже признали, что «санкции достигли своего предела». Всеми правдами и неправдами на Украину переправляют оружие и наемников. Скрывают правду о преступлениях неонацистов и ежедневно обрушивают через СМИ мегабайты лжи о России и ее вооруженных силах, действующих на Украине.

«Запад не просто пытается обнести Россию новым железным занавесом, — говорил руководитель Службы внешней разведки России С.Е. Нарышкин. — Речь идет о попытках разрушения нашего государства — его «отмены», как принято сейчас говорить в «толерантной» либерал-фашистской среде. Что самое отвратительное, делается это под лживые лозунги о необходимости защиты суверенитета Украины и европейской безопасности».

В этих условиях как никогда востребована сплоченность россиян в навязанном нам Западом противостоянии. Министр иностранных дел РФ С. Лавров сказал на одной из своих пресс-конференций, что Запад в конечном итоге «перебесится». Вашими бы устами, Сергей Викторович, да мед пить! Увы, не перебесится те, кто вот уже более ста лет пытаются осуществить планы по разделу России и стереть ее с лица Земли.

Так что будем едины и бдительны!

ГЛАВНАЯ УГРОЗА НАШЕМУ БУДУЩЕМУ

Сегодня Россия переживает коренной нравственный кризис, представленный в предельно обнаженном виде войной на Украине русских против русских. В этой самоубийственной проекции сегодняшней русской действительности вполне убедительной выглядит мысль Бисмарка о нравственных путях достижения победы над Россией: «Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить лживые ценности, и тогда они победят сами себя». На фоне такой нравственной угрозы русскому будущему возникает судьбоносный для России вопрос: что определяет духовную самость русского народа, способную удерживать его от самоубийственного безумия?

Для ответа на поставленный вопрос мы должны, прежде всего, определить место России как генерального продукта духовных усилий русского этноса в современном пространстве исторической жизни человечества. Доминировавшая в прошлом веке в отечественной социально-исторической науке марксистская теория общества как смены общественно-экономических формаций отвергает своим учением о классовой борьбе

РУССКИЙ МИР

в развитии социума целостность этнических сообществ, в том числе и русского. Поэтому марксизм не может служить нам концептуальным основанием в поиске ответа на вопрос о русской духовной сути.

Таким идейным основанием в осмыслении нравственной природы русского народа будет выступать для нас цивилизационная концепция общественной жизни, сформулированная в исходных чертах русским мыслителем XIX столетия Н.Я. Данилевским. Согласно пониманию исследователя, общество есть продукт взаимодействия социальных и природных сил в коллективной деятельности людей, формирующих общественную реальность в виде цивилизаций как региональных объединений их совместной жизни, выражающих в соответствии с природными условиями и социальными факторами устойчивое самосознание народов. Другими словами, цивилизации представляют дух народов в чувственно-предметных формах их практической деятельности. Народные массы, этносы, а не классовые объединения, выступают в цивилизационной концепции ведущими субъектами социальной истории человечества.

Главной чертой современного этапа развития общественной жизни является «глобализм» как доминанта в функционировании региональных социальных систем универсальных закономерностей, в максимальной степени приближённых к требованиям объективной реальности. Исторической предпосылкой утверждения «глобализма» в жизненной практике современного общества стала гибель Советского Союза с его идеологией классовой борьбы как двигателем общественного прогресса, запрещающей этносам стремиться к духовной консолидации в претворении будущего. Технологической основой глобализации стала универсализация информационных зависимостей в общении людей, распахнувшая всякому индивиду дверь к усвоению знаний мирового социума и этим направляющая их к продуктивной личной самореализации. На фоне такой информационной «открытости» мирового сообщества и проверяется идейная стойкость, духовная сплоченность народов современных цивилизаций, представляющих генеральные идейные устремления всемирного социума.

В то же время информационная «всемирность» современного социума не лишает цивилизационные системы духовного своеобразия, а позволяет установить их главные приоритеты в осмыслении действительности, выражающие наиболее зримые грани мировой реальности, характерные привязанности общества к особенностям окружающей среды.

Такая «генерализация» общественных приоритетов раскрывается в жизнедеятельности всемирных цивилизаций как общественных систем, привязанных в своем функционировании к наиболее важным особенностям окружающей среды и с максимальной рельефностью представляющих в связи с этим духовное своеобразие народных масс.

Для всемирных цивилизационных систем характерна склонность следовать в планировании своих разумных действий требованиям логических законов. Так, Южная цивилизация утверждает приоритетную значимость в осмыслении действительности принципа «тождества» (неизменности), Восточная цивилизация руководствуется в своих планах требованием «непротиворечия» (единства), Западная культивирует закон «исключения третьего» (одномерности), а Северная исповедует дух «достаточного основания» (целостности). В предметных основаниях своего осмысления действительности цивилизации указали людям собственными логическими приоритетами на реальность «природы», «социума», «индивида» и «мировой целостности». Таким образом, первым шагом нравственного самоопределения русского народа в пространстве глобального социума является его идентификация как генерального представителя Северной цивилизации, склонного к восприятию действительности в качестве целостной, единой многомерной реальности, способной к саморазвитию.

Выявленная духовная самость русского люда оказывается, по своей сути, той же самой, что и самость всего человечества: это осмысление собственного существа в реалиях мировой целостности. Практическая неопределенность духовной сути русского характера свидетельствует о его крайней разветвленности в историческом пространстве современной действительности, что оказывается крайне удобным средством при освоении самых разных регионов земли и в общении с представителями самых разных народов. Но та же «всемирность» русского духа оказывается и «крайне опасной» для самосохранения русского народа чертой, связанной с возможностью разбазаривания духовных богатств русской природы ради достижения чужих целей и реализации злонамеренного умысла враждебных сил для растворения его существа среди других этнических групп. Именно такую эпоху злонамеренной деструкции русских масс и переживает ныне русский народ. Целенаправленное уничтожение русской духовной самости началось не сегодня и не вчера, а, по крайней мере, сто лет назад, когда в 1917 году было свергнуто русское самодержавие и на его обломках утвердилась власть

так называемых «большевиков», провозгласивших своей главной задачей осуществление всемирной коммунистической революции «безродного» пролетариата, призванного разжечь на обломках имперской России пожар «мировой революции».

Однако коренной здоровый дух русского народа протестует против осуществления этого плана духовного самоуничтожения русской нации. Полномочным выразителем нравственной сути русского существа служит русская философия, возникшая в XVIII веке в размышлениях Гр. Сковороды и обличениях А.Н. Радищева, выразившая свой нравственный потенциал в споре славянофилов и западников, обнажившая в сочинениях В.С. Соловьёва интеллектуальную мощь собственных способностей и раскрывшая многообразие направлений своих мыслей в творениях «Серебряного века». Большевицкая власть, следуя продуманным предписаниям своих «нерусских вождей», решила полностью лишить русский народ сокровенного разума и выслала в 1922 году из советской России так называемый «философский пароход», вымывая из страны остатки интеллектуальной элиты общества в лице российских философствующих мыслителей. С той поры у нас в стране утвердилось негативное отношение к философии и ее творцам, отстранив их от народного просвещения и поставив на их место теоретиков примитивного марксистского учения «экономического детерминизма», обанкротившего на рубеже 80—90-х годов прошлого века Советский Союз и вызвавшего распад советской державы.

Новая «демократическая власть» вместо возвращения страны к идейным началам русской философской мысли вообще запретила в статье №13 ельцинской Конституции РФ от 1993 года иметь россиянам какую-либо «государственную идеологию», обрекая российское общество на блуждание с «идейно завязанными глазами» по тёмным переулкам глобального социума. Кровавым результатом этих блужданий стала новая Гражданская война «украинцев» с русскими, инспирированная злонамеренной волей мировых кураторов. Главным лозунгом каждого из русских «соперников» в праве на самоубийство служит призыв — «война до победного конца», что обещает почти полное самоистребление русского народа, вполне соответствуя в этом плане замыслам мировых проектировщиков катастрофического будущего России. Одной из спасительниц русского народа от исторической гибели способна стать русская философия как средоточие творческой энергии русского национального самосознания.

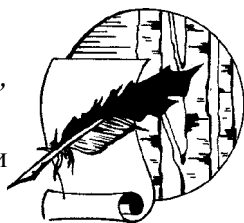
Но статья №13 Конституции РФ о запрете государственной идеологии продолжает болтаться на груди постсоветской России, не разрешая философской мысли притронуться к управленческим рычагам развития страны. Хочу обратить внимание на то, что с информационных площадок государственного вещания страны полностью исчезли актуальные беседы солидных отечественных мыслителей, способных прояснить зрителям ход современной истории; вместо этого каждую неделю прогоняют цикл «веселых» разговоров «ни о чем» от Соловьева или какого-то другого ушлого журналиста, где главным корифеем разумной мысли выступает сам «ведущий», которому дружно подпевают толпа других представителей прессы или бывших военных, не ведающих, что такое русская философия и что представляет собой мировое целое в описании современной научной мысли. На самом же деле страна катится в сторону пропасти, направляемая идеологическим безмыслием политической власти, хозяйственным торгашеством «предпринимателей» и парадными бубнами представителей отечественной музкомедии. И только подлинная русская философия способна предотвратить национальную катастрофу. Для этого она, обладая мировой творческой энергией, обязана отформатировать русское самосознание и в качестве государственной идеологии утвердить его на века.

ПРОРОЧЕСТВО ПОЭТА

К 85-летию Вячеслава Богданова

Задаю себе вопрос: почему я никогда прежде не писал о Вячеславе Богданове, с которым дружил от первых наших книжек до его последней? Думаю, потому, что писание такого рода не есть дань памяти, а скорее (по крайней мере для меня) осознанные часы прощания с человеком, которого все годы чувствуешь рядом, видишь его глаза, улыбку, слышишь его голос... Сердце не смиряется с тем, что все мы смертны. Что это «жизнь, и она пройдёт...» Но жизнь проходит, а память обостряется. Мы — сверстники, люди одного поколения, одного уральского «поэтического подлеска», как любили нас называть старшие коллеги: Людмила Константиновна Татьяничева, Михаил Давыдович Львов и Борис Александрович Ручьёв. Я неслучайно написал коллеги, потому что не считаю, что в литературе могут быть учителя... У поэта — один учитель. Это его талант, данный Богом. Всё остальное — судьба и путь. У каждого они свои, до тебя не пережитые и нехоженые. Конечно, нельзя отрицать, что, скажем, Сергей Есенин своим творчеством собрал в поэтическую дорогу для Вячеслава Богданова свой туесок, который кормил и поил раннее творчество поэта.

*Я вовеки песню ту не брошу.
И пойду, уверенный, в дела,
Как идёт разгневанная лошадь,
Закусив стальные удила.*

Не знаю, кому сказать «спасибо» — то ли

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

власти советской, которая финансировала не только писательские организации бескрайнего государства, но и многочисленные семинары молодых писателей от Дальнего Востока и Сибири (Чита, 1962; Кемерово, 1966) до Москвы и Ленинграда, то ли нашим корифеям литературы, которые находили время для общения с молодыми литераторами, делающими первые шаги в профессии, не давая нам оступить и сломать головы на этом опасном пути.

На Кемеровском всесоюзном совещании молодых писателей мы с Вячеславом Богдановым оказались в семинаре, руководителем которого был выдающийся русский поэт Василий Дмитриевич Фёдоров, только что издавший тогда книгу стихов «Третьи петухи», за которую вскоре он получит Государственную премию имени Максима Горького.

Пожелания и рекомендации — всё это, безусловно, нам пригодилось. Молодых писателей, чьё творчество имело самостоятельное художественное значение, рекомендовали для приёма в члены Союза писателей СССР. Конечно, все мы об этом мечтали. У Вячеслава были тогда стихи, которые тормозила к изданию цензура, но в «кулуарах» совещания он их читал...

Естественно, руководители семинаров, такие как Ярослав Васильевич Смеляков, Борис Александрович Ручьёв и другие, поплатившиеся в своё время за поэтическую дерзость, предостерегали Богданова, но что эти предостережения для молодого парня, прошедшего Коксохим металлургического завода! Однако Марк Соболев сказал ему: «Богданов, в Союз писателей вступишь только через мой труп!» Слава очень расстроился и передал этот разговор Василию Фёдорову. Тот только загадочно улыбнулся: «Не переживай, Слава. Перешагнём!»

Но главным событием для нас было то, что Василий Дмитриевич повёз нас в свою родную деревню Марьевку и в город Анжеро-Судженск, с гордостью показывал высокую кирпичную трубу, которую воздвигнул его отец-каменщик, и, конечно же, на речку своего детства Яю, в которой мы купались и пытались (правда, безуспешно) ловить бреднем рыбу. Это было важнее и полезнее всех семинаров и литинститутов. Это было щедрое переливание чувств из души в душу... Своеобразные песочные часы нашего становления.

Василий Дмитриевич очень скорбел по поводу безвременного ухода из жизни Вячеслава, дорожил его дружбой. Они любили друг друга и часто спорили до ссор. Мне неоднократно приходилось мирить их в Доме литераторов, благо что это было не так уж и сложно. По итогам совещания Слава стал членом Союза писателей СССР и возглавил литературное объединение Челябинского металлургического завода. Многие члены этого литобъединения пополнили областную писательскую организацию.

Родившись в Тамбовской глубинке, Богданов как поэт состоялся и возмужал на Урале. Виктор Фёдорович Боков, с кем также был очень дружен Вячеслав («Мои стихи оценил сам Боков», — с гордостью говорил молодой поэт), писал: «...органическое слияние двух начал — души сельской и рабочей — создаёт поэта самобытного по своему духу».

*Поклонясь деревенской избе,
Где нужды пережито немало,
Я ушёл из Тамбовских степей
Под железное пламя Урала.*

Если сердце стихов Богданова — Урал (город), то образный и по-снайперски меткий язык его поэзии дала ему деревня. Он по-сыновьи переживал её судьбу, понимая, что, если спасём деревню, значит, спасём наш язык. А если спасём язык, то сохраним государство и русский мир, ибо язык и народ — слова-синонимы.

*Молодёжь покинула деревню,
Заманили звоном города...
И об этом шепчутся деревья,
И луна сгорает со стыда.
Лишь собаки лают обалдело
У столбов на ламповый накал...
Город, город!
Что же ты наделал? —
У деревни молодость украл...*

В Москву мы приезжали как на пир поэзии. Будучи ещё совсем молодым, Богданов был знаком со многими замечательными поэтами середины прошедшего века: Александром Прокофьевым, Михаилом Лукониным, Дмитрием Ковалёвым, Николаем Глазковым, Николаем Тряпкиным...

Пленумы Союза писателей и съезды, куда нас приглашали поначалу как гостей, а позже и как делегатов, были для нас событиями, которые заряжали нас надолго не только творческой энергией наших классиков, но и желанием встреч с нашими читателями. А встреч таких было превеликое множество. Наверное, на Южном Урале не было тогда ни одного завода, Дворца культуры, школы, института, училища, где бы не выступал со своими стихами Вячеслав. Бюро пропаганды литературы работало как часы, не зная сбоев. Поэтому он мог позволить себе уйти с завода на «вольные литературные хлеба» и жить безбедно. Сейчас это звучит, как сказка. Но что

было, то было. Помню, как на одном из съездов, во время приёма, Александр Прокофьев (а мы его как поэта изучали ещё в школе), узнав, что мы из Челябинска, с доброй улыбкой, несколько окая, сказал: «Хорошая волна идёт с Урала. Дай-то Бог!» Одна фраза. А как она поддерживала нас, молодых.

Вячеславу Богданову повезло: у него есть прекрасный брат — Виктор Михайлович Сошин, усилиями которого творчество Вячеслава Богданова вернулось в духовную жизнь России. На родине поэта, на Тамбовщине, ежегодно проводятся Богдановские чтения, открыт музей поэта, его именем названа районная библиотека, улица, утверждена литературная премия «Светунец», выдаются стипендии одарённым школьникам. Установлен памятник работы народного художника России Н.А. Селиванова. На Урале его стихи включены в школьную хрестоматию.

Книга его «Избранной лирики» вышла в Челябинске в 1975 году за два месяца до его гибели. Сборник заканчивался стихотворением «Желание», посвящённым Валентину Сорокину:

*За какими делами захватит
Час последний в дороге меня?
Я б хотел умереть на закате
На руках догоревшего дня.*

«Уж сколько раз твердили миру», чтобы поэты не писали стихов о своей смерти до рокового часа, но «только всё не впрок»... Эти пророчества, как правило, сбываются. Как тут не вспомнить рубцовское:

*Я умру в крещенские морозы
Я умру, когда трещат берёзы...*

Николай и Вячеслав были очень дружны. Случалось, что мы втроем гуляли по Москве в поиске «приключений», благо, что цены советских времён позволяли молодым поэтам «ни в чём себе не отказывать». Гонорары, несмотря на редкие наши публикации, исправно платили не только издательства, но и все журналы и газеты.

В стихотворении «Раздумье» в разговоре с Николаем Рубцовым Вячеслав пророчествует:

*Только знаю, что в час мой последний
Мне в деревню захочется, друг...*

В кармане Славы нашли билет в Тамбов. Не успел. Не доехал...

Вячеслав БОГДАНОВ
(1937—1975)

РУСЬ

Обжитый мир под солнцем, под луной
И под лучами звездными косыми,
Где дух веков кружится надо мной
И распахнулся далями России.
И я иду навстречу тем векам,
Голубоглазый, русский, коренастый.
Колосья прикасаются к рукам,
Озера колыхаются глазасто.
Земля всю вращается, кричит
Холмом, золой, что с ней на свете было...
Роняет солнце тихие лучи
На обелиск,
На братскую могилу.
И кланяюсь я прошлому опять,
Родной земле за все крутые были.
Я в мир пришел — творить, а не рыдать,
Века и так к нам на слезах приплыли...
Нам прошлое сегодня, как броня,
И в нас живут его земные боли.
Не потому ль мы встали у огня,
Не потому ль мы распахали поле?!
И, вглядываясь в лица наших дней,
В лицо огня и пашни, неба, пуши...
Мне каждый раз становится видней
Прямая связь меж прошлым и грядущим.

ВЕТРЫ

Развел в пути я множество костров
И в час прозренья для себя приметил:
Раскромансирован мир на тысячи ветров,
Есть ко всему попутный в жизни ветер.
Есть ветер зла,
Есть ветер суеты,
Попутный ветер к зависти,
Бессилью...
О сколько душ они перебесили
И никому не дали доброты!

Я сам стоял на тысяче ветрах...
И, по крови упрямый от рожденья,
Хоть падал я,
Но, презирая страх,
Оставил сердцу ветер восхожденья.
Он дует в грудь
И замедляет бег
И высекает ранние седины...
Но зарубил я для себя навек —
Не верь ветрам,
Что дуют резко в спину!
Они тебя закрутят,
Заведут,
Куда и сам ты никогда не метил...
Острее чутье, когда идешь на ветер,
Хоть путь тяжел,
Подъем к вершине крут.
Но ты придешь к вершине бездорожьем.
И крыльям даст упрямству высота.
И сам увидишь, к твоему подножью
Так подхалимски, жалостно, ничтожно
Прилипли зависть, злоба, суета...

СКОРОСТЬ

Мчит земля, словно конь, ошалело,
Натянули поводья века.
И от скорости пеною белой
Отлетают с боков облака.
Как угнаться за скоростью света
По незримым донныне следам?
Мы устали от вешнего цвета
И тоскуем по зрелым плодам...
Зреют звёзды, как яблоки, споро.
Протянули к ним руки века...
Ты, Вселенная, — сад за забором,
Мы — соседские дети пока!..

УТРО

Стёк в лошины предутренний мрак.
Спит деревня, садами завесясь.
Лишь вдали на скале, как рыбак,
Наклонился над озером месяц.

Развернулась заря широко,
Поджигая росу по курганам.
В луговых берегах далеко
Мчит речушка под гривой тумана.
Все заботы начнутся с утра.
Может быть, и такое случится —
Скажем, ссорился с другом вчера,
Поутру поспешишь помириться.
Я утоп в теплоте и цвету,
Мне совсем догадаться нетрудно,
Что в сердцах у людей
Доброту
Пробуждает весеннее утро...

ДЕРЕВУШКА

До войны в деревушке безвестной,
У степной безымянной реки,
На гулянках протяжные песни
Распевали мои земляки.
Выезжали, веселые, в поле.
И до осени с самой весны
И пахали они, и пололи,
Полевыми ветрами пьяны.
Возвращались в деревню под вечер
На телегах рабочего дня.
И бежала к ним стайкой навстречу
Босиком от реки ребятня.
Сколько жизни в мальчишеском беге!
От загара черны, как гольцы,
Окружали ребята телеги,
Отдавали им вожжи отцы.
Но однажды с неслыханной силой
Степь качнула взрывная волна.
На устах деревушки застыло
Распроклятое слово — война.
И в степном трудовом захолустье
Над привольем земли и удач
Не вмещался в широкие устья

Над рекою растерянный плач...
Пахли дали слезами и рожью.
На телеги садились мальцы.
Ведь не зря им упругие вожжи
Доверяли когда-то отцы...
Много лет с той поры миновало.
Каждый дом в деревушке притих.
И вернулся с войны запеваля,
Но не слышу я песен былых...

РАЗДУМЬЕ

Эту жизнь я люблю,
Как вначале.
Ты веди меня, сердце,
Веди.
Тридцать лет у меня за плечами,
Сколько будет еще впереди?
По дорогам ни дальним,
Ни близким
Не терял я впустую
Ни дня.
Видно, как беспокойною искоркой
Наградила Россия меня.
Только трудно одно перенести мне,
Хоть в родные края не вернусь,
Я запел бы о городе песню,
Да деревню обидеть боюсь.
Ты, деревня, прости,
Дорогая,
Город стал мне хорошим отцом.
Я меж вами стою
И не знаю —
Ну к кому повернуться лицом?!
Чтобы жить мне, не ведая горя,
Чтобы сердце не рвать пополам,
Я хотел бы уральский мой город
Передвинуть к тамбовским полям.
По крови хлеборобов наследник,
По труду своему — металлург.
Только знаю, что в час свой последний
Мне в деревню захочется, друг...

ДРЕВНЯЯ СТЕПЬ

Лежит земля, обжитая веками.
И на закат, темнеющий вдали,
Идут в степи седыми стариками
Нагруженные синью ковыли.
Так шли они и двести лет, и триста...
И добрались до нынешнего дня.
В который раз волною серебристой
Они ложатся под ноги коня!
И степь хранит их твердо — целиною,
Хоть жметса к ней весною борозда...
Из века в век — в луга и к водопою
Ведет она — звенящая — стада!
Мне изначальный путь ее неведом,
Но знаю я одно наверняка —
Вот в эту степь пришел мой русский предок,
С косою в руке, с правами бедняка.
Он снял армяк и бросил, словно горе,
И выпустил на пастбище коров.
Еще тепла земля на косогоре
От ног босых и от ночных костров...
Пронизанный и солнцем, и ветрами,
Он шел по росам к речке выбрать сеть.
И голосом зари и разнотравья
В крови свободу пробуждала степь!
Дождем умыт и пятерней причёсан,
Гася утрами на судьбину злость,
Так отбивал он говорливо косу,
Что барину ночами не спалось...
...Вновь ковыли меня уводят в древность,
Гулки шаги по вечной целине...
Целует степь вечерняя деревня
Коровьими губами в тишине...

ЗАВОДСКАЯ ДОРОГА

Осветился зарею завод,
Корпуса возвышаются строго.
Пролегла к проходной на восход
Вдоль берез заводская дорога.

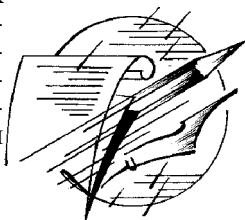
С пугливой суетою воробьиной
И с серостью настырного дождя.
Родной сентябрь!
До радости,
До пенья
Своим лучом прощальным обогрей!
О, добрый месяц моего рожденья,
Меня всегда ты делаешь добрей.
Я никакой обиды не припомню
И никому беды не причиню,
А лишь уйду к березам через пойму
И поклонюсь серебряному дню.
И станет память чище и милее
О поле, о заводе, о руде...
И закипят в душе,
Как муравейник,
Былые дни, прожитые в труде...

ДУМА

Среди лугов река уходит криво.
Листает волны ветер-суховей.
Приду к реке и сяду у обрыва,
На краешке у памяти своей.
По-над водой осока дремлет остро.
И ласточки пронырливо снуют.
И окуни мелькают, словно версты,
И полосатой думою встают...
...Ценою рук, а не ценою злата,
Из темноты я выбрался на свет...
И рад тому, что, словно эскалатор,
Меня не вез чужой авторитет...
Еще мне рано подводить итоги.
И впереди: и солнце, и гроза...
Я так хочу, чтобы мои дороги
Не засорили путникам глаза.
Река, река — степное откровенье,
Круты, как жизнь, излучины твои.
Я жду в судьбе великого мгновенья,
Вложи мне в грудь извечное стремленье
И луговую ширью напои...

ОБНУЛЕНИЕ ПСЕВДОЗВЁЗД

С началом специальной военной операции на российском теленбосводе наблюдалось необычное явление — интенсивный звездопад. С экранов телевидения после 24 февраля стали исчезать хоть и изрядно поднадоевшие, но всё же высоко-рейтинговые звезды эстрады, кино и ток-шоу. Одновременно с ними исчезли из российского эфира говорливые ведущие и самопровозглашенные «властители умов», которых, наконец, раскусили и объявили, как главного редактора «Эха Москвы» Беню Венедиктова и «политолога» Гозмана, «иностранными агентами». В ту же категорию попали ведущий программы «Модный приговор» и звезда ЛГБТ-сообщества в России Александр Васильев, которого режиссер Михаил Шахназаров едко охарактеризовал как «гомосека-старьевщика», а также идеолог и «гуру» российских либералов Анатолий Чубайс. 5 мая экс-главу Роснано засняли в аэропорту Тель-Авива вместе с женой. Все они, так или иначе, выступили с осуждением российского руководства и в поддержку бандеровского режима Зеленского. Из сообщений, как они утверждали, «гуманизма» и «толерантности», хотя ни того, ни

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

другого им не хватило для того, чтобы заклеить неонацистов, оравших «Москаляку на гиляку!» (т.е. русского на виселицу), и осудить зверства бандеровцев в Луганской и Донецкой областях за последние восемь лет.

Ведущий «Модного приговора» Александр Васильев опубликовал манифест, в котором недвусмысленно осудил политику России в отношении Украины. А известный рок-музыкант Б.Гребенщиков доложил израильскому Девятому каналу, что он «передал 12 миллионов евро на помощь Украине», собранные им на гастролях в Берлине. Далеко не все из них выступили публично с осуждением России. Звезды покрупнее просто дали понять, что сам факт их расставания с нами сразу после начала СВО на Украине означает их осуждение действий Кремля. Так поступили, например, певица Алла Пугачева и ее «муж» — телеведущий Максим Галкин, обосновавшиеся в Израиле, где с ними оказалось большинство фигурантов «звездопада» 2022 года.

Естественно, что после таких демаршей все эти «звезды» разной величины и яркости на российских телеканалах, да и вообще в России, более не востребованы. Но когда на покинутых ими программах стали искать им замену, выяснилась любопытная деталь: значительная часть этих «протестантов» — еврейского происхождения, а среди телеведущих это вообще едва ли не правило, и оно тщательно соблюдается, например, на Первом канале, которым руководит Константин Эрнст того же происхождения. Увы, такая юдофилия не в первый раз в нашей истории оборачивается доминированием «избранного народа» в культуре, науке и средствах массовой информации. В значительной мере засилье сионистствующих культургергов в Советском Союзе привело к его развалу и к расколу Русского мира. И это лишний раз подтверждает предупреждение Федора Михайловича Достоевского более чем вековой давности: «Верхушка евреев воцаряется над человечеством всё сильнее и тверже и стремится дать миру свой облик и свою суть» (Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1873 г. Еврейский вопрос *Status in statu*. Сорок веков бытия).

Как сообщил недавно сайт «Рамблер» в связи с массовым исходом из России «звезд» шоу-бизнеса, «многих популярных на отечественном ТВ фигур связывает происхождение. Так, целый список ярких, харизматичных российских телеведущих на самом деле составляют евреи».

Эвелина Бледанс по праву считается одной из самых ярких личностей российского шоу-бизнеса, а свое еврейское происхождение женщина получила от матери. Национальная принадлежность бессменной ведущей «Аншлага» Регины

Дубовицкой сомнений не вызывает. Ирина Слуцкая прославилась не только как успешная фигуристка, но и как телеведущая передач «Звезды на льду» и «Ледниковый период» на Первом канале. Девушка переняла свое еврейство по линии отца и даже включена в Международный еврейский спортивный зал славы.

Один из самых очевидных евреев на нашем телевидении — Иван Ургант. Являясь бессменным ведущим собственного вечернего шоу на Первом канале, Ургант входит в списки самых популярных русских звезд. Конечно, Ургант гордится своим происхождением и не забывает пошутить на эту тему.

Еще одна яркая представительница семитского народа — Ксения Собчак. О том, что у девушки еврейские корни, поговаривают уже давно, однако Ксения не подтверждала эту информацию, пока не выступила на одной из конференций в синагоге. «На самом деле я еврейка по линии матери», — рассказала «звезда».

Неожиданно, однако и телеведущая-мулатка Елена Ханга также имеет прямое отношение к евреям. «Род этой ведущей «Принципа домино», — докопался «Рамблер», — относится к польским евреям, а прадед Ханги даже был известным раввином в Нью-Йорке». К этому списку добавились певцы Киркоров, Агутины, Лепс, Билан и др.

Те из них, кто покинул Россию, обосновавшись в Израиле либо в других странах враждебного нам «коллективного Запада», не скрывают, что поддерживают фашиствующего президента Зеленского прежде всего как своего соплеменника в силу пресловутой «еврейской солидарности». Тех же еврейских звезд, которые по тем или иным соображениям остались в России, где немало среди евреев подлинных русских патриотов, заставляют «быть в мейнстриме», т.е. «как все». Так, в Израиле в мае с.г. отменили давно анонсированные концерты Михаила Шуфутинского только потому, что он не осудил публично «российскую агрессию». И певец был вынужден выступить с заявлением о том, что «сейчас вообще петь не время».

Известный музыкант и шоумен Сергей Шнуров в интервью Татьяне Толстой так высказался о падших звездах российского шоу-бизнеса: «Я думаю, что они себя представляют некой новой волной российской эмиграции. Может быть, у себя в голове рисуют образ философского парохода, что они были вынуждены бежать от этого режима, где невозможно и слова сказать, и только там они себя могут реализовать. Может быть, так. Это их право. Только я так поступать не собираюсь. Эта позиция кажется мне ущербной». Насчет

«философского парохода» Шнуров, конечно, своим беглым коллегам польстил. Ленин в ходе красного террора отправлял на этих пароходах за границу цвет русской патриотической интеллигенции, выдающихся ученых и писателей вопреки их воле, а коллеги Шнурова по шоу-бизнесу сбежали из России, как по команде, по зову крови.

Комментируя отъезд Аллы Пугачевой и Максима Галкина в Израиль после начала российской спецоперации, бывший руководитель израильской разведслужбы «Натив» генерал Яков Кедми, ныне постоянный участник ток-шоу Владимира Соловьева, сказал: «Такие люди — просто инструмент, которым попользуются и выбросят. Сколько концертов дадут в Израиле Пугачева или Галкин? У них другая культура, другой юмор, другие проблемы, они никого в Израиле не интересуют». Жестко сказано. Но точно. Думаю, что неспроста Пугачева уже заговорила о возвращении в Россию...

Приспособиться к жизни на Западе в абсолютно чуждой для россиянина бездуховной атмосфере неспроста даже тем, кого там воспринимают как единомышленников.

Актриса Рената Литвинова сразу после начала спецоперации на Украине уехала из России, сорвав своим отъездом спектакли в МХТ им. Чехова. Уехала не на пустое место. В Париже у нее есть квартира. Да и в Швейцарии тоже. Судя по всему, возвращаться на родину она пока не намерена. Но в социальных сетях 55-летняя Рената изредка делится своими переживаниями. Литвинова призналась, что скучает по дому («А мыслями в России» — как-то написала она). А тут вдруг рассказала, какие настроения царят в ее окружении: «Все на измене, никто никому не звонит, все всех подозревают, время дистанций, ожиданий и предательств — всё равно не просчитаете наперед». Как это напоминает мемуары российской богемы времен послереволюционной эмиграции. То же крушение иллюзий и осознание, что сами слова «русский» и «Россия» вызывают на извечно враждебном нам Западе только ненависть.

Некоторые беглые звезды, убедившись за время своей добровольной эмиграции, что на Западе они никому не нужны, решили всё же вернуться. Так поступил в ностальгии по «Модному приговору», где ему быстро нашли замену, «гомосекстарьевщик» Васильев. Он неожиданно появился в студии программы «Сегодня вечером» и снялся вместе с новым ведущим шоу Николаем Цискаридзе, которого позвали на замену Максиму Галкину. Это возвращение блудного сына вызвало законное возмущение зрителей. «Рамблер» цитирует некоторые реплики из зала в адрес этого возвращенца: «Еще не

слинял?», «Похоже, руководство Первого канала проводит антирусскую политику», «Какой позор! Гнать таких надо с ТВ!» Добавлю лишь, что гнать надо и не только с ТВ.

Международный сионизм с давних пор активно действует на идеологическом фронте, мобилизуя журналистов, писателей и ученых еврейского происхождения на борьбу с существующим в России строем. Это было и во времена Советского Союза, и после его распада в России и на всем постсоветском пространстве, прежде всего на Украине. Свой активный вклад в эту подрывную деятельность вносили как российские евреи-олигархи — от Гусинского и Березовского до Михаила Ходорковского, так и киты сионистского капитала на Западе. Весьма показательна в этом плане организация «Открытая Россия», запрещенная в РФ, созданная бывшим владельцем ЮКОСа Михаилом Ходорковским в 2001 году и формально самоликвидированная 20 лет спустя. Отделения «Открытой России» работали в 50 регионах нашей страны. Только за 2004 год расходы «Открытой России», запрещенной в РФ, на общественно значимые проекты составили 30 млн. долларов. Параллельно с российской «Открытой Россией» работал учрежденный в Великобритании благотворительный образовательный фонд Open Russia Foundation (Фонд «Открытой России»), в попечительский совет которого входили такие известные сионистские лидеры, как Генри Киссинджер, Джейкоб Ротшильд, Билл Брэдли и Артур Хартман.

С самого начала Ходорковский и его «Открытая Россия», как и ее сионистские спонсоры, поддержали бандеровский переворот на Украине. Уже 4 марта 2014 года Ходорковский объявил, что готов быть миротворцем в ситуации на Украине. 9 марта 2014 года он выступил в Киеве на евромайдане по приглашению Юрия Луценко, где критиковал российские власти, а тех, кого российские федеральные каналы именуют «украинскими националистами», назвал «прекрасными людьми, отстаившими свою свободу». 20 мая 2022 года Минюст России внес Ходорковского в список «иностранцев-агентов».

После начала военной операции на Украине сионистские центры, включая подрывные структуры Ходорковского, принялись создавать в соцсетях и на подконтрольных им радиостанциях на Западе специальные центры вещания на Россию, у микрофонов которых сели эмигранты в основном еврейского происхождения. Регулярно по нескольку раз в день на YouTube выходит в эфир программа «Фейгин Live». Ведет ее бывший депутат Государственной думы (1994, 1995) Марк Фейгин. В январе 2021 года именно он ложно обвинил рос-

сийские власти в организации штурма Конгресса США сторонниками уходящего президента Дональда Трампа. На май 2022 года программа Фейгина, как он сам утверждает, имела более одного миллиона подписчиков и 200 млн. просмотров. Одноименный аккаунт существует у Фейгина в Telegram. 8 апреля 2022 года Минюст России внес этого сиониста-пропагандиста в реестр «СМИ — иностранные агенты». Достаточно послушать хотя бы одну передачу Фейгина, справедливо названного в России «Фейкиным», чтобы понять, насколько прав наш Минюст.

В потоке еврейских «звезд», покинувших Россию «в знак протеста», оказался и сын еврейской певицы-барда Вероники Долиной, кинообозреватель телепередачи «Вечерний Ургант» на «Первом канале» (2012—2020) и главный редактор журнала «Искусство кино» (2017—2022) Антон Долин. Еще 14 апреля 2021 года, при поддержке издания Meduza, принадлежащего Ходорковскому, было запущено YouTube-шоу «Радио Долин». В начале марта 2022 года это радио вместе с Долиным вещает из-за границы. О чём вещает, можно судить по интервью Долина на этом радио с кинорежиссером Кириллом Серебренниковым, чей фильм «Жена Чайковского» открыл в мае с.г. Международный Каннский кинофестиваль, на который российскую делегацию не допустили. Фильм о великом русском композиторе выдержан в традициях гнусной русофобии и ЛГБТ-порно.

Переселившиеся на Запад «властители умов» и падшие «звезды» шоу-бизнеса влились в ряды профессиональных ландскнехтов информационных гибридных войн против России. Стало очевидно всем, с кем эти «мастера культуры». В своей реакции в защиту Зеленского и его сионистко-фашистской банды — вроде бы странной альянс, но, увы, реально созданный на Украине после путча на майдане 2014 года — Запад сослужил России немалую службу, представив на всеобщее обозрение свою пятую колонну, которая многие годы занималась промыванием мозгов российских обывателей в угодном ему духе. То, что в ходе этой многолетней операции международный сионизм сыграл далеко не последнюю роль, лишний раз доказал и звездопад 2022 года. Звёзды оказались на удивление шестиконечными.

Нашим властям, и прежде всего руководству Минкульта и российских телевизионных каналов, следует сделать самый серьезный вывод из этой истории. Никто не будет закрывать двери в Россию перед этими павшими звездами — это их право, если они сохранили российское гражданство. Никто не будет в России закрывать евреям доступ к любым

видам деятельности и государственной службе. Но вот возвращение на те позиции и должности, которые они покинули в трудный для России момент, следует самым решительным образом пресечь. Библейский вариант «Возвращения блудного сына» в применении к этим «гражданам мира» в условиях борьбы России с «коллективным Западом», как сказал министр иностранных дел С. Лавров, «не на жизнь, а на смерть», нам не нужно ни сейчас, ни в будущем.

ДОГОВОР С НАЦИСТАМИ — ОТЛОЖЕННАЯ ВОЙНА

Мирный договор с киевским нацистским режимом станет не законченной, а отложенной войной. Переговоры могут вестись только о капитуляции.

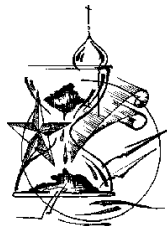
Удивительно стремление некоторых сил в верхах российской власти вновь наступить на грабли, на которые уже наступали в 2014 и 2015 годах. Тогда можно было решить украинский вопрос гораздо меньшей кровью, чем теперь.

Если не сделать этого сейчас, то позже придётся решать украинский вопрос гораздо большей кровью, всенародной войной, войной за само существование России.

Удивительно, что после волны народного возмущения заявлением Мединского и Фомина в Стамбуле и даже после гнусной провокации в Буче в ответ на наш «жест доброй воли», власти России всё ещё публично высказывают желание пойти на соглашение с украинскими нацистами.

Всякие заявления о продолжении этих переговоров несут России только вред.

Во-первых, они подрывают боевой дух нашей армии. А на войне боевой дух, вера в сво-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

их командиров и в политическое руководство страны важны не менее, чем вооружение и умение воевать.

Пример Белой армии, воевавшей в Гражданскую войну без ясной конечной политической цели за «непредреши́нность» будущего России, говорит, что переговоры с киевским режимом следует прекратить, причём непременно заявив об этом народу со всей ясностью. И что чётко определённые цели «специальной военной операции» должны быть обнародованы до сражения, а не после него.

Мутные иноязычные слова «денацификация и демилитаризация» не служат ясной конечной целью боевых действий. И армия, и народ с нетерпением ждут внятных разъяснений, что под этими словами подразумевается и как конкретно будет Украина «денацифицирована и демилитаризована». Да и само понятие «Украина» требует в нынешних обстоятельствах ясного определения.

Во-вторых, заявления о переговорах с нацистами лишают нашу армию поддержки населения освобождаемых земель, которое не решается на помощь русской армии, опасаясь жестоких кар в случае возвращения их под власть нацистов.

В-третьих, заявления о возможном мире без победы вдохновляют наших врагов. Вдохновляют ВСУ на бой. Вдохновляют страны Европы на новые и новые санкции и иные вредные для России действия. Вдохновляют злодеев-нацистов на новые жестокие преступления, вселяя в них надежду остаться безнаказанными. Вдохновляют киевские власти на твёрдость политической позиции, на несговорчивость и на новые злобные провокации.

Таким образом, если российские власти и ведут переговоры с украинскими нацистами, то такие переговоры должны вестись тихо, без огласки, не смущая народ, не подрывая дух армии и не вдохновляя врага. Но и тихие переговоры будут опасны, если они приведут к миру без победы.

Мир без полной победы над нацизмом не примут ни народ, ни армия России. Такой постыдный для нас мир создаст угрозу «патриотического» государственного переворота уже в России. Мир без победы грозит самой российской современной государственности и, как следствие, неисчислимыми бедами всему народу, — ведь новой смутой непременно воспользуются наши недруги.

Подозреваю, в этом и состоит их коварный многоходовый план: сначала подтолкнуть Россию к миру на условиях, неприемлемых для армии и народа. Затем, подогрев народный гнев позорным миром, руками армии и народа свергнуть действующую власть — якобы с благими, патриотическими це-

лями. И затем погрузить Россию в хаос гражданской и междоусобной войны, как в 1918 году.

Мы не должны этого допустить.

Нам нужна полная победа! Нужна Новороссия от Харькова до Одессы. И нужна возможность влиять на все дела, творящиеся на землях, ныне составляющих Украину.

Наша цель — создание прочного триединого русского союзного государства.

Павел ДМИТРИЕВ

ЗАПАД СХОДИТ С УМА

Сегодня мы наблюдаем парадоксальный факт мировой политики: Россия, обладающая мощнейшим ракетно-ядерным потенциалом, непрерывно борется со статусом изгоя, который ей навязывают все политические структуры мира и мощные западные СМИ. Создана ситуация, в которой оружие как бы ничего не значит. Политики и СМИ могут безнаказанно поливать грязью его обладателя.

В мае Россия объявила о грядущей, в ноябре 2022 года, постановке на боевое дежурство гиперзвуковых ракет «Сармат», аналогов которых не имеют и долгое время не смогут иметь никакие иные страны.

Однако это ничуть не ослабило русофобию, ставшую трендом современного западного сознания. Как будто ничего и не произошло! В то время как для гарантированного уничтожения Великобритании достаточно всего двух таких ракет, а для США пяти-шести. Это без всяких шансов использовать против гиперзвука натовские ПВО и нанести нам аналогично эффективный удар. Так как любая атака будет встречена российскими ПВО, способными к уничтожению ракет противника.

И как же отреагировала на этот факт политическая элита мира и стаи лающих западных СМИ? Всё выглядит так, будто никто ничего не заметил.

Создаётся впечатление, что оружие в мире играет второстепенную роль в сравнении со средствами массовой информации. Наличие у нас самых совершенных ракет несколько не умерило пыл оскорбителей России. Литовские, польские, эстонские, австралийские и прочие ничего не значащие в мире политики заняты поливанием нас грязью.

А журналисты, не желающие вникать в проблему Донбасса, с немалой выгодой транслируют миру фейки, порождённые лживыми украинскими СМИ.

Но в июле 2022 г. военно-морской флот РФ пополнила подлодка «Белгород». Она может нести термоядерные беспилотные торпеды «Посейдон». Эти морские беспилотники способны накрывать побережье противника искусственными цунами и уничтожать целые корабельные группировки. Также «Посейдон» обладает ядерным двигателем и может преодолевать тысячи километров на глубине. Подобных ему аппаратов в мире не существует.

И что же? Изменилась ли политика Запада и его СМИ в связи с фактом очевидного преимущества Российских вооружённых сил? Нет! Никаких признаков трезвости мышления у «партнёров» пока не просматривается. Стиль западных политиков и СМИ всё тот же — безудержно русофобский и до подлости лживый. И, возможно, здесь мы имеем что-то иное, чем просто злобное упрямство.

Похоже, мир впервые в своей истории столкнулся с глубокими ментальными изменениями сознания части человечества, а именно западного общества, подвергнутого остракизму традиций, отказу от религиозной и цивилизационной основ собственного бытия.

Переход к «новым» ценностям, исключаящим традиционную нравственность, как видно, ведёт к разрушению не только нравственной, но и интеллектуально-волевой сферы людей.

Хотелось бы надеяться, что отсутствие разумной реакции на очевидное военно-техническое превосходство России является лишь обычными «понтами» англосаксов. Проявлением национальной культуры гангстеризма, что при любом фиаско демонстрирует лейбл голливудской улыбки. Но есть опасение, что новизна ситуации вообще не осознаётся Западом. И не только населением, но и истеблишментом! Нет уверенности, что понимание, пусть и с запозданием, у Запада вообще когда-нибудь появится.

Никто пока не давал научно обоснованной оценки последствий, возникающих в интеллектуально-волевой сфере отдельного человека или общества в целом после отказа от тра-

диционных, тысячелетних нравственных ценностей, лежащих в основе формирования общества, семьи, государства, цивилизации. Во всяком случае, отказ Европы от контрактных цен в 400 долл. за нормативный объём трубопроводного газа в пользу спотовых цен, учетверяющих стоимость топлива, позволяет предполагать интеллектуально-волевые нарушения у многих представителей западного истеблишмента.

В пользу того же мнения говорит и создание Западом надуманных препятствий к запуску «Северного потока-2», ограничения на прокачку газа по «Северному потоку-1» и другим российским трубопроводам. И это при очевидности того, что отказ от российского газа грозит не только обрушением немецкой промышленности, но и замерзанием населения в ближайшую зиму.

Эта явная дурь давно стала поводом к ёрничеству в наших СМИ. Но пока что не стала предметом исследования с позиций психиатрии и социальной психологии. Ведь на ограничения в быту до уровня лишений соглашается западноевропейское общество в целом! А ведь именно это общество оказалось подвергнуто остракизму нравственности как своей цивилизационной основы! По сути, сегодня Запад ментально опрокинут в пропасть без смыслов, пропасть, не имеющую дна.

Ориентирами любых смыслов являются нормы жизни, заложенные в нравственности. Но она отменена Западом на уровне права. Нравственность на Западе вне закона!

А как же тогда работает интеллект? Как мысль может правильно работать без нравственности? На что ей ориентироваться? В каких границах располагать моральные ценности, осознавать пользу их или вред?

Нелепость западной энергетической политики является лишь первым очевидным следствием тотальной войны сексуальных меньшинств с традицией нравственности и неразрывной с ней традицией логического мышления. Логика общественной мысли, исходящая из соображений пользы и вреда, не может работать, если критерии пользы и вреда утрачены.

Как же надеяться на здравомыслие западных политиков, давно объявивших войну традициям и нравственности? Эта война, как известно, обеспечена финансами сильных мира сего. И прикрыта правовым зонтиком нетрадиционно ориентированной части западного истеблишмента. Напрашивается вывод, что западное общество сегодня есть очень больное общество. Больное не только духовно, но и разумом.

В этой связи возникают сомнения, что цели российской политики, направленные на осознание Западом наших пре-

имущества в военно-технической сфере, будут восприняты западным истеблишментом. Напрасными представляются и надежды на поиск разумных компромиссов.

Возникает стойкое ощущение, что мы имеем дело с новой цивилизацией людей, коллективно утративших разум. То же, как правило, происходит и с отдельным человеком вслед за его отказом от нравственности.

А какой политики можно ждать от сумасшедших?

Получается, что наиболее мощным оружием оказывается оружие, бьющее по нравственности. И страшнее ракетного удара оказывается удар по традициям.

Но это уже не политика, состоящая из соперничества государств и народов. Это метафизика борьбы духов бездны и злобы поднебесной со всеми людьми.

И ракеты — пусть и важное, но далеко не главное оружие...

Андрей АНТОНОВ

ИНТЕРЕСЫ СТРАНЫ И ГОСЧИНОВНИКИ

26 июня 2022 года в пригороде Петербурга — г. Пушкине в рамках фестиваля «День Русской славы» проводилась выставка «Мариуполь — битва за Русский мир», организованная патриотическим центром «Ленинградский доброволец» и вызвавшая большие претензии чиновников Пушкинского района Северной столицы. Коллектив «Ленинградского добровольца» в последние годы подготовил большое число выставок в поддержку Донбасса в городах России. И всегда они вызвали искреннее одобрение посетителей, за исключением лиц, которых президент России недавно назвал «национал-предателями». И 26 июня выставлялись экспонаты, рассказывающие о героической защите русских земель и прошедшие, как говорится, проверку временем.

Однако именно они вызвали большие претензии зам. главы Пушкинской администрации СПб Татьяны Боголюбовой, посетившей фестиваль и безапелляционно потребовавшей удалить все обозначения «Z» и «V», ставшие символами спецоперации по защите Донбасса, а также ряд экспонатов, связанных с борьбой против украинского нацизма. Авторы экспозиции, посвященной освобождению Мариуполя, города-побратима Санкт-Петербурга, обвинили в «пропаганде милитаризма и оружия», а также звучали слова о «пропаганде нацизма».

Между тем, представитель «Ленинградского добровольца» Герман Владимиров отмечал в интервью ИА Регнум, что у экспозиции «стояли волонтеры, которые предупреждали посетителей: все представленные организации со стороны киевских силовиков являются в России запрещенными». Экспонаты, относящиеся к преступным действиям киевского режима, были размещены на одной стороне шатра, материалы о защитниках Донбасса — на другой, чтобы подчеркнуть противостояние этих сил.

Дошло до того, что Боголюбова заявила: фигурки Героев ДНР — Арсения Павлова, Моторолы Михаила Толстых, Гиви, олицетворяют «милитаризм и пропаганду оружия». А ведь Россия признала ДНР в качестве субъекта международного права и, таким образом, признаёт и с уважением относится к лицам, официально признанным в ДНР героями. Организаторы выставки вынуждены были убрать из экспозиции экспонаты, вызвавшие гнев чиновников, однако работу в таком цензурированном виде посчитали малоэффективной и свернули выставку до окончания фестиваля.

Оценивая действия чинуши Боголюбовой, нужно говорить, что они, полагаю, носят явно антигосударственный характер, порочащий проведение специальной военной операции на Украине. А также они вполне могли содержать и признаки преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 354.1 УК РФ: публичное распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны. Ведь всё происходило на публичном мероприятии. Вследствие этого возникает вопрос: а могут ли подобные люди находиться в органах государственной власти, да ещё на столь ответственных постах?

По факту деяний чиновницы проводится проверка. В частности, председатель партии «Справедливая Россия — За

правду», депутат Госдумы Сергей Миронов призвал расследовать скандал вокруг фестиваля «День Русской славы» в Пушкине. Он возмутился цензурой и потребовал чиновников, которые не поддерживают президента и армию, покинуть госслужбу. Каковы будут результаты проверки — покажет время.

Здесь показательно мнение вице-губернатора Петербурга, курирующего вопросы культуры, Бориса Пиотровского, высказанное им изданию «Фонтанка»: выставка «Мариуполь — битва за Русский мир», прошедшая 26 июня в Пушкине была оформлена некорректно, что создавало в экспозиции «провокационное сочетание». Он взял под защиту чиновников Пушкинского района, признав их действия в отношении выставки оправданными (?).

Эти позиции руководителей районной и городской администраций носят явно деструктивный характер, противостоят требованиям руководства страны. И справедливо утверждается на портале Рамблера: Смольный фактически поспособствовал распространению западной пропаганды, приказав убрать экспонаты, подтверждающие причастие НАТО к конфликту на Украине.

В культурной и воспитательной сферах города-героя Ленинграда давно не всё ладно. Несколько примеров. В конце 2012 года в Эрмитаже, который нередко называют главным музеем страны, прошла выставка братьев Чемпен «Конец веселья», вызвавшая бурю негодования среди горожан. В прокуратуру поступило более 100 жалоб на организаторов и авторов этого шабаша.

Вот что писал об этом «мероприятии» новостной портал Лента — «Обгорелые совокупающиеся нацисты. Гитлерклоун. Разрушенный, заваленный трупами «Макдональдс». Залитое кровью арктическое побережье, на котором белые медведи борются с пингвинами и друг с другом. Обнаженные дети-мутанты с гениталиями вместо лиц. Скелеты, оседлавшие танк со свастикой. Скульптура «Смерть», изображающая любовников в позе 69, отлитая из бронзы и раскрашенная под пластик. Скульптура «Секс», изображающая привязанные к дереву разлагающиеся трупы. 30 тысяч 5-сантиметровых человеческих фигур в нацистской форме, вовлеченных в оргию насилия, — инсталляция «Ад»...»

Это лишь краткое описание произведений этих «творцов». Экспозиция, занимавшая большие пространства главного музея страны, была отвратительна и несла сатанинский оттенок. Однако директор Эрмитажа Михаил Пиотровский-старший не стал прерывать выставку братков Чепмен. И от-

метил, что активность посетителей, возмущившихся прошедшим, есть культурная деградация общества, желание испортить настроение в городе и помешать работе прокуратуры и музея. Комментарии к мнению «элитария», как говорится, излишни.

Вот так, во всём виновата, оказывается, «культурная деградация общества», то есть наше бескультурье. Кстати, городская прокуратура тогда не нашла нарушений в действиях организаторов прошедшего «праздника арт-искусства».

Стоит сказать, что разрушительно влияющее на сознание людей направление деятельности братьев Джейк и Динос Чепмен было известно с середины 1990-х годов. Именно тогда выпускники Королевского колледжа искусств Британии начали свою художественную карьеру с вопиющего безобразия. Они делали инсталляции из пластиковых манекенов с шокирующими сценами. В 1994 году братья сделали проект под названием «Деяния ради мертвых», представляющий переложение одного из офортов Франциско Гойи. Это трехмерное изображение трех привязанных к дереву, изувеченных и оскотеленных солдат. На следующий год братья создали еще более шокирующую скульптуру «Зиготная акселерация», представляющую собой сваренные в единое целое фигурки голых девочек-подростков с вагинами вместо ртов и пенисами на месте носа.

И как можно было додуматься пригласить этих скандальных деятелей сатанинских поделок в главный музей России и предоставить огромные площади для выставления экспонатов, которые проходят под рубрикой «мерзость, страх и ужас». В интернете можно найти фото этих дьявольских проектов, которые вызывают отвращение у нормального человека.

В 2016 году в том же Эрмитаже прошла выставка бельгийского весьма сомнительного арт-художника Яна Фабра «Ян Фабр: Рыцарь отчаяния — воин красоты». Выставка этого «рыцаря отчаяния» также вызвала многочисленные возмущения жителей Петербурга. В «Аргументах и фактах» от 14.11.2016 года вышла статья с заголовками «Шоу для живодеёров?», «Морг вместо музея?» Видимо, урок 2012 года с выставкой братков Чепмен не пошёл впрок руководству Эрмитажа.

С июня этого года на Малой Конюшенной силами АО «Торговая фирма СПб Дом книги» проходят летние «Книжные аллеи—2022». На них представлено большое количество книг. Но книг о Донбассе там нет. А ведь специальная военная операция на Украине, защита жителей Донбасса — се-

годня приоритетная задача нашей страны. Об этом неоднократно говорили и руководители России. И книг о героической защите Донбасса с 2014 года написано уже немало. Почему их нет на «Книжных аллеях»?

«Книжные аллеи» всегда проходят под патронажем правительства Петербурга. Тем более что Петербург и город ДНР Мариуполь стали побратимами. Кто-то из чиновников возразит: государство не может вмешиваться в деятельность предпринимателей, в том числе книгоиздателей и книгораспространителей. Тогда возникает естественный вопрос: а зачем нам госчиновники, которые не могут или не хотят действовать в интересах страны и народа?

г. Санкт-Петербург

Валерий ГАБРУСЕНКО

БОЛОНСКАЯ СИСТЕМА: ВЫХОДЯ, ОСТАЁМСЯ

Наконец-то, мы выходим из Болонской системы образования, в которой пребывали почти 20 лет! Даже сама председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко заявила журналистам: «Мы забыли завет Петра I, который в свое время сказал, что не надо копировать всё то, что делается в Европе. Далеко не всё для нас приемлемо. Нужно брать только то лучшее, что полезно для нашего отечества... Мы потеряли то лучшее, что было в нашей системе образования, и ничего не обрели полезного для России», и добавила, что российское (понимай, советское. — В.Г.) образование отличалось своим фундаментом и тщательной подготовкой высококвалифицированных профессионалов.

Для чего же, спрашивается, мы туда вступали, хотя перед вступлением был целый шквал аргументированных протестов, в том числе виднейших учёных и педагогов, включая самого ректора МГУ В. Садовниченко? Завесу чуть приоткрыла сама Валентина Ивановна: *«Сегодня можно сказать, что интеграция, присоединение к Болонскому процессу не состоялось. Вопреки всем обещаниям Запада, опорная интеграция наших университетов, научных центров — ничего этого не произошло». А если расшифровать слово «интеграция», то это — надежда получить жирные иностранные гранты, признание на Западе российских дипломов и... возможность экспорта российских дипломированных специалистов. О том, что от такого «экспорта» колоссальную прибыль стала получать вовсе не Россия, а западные «импортёры», и начали они ее получать ещё в 1990-е годы, задолго до Болонского процесса, хорошо известно. Мы давно превратились в «интеллектуального донора» Запада. А что касается иностранных грантов, то и здесь прибыль от них получала отнюдь не Россия. Суть «интеграции» на слушаниях в Госдуме 27 июня с.г. наиболее точно раскрыл депутат О.Смолин: «Это решение принималось по идеологическим мотивам. **Российская политическая элита тогда хотела прорубить в Европу не окно, но целые ворота для своих детей** (выделено мной. — В.Г.)».*

Вместо полноценно образованного учителя или инженера мы стали получать бакалавров с 4-летним сроком обучения — недоучившегося учителя и недоучившегося инженера. Хотя на некоторых специальностях и сохранилось полноценное 5-летнее (у медиков — 6-летнее) образование, названное неудобоваримым словом «специалитет», но по числу учебных мест это составляет небольшой процент. Казалось бы, завершённое образование можно получить в 2-летней магистратуре, но идут туда люди либо обеспеченные, либо желающие попасть в чиновничье сословие, либо — их меньше всего — желающие заниматься наукой. Хотя магистр и защищает выпускную работу, громко названную диссертацией, но работа эта ученическая (по сути — большой реферат) и учёной степени она не даёт. Да и вопрос о степени магистра возникал изначально: зачем ещё одна «степень», если всё равно остались две советские, действительно учёные степени — кандидат и доктор наук?

Что же случилось? Почему только сейчас стало ясно, что из «Болонки» надо выходить? Не потому ли, что это не мы вышли, а нас вышли? По словам замминистра науки и высшего образования Д. Афанасьева, ещё 11 апреля Болонская группа приняла решение прекратить представительство РФ

во всех её структурах (после того, как ректоры вузов поддержали действия президента по ликвидации нацизма на Украине). Но в конце концов не важно — «мы» или «нас». Важно, что наши дети и внуки будут, наконец, нормально учиться.

Радоваться, однако, пока рано. Во-первых, потому что, когда нужно создавать что-то новое, чиновники по определению очень консервативны и очень неторопливы, им со старым хорошо и уютно.

Во-вторых, чтобы создавать новое, нужны творческие личности, а где же их ныне взять? Глава Минобрнауки В. Фальков в интервью «Коммерсанту» так и сказал, что «отказ от Болонской системы не предполагает упразднение в России бакалавриата и магистратуры», и перестройка системы высшего образования «растянется на многие годы вперед». То есть, на эти «многие годы» чиновники от образования работой будут обеспечены.

Он же назвал и причины сохранения двухступенчатого образования. Первая: многие «симпатизируют этим форматам образования». (Сколько этих «многих» и почему они симпатизируют, конечно, не сказано. — В.Г.). Вторая: необходимо дать возможность продолжить своё обучение миллионам выпускников бакалавриата. (Логика убийственная: ведь если обучать по 5-летней системе, такой возможности не будет. А может, перевести на 3-ступенчатую систему, тогда возможностей станет ещё больше? — В.Г.). Третья: необходимо учитывать интересы иностранных студентов, которые ориентируются на данный формат обучения. (Это тоже лукавство. Учиться в Советский Союз при 5-летней системе рвались многие тысячи желающих из Азии и Африки. Мало желающих было из США и Европы, ну так сегодня их совсем нет. — В.Г.)

В-третьих, — и это, пожалуй, главное, — если даже мы вернёмся к 5-летней системе высшего образования, качество преподавания само по себе лучше не станет. Прежде всего это касается провинциальных вузов. Многие ли из лучших выпускников магистратуры пойдут в ассистенты с зарплатой 15—20 тыс. руб., чтобы потом несколько лет корпеть над диссертацией и в отдалённой перспективе стать кандидатом наук и доцентом с зарплатой 35—40 тыс. руб. Да и с самой диссертацией проблемы. Есть ли в твоём вузе аспирантура и квалифицированный научный руководитель или надо заочно учиться в другом вузе, а то и в другом городе? Есть ли в твоём вузе учёный совет или защищать диссертацию нужно в другом городе? Всё это не только хлопотно, но и очень затратно. Потому вузы, главным образом технические, ощу-

щают острую нехватку квалифицированных преподавателей, потому они и вынуждены всеми силами удерживать старых специалистов со степенями, хоть на 0,1 ставки.

Видимо, надо менять и показатели рейтингов вузов. Сегодня они характеризуют что угодно, только не уровень подготовки студентов. Казалось бы, что проще: проводить своего рода ЕГЭ среди студентов одной специальности разных вузов. Подобные предложения высказывались и ранее, но в поле зрения чиновников они так и не попали.

Это всё касается вузов. А что же со школой? О ней в общем шуме вообще забыли, хотя с ней и надо начинать реформу и, в первую очередь, — с ликвидации пресловутых ЕГЭ. В своё время введение ЕГЭ обосновывали тем, что такой способ оценки знаний исключает субъективность и коррупцию. Но в стране, где этой болезнью поражены даже органы, призванные с ней бороться, «оазиса неподкупности» быть не может. Достаточно вспомнить нашумевший случай, когда уровень знаний выпускников северокавказских школ, получивших на ЕГЭ по 100 баллов и пытавшихся поступить в московские вузы, оказался «ниже плинтуса».

О пороках ЕГЭ в области гуманитарных предметов сказано много. Например, по истории вместо изучения причинно-следственных связей тех или иных событий, школьников натаскивают на запоминание дат и исторических личностей. На этом построены и учебники. Казалось бы, ЕГЭ можно сохранить в математике, ибо дважды два — это четыре, и если в ответе написано пять, то задача не решена. Однако, если проверять не ответы, а решение задачи, то вполне может оказаться, что ход решения правильный, школьник знания имеет, просто где-то допустил случайную опisku. В советское время ему поставили бы «четвёрку», сегодня — «двойку».

Требуется менять и многие школьные программы вместе с учебниками. Та же математика сильно перегружена элементами высшей математики (начертательная геометрия, матанализ и пр.), а преподают её фрагментарно: сегодня один раздел, не закрепив его толком, переходят к другому, с первым никак не связанным, и т.д. В результате такого калейдоскопа школьники математику знают плохо, а потому и предпочитают поступать не в технические, а в гуманитарные вузы. Наукообразно изложены ботаника и зоология, и приходится только удивляться, что выпускники школ ещё поступают на биофаки. Нужно выправлять либерально-прозападный уклон в учебниках истории и обществознания. Ещё хуже обстоят дела с иностранными языками. Ученики запоминают много существительных (предметов) и глаголов (действий),

но даже в выпускном классе не могут не только изъясняться, но и построить фразу на иностранном языке, если только не занимались с репетиторами. Наконец, школьники попросту перегружены. Уже в 6-м классе у них почти ежедневно по 6 уроков, остальное время уходит на непомерно объёмные домашние задания. На отдых (занятия музыкой, спортом и т.п.), если и тратится время, то в ущерб учёбе.

В.Матвиенко сказала, что вернуться к советскому образованию уже невозможно. Думается, сказала она это сгоряча. Конечно, историю СССР в марксистско-ленинской трактовке изучать никто не будет, и в программе по литературе состав писателей — классиков социалистического реализма нуждается в изменении, но ко многому другому можно вернуться — не только к посильной учебной нагрузке, но, например, и к ежегодным экзаменам по базовым предметам. Такие экзамены, начиная с 4-го класса, были в сталинскую эпоху (при Хрущёве их оставили только в 4, 7 и выпускном 10-м классах). Они вынуждали школьников удерживать в памяти полученные за год знания, а не «выбрасывать за ненадобностью» то, что получено в предыдущих четвертях. К сожалению, ни чиновники Минобрнауки и Минпроса, ни участники слушаний в Госдуме вопросов школьной реформы практически не коснулись.

Так что же в итоге: выходим из «Болонки» или остаёмся?

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2022 год
(Июнь — июль)

Прошли сто дней военной спецоперации на Украине. Но что изменилось за это время? Да, освободили Мариуполь. Однако Донецк как бомбили сто дней назад, так и через сто дней бомбят. И никаких заявлений по этому поводу со стороны наших главных властей нет. После двух месяцев этой «войны» я в «Протуберанцах» назвал ее странной. Через сто дней она мне (да и не только мне) кажется более чем странной.

Донецк и его пригороды день и ночь крушат реактивными установками и тяжелой американской артиллерией, а на 100-й день опять украинские крысы ударили по Брянской области. Значит, эти крысы сидят где-то недалеко от нашей границы с Украиной. Отчего же через сто дней «операции» они там сидят? Может, пришла пора войну объявлять? Или, может, пришла пора клоуна в клетку посадить и провезти по разрушенным городам?

Но наш министр финансов бодро рапортует: «Мы регулярно и своевременно выплачиваем Украине валюту за транзит газа в Европу». И на эту валюту Зеленский закупает танки и гаубицы у Германии и Польши...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

* * *

Да, некоторые т.н. «либералы», а точнее говоря, нацпредатели, сбросившие маски, уехали из России. Но большинство из них здесь осталось и продолжает свое дело...

* * *

13 и 14 июня на Донецк был обрушен такой шквал дальноточных артиллерийских и реактивных зарядов, каких еще не было за все восемь лет украинского уничтожения Донбасса. Это после ста с лишним дней нашей военной спецоперации... Денис Пушилин публично, во второй раз, обратился за помощью к России. И тут возникает риторический вопрос: почему он это сделал публично?.. Вернее всего, ответа на этот вопрос мы не узнаем никогда.

Давайте поразмышляем над этими реалиями: с одной стороны (киевской) — тотальная война со всеми ее беспредельными, бесчеловечными, звериными жестокостями, а с другой стороны — некая военная спецоперация с гуманным отношением к пленным нацистам, вэсэушникам, наёмникам, министерству обороны, раде и президенту оборзевшей Украины. То есть какое-то странное несоответствие одного и другого. И продолжается это явление уже более ста дней. Но, как мы видим, пока со стороны российского руководства никто не изъявляет желания это несоответствие изменять. Несмотря ни на какие жертвы мирного населения Донбасса. В апреле я назвал эту «войну» странной. Еще через месяц — более чем странной. По прошествии 110 дней боевых действий то, что там происходило, — уже вынужден был назвать лишь одним словом: «Странно...»

Но, с третьей стороны, как говорят соловьевско-скабеевские телеэксперты, в украинском министерстве обороны сидят американские генералы. Надо думать, по этой причине его и не бомбят..

В этой странной «войне», которая официально в России войной не является, на ее 115-й день украинская «Точка-У» ударила по селу Займище Брянской области. Еще раз сказать: «Странно...» — язык не поворачивается. Поэтому скажу иначе: «Не пора ли уже, мать вашу, вступить наконец в войну, а Зеленского и украинского министра обороны А.Резникова российским трибуналом заочно приговорить к высшей мере наказания?»

Или это «несоответствие» сохраняется ради некоего будущего самопиара: мол, мы победили малыми силами, не задев регулярной армии?..

А нам изо дня в день вперемешку с рекламой, как некое «кино», крутят по ящику разбитые школы, роддома, жилые улицы городов и деревень Донбасса и плачущих женщин, детей, стариков... А веселенькая реклама, идущая сразу вслед за этими жуткими картинками, создает впечатление нереальности происходящего, похожего на очередной детективный сериал. Лично я рекламодателей судил бы как военных преступников.

Для чего государственные телеканалы через каждые 10 минут гонят рекламу? Ведь они сидят на госбюджете. Что это, если не обогащение руководителей телеканалов с использованием служебного положения?

* * *

Президент Казахстана Касым Токаев, которого в январе этого года Россия спасла от обезглавливания игиловскими террористами, 17 июня на Петербургском экономическом форуме заявил журналистам, что Казахстан не признает ДНР и ЛНР. Конечно, другого и ожидать было невозможно. Но особенно ярко выглядел его ответ на пресс-конференции о тех январских событиях: *«В России некоторые лица перевирают всю эту ситуацию, утверждая, что вот, мол, Россия спасла Казахстан, а Казахстан теперь должен вечно «служить и кланяться в ноги» России. Считаю, что это совершенно неоправданные рассуждения, далёкие от реальности»*. Интересно будет послушать, как он запоет при попытке следующего государственного переворота в этом «независимом государстве»...

Но удивительно даже не это. Тут всё понятно: эгоистичное, а чаще всего русофобское ничтожество бывших союзных республик, ставших в одночасье «независимыми» (кроме Белоруссии), за последние 30 лет проявилось во всей своей «красе». Удивительно другое — отсутствие какой-либо видимой реакции на токаевские беспардонные откровения со стороны Кремля.

* * *

18 июня в программе «Право знать» на московском канале ТВ кинорежиссёр Карен Шахназаров, ставший в последние годы политическим экспертом, на вопрос одного из гостей «Как вы относитесь к скандальным высказываниям Касыма Токаева по поводу январских событий в Казахстане?» понёс какую-то околесицу: «Я с уважением отношусь к бывшим советским союзным республикам, обретшим независимость... Они проводят собственную политику, выгодную их национальным интересам... Они имеют на это право...

Президент Токаев сказал то, что считает правильным сказать... Я уважаю его за это... И вообще мы должны уважать суверенитет бывших наших республик...» Гость программы, задавший Шахназарову свой вопрос, возразил: «Литва тоже наша бывшая союзная республика. Но я ее не уважаю. Я не могу уважать ее после того, как она перекрыла наш транзит в Калининград». На что кинорежиссер, заделавшийся политиком, буквально заблеял: «Э-э-э... мэ-э-э... бэ-э-э... Ну да... Ну в общем... Ну это...»

Да, конечно, суверенитет бывших наших советских республик нужно уважать. Тут и спорить не с чем. Но до тех пор, пока их суверенитет не становится враждебным тому, кто их этим суверенитетом наградил и кто, в сущности, их породил в качестве «суверенных государств». И когда их «независимость» оказывается под вопросом, на их территорию вводятся войска ОДКБ под командованием МО России, как это случилось в январе в Казахстане. В результате чего «независимость» Казахстана была сохранена, а президент Токаев не оказался в тюрьме, а в худшем случае — в мире ином. Когда же враждебная «независимость» бывшей советской республики переходит все рамки допустимого, на ее территории проводится специальная военная операция, которая подаренные ей «независимость» и «суверенность» отменяет и возвращает эту территорию туда, откуда она вышла. Доходчивое объяснение этого закона бывшим нашим республикам Прибалтики — еще впереди. Но, похоже, г-н Шахназарян, известный кинорежиссер, ставший зачем-то политическим экспертом, по его словам, «марксист», этого естественного закона себе так и не вразумил.

* * *

Российский футбольный союз (РФС) несколько лет назад вновь, как это уже было в давние годы при явно негативном опыте, привязал расписание игр высшей лиги нашего футбольного чемпионата к европейскому осенне-весеннему футбольному календарю. Европейский календарь вполне объясним: во-первых, летом там очень жарко, а во-вторых, именно летом проходят игры Лиги европейских чемпионов по итогам осенне-весенних футбольных чемпионатов европейских стран, куда нас УЕФА решила не допускать. И вот теперь наш футбольный чемпионат проходит в промозглую осень и такую же весну, а большей частью лета футболисты сидят без дела — и своих игр не проводят, и участие в международных чемпионатах под эгидой УЕФА и ФИФА им запрещено.

А ведь предупреждали об этом дальновидные люди наших узколобых и близоруких футбольных чиновников! Да и любому разумному человеку было ясно, что всё к этому и придет. Но уж больно нашим эгоистичным чиновникам от футбола хотелось подстроиться под Европу!.. Ну что ж, за что боролись... Теперь они больше половины российского лета будут лапу сосать...

Скорее всего и в будущем году всё останется без изменения. Чиновничьи надежды на возврат в Европу неистребимы.

* * *

Странности гуманной «войны». Страна наводнена украинскими диверсантами и террористами. Каждый день украинская реактивная и дальнобойная артиллерия бьет не только по городам и селам Донбасса, но и по приграничным территориям Белгородской, Ростовской, Курской и Брянской областей, а теперь уже и по нашим буровым платформам в Черном море. Но в Кремле и не думают вводить визовый режим с Украиной... О разрыве дипломатических отношений с кроваво-фашистской киевской бандой конченых дегенератов вообще никто не заикается. Видать, в нашем МИДе всё еще окончательно не отказались от возможности переговоров с этими отможенными полулюдьми-полуживотными.

22 июня украинский беспилотник нанес удар по Новошахтинскому нефтеперерабатывающему заводу в Ростовской обл. Опять прохлопали. От российско-украинской границы до г. Новошахтинска 150 км.

* * *

Сейчас все умиляются Виктором Цоем, рок-певцом и рок-музыкантом конца 80-х — начала 90-х годов, лидером рок-группы «Кино». В связи с его 60-летием со дня рождения все центральные каналы ТВ посвятили ему свои передачи. Но никто теперь особо не вдумывается в то, **что** по своему смыслу пел Виктор Цой. Разве он наравне с другим рок-музыкантом из «Машины времени» Андреем Макаревичем не работал своими песнями на разрушение государства?

Перемен! — требуют наши сердца.

Перемен! — требуют наши глаза.

В нашем смехе и в наших слезах,

И в пульсации вен:

«Перемен!

Мы ждем перемен!» —

пел Виктор Цой на своем последнем концерте в 1990 году. И не потому ли так активно и навязчиво кинулись его теперь прославлять пятоколонники российского ТВ?! И громче всех, естественно, — Первый канал г-на Эрнста... Нашли повод вспомнить свои золотые времена...

Но где теперь роковой лидер 90-х, кумир молодежи тех лет А. Макаревич? В Израиле — поносит Советский Союз, сделавший ему славу, гнобит Россию, наградившую его государственными орденами, и поливает помоями русских, более тридцати лет аплодировавших ему на стадионных концертах. А не оказался бы Цой, доживи он до наших дней, рядом с Макаревичем, Гребенщиковым, Невзоровым, Галкиным и Хаматовой? Скоропостижная смерть в 28 лет не дала ему дожить до возраста Макаревича.

Эта цифра до нашего времени не публиковалась. Видимо, чтобы не разжигать ненависти к объединенной Европе. Цифра эта страшная, леденящая сердце. О ней советская власть молчала, надеясь на сотрудничество и мирное сосуществование с Западом. И понять это можно. Потому что при озвучивании и обнародовании этой цифры становится ясно, что никакого мира с Европой без последствий для нее быть не может. Эта цифра вопиет о возмездии. (Она была озвучена Дмитрием Куликовым на телеканале «Россия» в программе «Вечер с Владимиром Соловьевым».) Хочу, чтобы меня правильно поняли: не я говорю о возмездии, а сама эта цифра о нём вопиет. Во время Великой Отечественной войны в Советском Союзе погибло 7 миллионов детей. Вдумайтесь в эту цифру: **семь миллионов детей**.

И эти твари вякают о свободе и демократии!.. Перед этой цифрой меркнет любой геноцид и любой холокост. Но Европе и этой цифры мало. Она хотела бы ее повторить. Мы сейчас, как и 80 лет назад, воюем с **европейским нацизмом**.

Наши главные власти при каждом общении со своими «западными партнёрами» **обязаны** напоминать им эту цифру.

Киев разорвал дипломатические отношения с Сирией сразу, как только она признала донбасские республики. Но этот жест гораздо ярче выглядит на фоне того, что с Россией киевский режим сохраняет дипломатические отношения, несмотря на признание нами независимости ДНР и ЛНР в феврале этого года и даже не глядя на нашу четырехмесячную военную спецоперацию на Украине. А всё потому, что Кремль

продолжает финансово подпитывать киевскую преступную хунту, напрямую, без посредников оплачивая транзит газа. Но от Сирии Киев действительно «независим», и потому разрыв дипотношений с ней ничего для «незалежной» не меняет.

Правда, Зеленский ввел с нами односторонний визовый режим. Однако российское руководство никак на подобный шаг не решится даже после бомбардировок наших территорий.

Такая вот большая двойная игра.

* * *

Ранним утром 3 июля Украина вновь нанесла удар по г. Белгороду. Были использованы ударные беспилотники и баллистические ракеты «Точка-У» с кассетными боеприпасами. По сообщению ТАСС, частично разрушены 11 многоквартирных домов и не менее 39 частных жилых домов повреждены. Погибли пять человек, ранены четверо, в том числе ребенок.

Если это официально не считается военным нападением на нашу территорию и прямым актом агрессии со стороны Украины, то что же тогда таковыми считать? Бомбардировку Кремля или ядерный удар?..

Представитель МИДа Мария Захарова сделала очередное заявление: «Украине и ее кураторам с Запада не поздоровится, если они продолжают провокации на территории России». Хочется задать ей вопрос: «Мария Владимировна, из раза в раз повторять одно и то же не надоело?»

Киев упорно прямо-таки заставляет нашу власть разрывать дипломатические отношения с нацистским режимом, но Кремль отчаянно сопротивляется.

* * *

После 133 дней боевых действий на Украине обстрелы Донецка стали еще продолжительнее и интенсивнее, чем прежде, — теперь уже реактивными и тяжелыми артиллерийскими установками со 155-миллиметровыми снарядами, поступившими от натовцев. Четыре с лишним месяца военной «операции» так и не сумели пресечь этого варварства. О чём всё это говорит? О том, что уже было сказано ранее, — о недостаточности наших сил, используемых в боях по освобождению Донбасса. Ставка только на контрактников, как уже открыто говорят в СМИ многие военные и политические эксперты, привела лишь к ненужному затягиванию этой «странной войны».

Да, 3 июля была освобождена Луганская народная республика. Через четыре с лишним месяца каждодневных боев.

Причем из Лисичанска, последнего города ЛНР, находившегося под украинской оккупацией, дали выйти почти десяти тысячной группировке ВСУ по причине того, что для перекрытия всех путей отступления просто-напросто не хватило воинских сил. Отступившие батальоны врага были перебросены в ДНР.

5 июля в программе «Время покажет» на Первом канале ТВ оба ведущих, уже не в силах сдержаться, демонстрируя новые кадры горящих рынков, магазинов, школ и детских садов Донецка, криком кричали: «Доколе! Сколько мы будем гуманно беречь резиденцию президента Украины, ее министерства обороны и генерального штаба?!»

Ответ на эти риторические вопросы, как мы видим, повис в воздухе.

В этот же день, 5 июля, из натовских 155-миллиметровых орудий вновь были обстреляны приграничные сёла Курской и Брянской областей.

Мария Владимировна Захарова пока больше не обещает, что кому-то в Киеве и на Западе «не поздоровится»...

Обещанного, согласно русской поговорке, три года ждут... Обещали ответить Литве. Не ответили. Обещали наказать Болгарию. Не наказали.

Каждодневные обстрелы Донецка и Донецкой области. Восемь лет под «минскими соглашениями». И полгода под «спецоперацией».

«А мы, по большому счету, в серьёз еще ничего не начинали».

И для чего надо было целых восемь лет жевать соплю с «минскими соглашениями»? В 2014 году весь Донбасс был нашим. В том числе и Славянск. Но кое-кому не хватило мужества это признать. А теперь — не хватает мужества признать себя в своей ошибке.

Пора наконец кое-кому понять: война со всем Западом одними контрактниками не выигрывается. И понять это надо было еще полгода назад.

Мы переживаем из-за обстрелов Донецка и других городов Донбасса американскими дальнобойными гаубицами,

завезенными на Украину. Но кто это допустил? Почему до сих пор не уничтожены все железнодорожные мосты этого ублюдочного «государства»?

Вся власть на т.н. «Украине» — еврейская. Все основные главари киевского режима — евреи. Именно они насаждают ненависть к России и к русским, именно они культивируют «чистоту и славу нации». Так какой же нацизм в «нэзалэжной» — украинский или еврейский? Не потому ли этой власти не жаль ни русских, ни украинцев?

Российские телевизионные СМИ упорно, с каким-то навязчивым вызовом называют *украинскими националистами* нелюдей, бьющих из крупнокалиберной артиллерии по мирному населению Донбасса. И делается это, как приходится понимать, с целью дискредитации понятия «национализм». И не вообще национализм как таковой, а, в первую очередь, русский национализм. Но очень многие русские мыслители писали о русском национализме как о необходимом и положительном явлении. И когда ведущие центральных каналов ТВ карателей, изуверов, палачей русского и украинского народов называют украинскими националистами, в сознание большинства зрителей закладывается тезис о преступности и чудовищности национализма как такового. В том числе и русского. Так пятая телеколонна, используя свое сильнейшее влияние на СМИ, пытается настроить наше население против тех общественных деятелей русского, патриотического, государственнического направления, которые прививают русскому народу любовь к своей нации. Русский национализм — это именно любовь к своей нации, гордость за нее и желание ее процветания.

Что же касается укронелюдей, «жидоохлов», «жидобандеровцев», захвативших власть на Украине сверху донизу, то понятие «национализм» не имеет к ним никакого отношения. Они — нацисты по типу германского нацизма. Нацизм, и прежде всего украинский нацизм, точнее, «жидобандеровский» — это всегда ненависть, исключительно ненависть к другим. И если германские нацисты хоть как-то пытались превознести, поднять свою нацию над другими, то укронелюдам вообще плевать и на Украину, и на украинский народ. Даже нацистами их можно назвать лишь условно, т.к. за всё время их власти украинская нация (не говоря уже о других народах) только притеснялась дикими законами, вымирала,

уничтожалась именно как нация, несмотря на все безумные лозунги: «Смерть москалям!», «Долой русню!» и т.п

И тем не менее российская пятая телеколонна, как ни в чём не бывало, словно ничего этого не понимая, во всех репортажах с фронтов военной спецоперации упорно этих фашиствующих и озверевших нелюдей продолжает называть *украинскими националистами*. И тем самым льют елей на мозги расчеловеченных укроничтожеств.

* * *

После сообщений о гибели мирных людей в Донецке, Горловке, Ясиноватой, Херсоне и т.д. телевизор гонит мерзкую, пошлую, весёлую рекламу, которая уже не вызывает ничего, кроме тошноты и отвращения. И никого там, наверху, это не возмущает. Теле- и радиореклама давно уже перестала быть двигателем торговли. Она уже вызывает обратную реакцию. И она теперь выполняет совсем другую функцию — моральное издевательство над населением. То есть телеэфир как основной рупор пятой колонны с циничной агрессивностью через крикливо-наглую и, как правило, лживую рекламу стремится подавить уравновешенное состояние человека или разрушить и опошлить его естественную реакцию на события, происходящие в реальном мире.

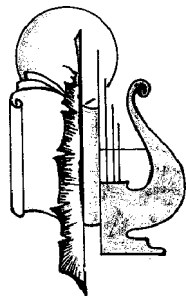
* * *

Еще год назад все ведущие политических телешоу (Соловьев, Пушков, Куликов, Никонов...) умилялись статьей В. Путина об Украине, где он уверял нас в том, что мы — один народ. Менее чем через год жизнь нам показала, какой мы один народ...

КНИГА БЕЗ НАЧАЛА И КОНЦА

Сборнику статей литературной критики Людмилы Воробьёвой «Миг надежды, чуда, вдохновенья», вышедшему в 2022 году в свет в редакционно-издательском доме «Российский писатель», можно было дать название «Книга без начала и конца», и вовсе не потому, что автор не знает, с чего нужно начать и чем закончить свою книгу, а потому, что истоки её находятся где-то в том необозримом прошлом, в котором зарождались из невидимого бытия вечная книга Библия, древнерусские летописи и первые русские стихи, а конец её уходит из-под взгляда читателя в то безмерно далёкое будущее, которое никому из живущих сегодня не суждено ни увидеть и ни осмыслить нашим нынешним и будущим соотечественникам. Потому что литературный критик, погружаясь в изучаемые тексты, не может не соотносить произведения сегодняшних авторов с теми, что были написаны вчера, позавчера, а то даже и многие годы тому назад.

Подлинная работа критика — это повторное возрождение чужого литературного текста к жизни, придание ему нового взгляда и дыхания, а также новой философской глубины. И часто случается так, что, работая над своими произведениями, писатели даже не подозревают о тех прозрениях, которые однажды обнаружат в их книгах завтрашние, а то и гораздо более поздние критики. Ведь критик, пишущий статью о чьём-то романе, повести или поэтическом сборнике, воспринимается в глазах читателей исключительно как сверхпонимающий аналитик, который проникает в изучаемый им текст намного глубже, чем написавший его сам поэт или прозаик. Но

КРУГ ЧТЕНИЯ

вот критик, анализирующий творчество не просто одного из этих прозаиков или поэтов, а книгу какого-то другого литературного критика, вырастает в глазах читателей до вдвойне понимающего в литературе профессионала, так как он анализирует уже не только текст анализируемого им непосредственно критика, но — через страницы книги этого изучаемого критика — ещё и тексты тех авторов, о которых изучаемый критик пишет в своих работах.

Однако намного сложнее анализировать текст книги критика, который и сам анализирует в своей книге текст другого критика, в работе которого лежит анализ произведений уже непосредственно прозы или поэзии. А бывает так, что критик так и не обращается к анализу художественных произведений, а отыскивает скрываемую от всех суть исключительно в анализе критических работ других критиков, как по литературной лестнице, спускаясь шаг за шагом к философским глубинам или поднимаясь к художественным истинам литературы.

В какой-то мере, этот процесс оказался отображённым в английском народном детском стихотворении «Дом, который построил Джек», который перевёл на русский язык поэт Самуил Маршак:

*Вот дом, который построил Джек.
А это пшеница,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме, который построил Джек.*

*А это весёлая птица-синица,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме, который построил Джек.*

*Вот кот,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме, который построил Джек.*

*Вот пёс без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме, который построил Джек... — и так далее.*

Писательница Людмила Анатольевна Воробьёва создаёт свои критические книги примерно по такой же схеме, как стихотворение Самуила Маршака о доме, который построил Джек, используя свою самую первую строчку, как ступеньку для каж-

дой новой строфы. Точно так же она пишет свою критическую статью о писательнице Лидии Довыденко, и казалось бы — только о ней одной, но Довыденко в свою очередь пишет статьи о Валентине Курбатове, Анатолии Аврутине, Николае Коняеве, Валентине Коростелёвой и целом ряде других писателей, а те, в свою очередь, через книгу Лидии Довыденко попадают на страницы анализирующей эту книгу Людмилы Воробьёвой. Таким образом, работая над своей критической книгой, она словно бы подсознательно создаёт ещё одну внутреннюю книгу, написанную помимо воли самого автора. Примерно так были созданы ею оригинальные книги литературной критики — «Душа слова» (2015), «Время жизни, любви и подвига» (2016), «Единство вечных истин» (2018) и только что вышедшая из печати новая критическая книга — «Миг надежды, чуда, вдохновенья» (2022).

Анализируя книгу критики Лидии Довыденко «Русская мысль и человечество», Людмила Воробьёва отмечает, что каждый век даёт миру свои эпохальные произведения, и хочется верить, что XXI век так же даст нам однажды свои образцы литературной гениальности. «Мы видим, — говорит она, — что и в наше время гламурного обесценивания слова есть личности, оберегающие слово и культуру, есть произведения, достойные уважения и прочтения». И надо отметить, что прежде всего настоящих писателей привлекают люди глобального взгляда на исторические процессы, происходящие в мире. Таким является известный писатель Николай Иванов, побывавший в горячих точках планеты, как Афганистан, Чечня, Сирия и считающий для себя гражданский долг писателя и человека — единым. Таков же и Николай Бурляев — народный артист России, режиссёр, сценарист, поэт, президент Международного Славянского форума искусств «Золотой Витязь», выступающий против рыночного коммерческого искусства как такового. «Роль искусства для него, — как отмечает Людмила Воробьёва, — служение, миссия утверждения прекрасного и вечного». К этому ряду относится и поэтесса Сэда Вермишева, чуждая стремлению к материальным благам, тонко анализирующая социальную природу вещей и явлений, чётко обозначившая суть государственного устройства России, где, прежде всего, должна быть социальная справедливость и государственная собственность. Ещё один замечательный поэт — это Анатолий Аврутин, главный редактор журнала «Новая Немига литературная», который объединяет талантливых соотечественников ближнего и дальнего Зарубежья. Он лауреат Национальной литературной премии Беларуси, первый белорусский лауреат Большой литературной премии России.

С необыкновенной пронзительностью и эмоциональной силой прозвучали в русском мире и «10 ответов Валентина Курбатова на вызовы современности». Оптимизм и христианское жизнелюбие Валентина Яковлевича, слитность с верой и преданность России и русскому глаголу, будто живой водой омыли русские души. «В пору шатания родного слова и выветривания

смыслов на базарном языке эпохи тем и держишься, что небесный корень слова помнишь, адамову райскую простоту наших глаголов», — цитирует Людмила Воробьева слова из книги Курбатова «Наше небесное Отечество». Хотя, читая её книгу, перестаёшь мысленно воспринимать лежащие перед тобой строки как чей-то чужой текст, настолько всё написанное в её книге совпадает с душой читателя.

Такие книги, как «Миг надежды, чуда, вдохновенья» Воробьевой — это не просто издания для развлечения, но скорее — некие литературные мини-энциклопедии, подсказывающие читателю, на что следует обращать внимание в своей жизни при знакомстве с попадающими нам в руки книгами, и что надо брать из них себе на заметку. Так, например, знакомя читателей с поэтической книгой Валерия Хатюшина «Вино и хлеб», Людмила Анатольевна в очередной раз убеждает нас в том, что реализм — это «самый адекватный и правильный способ постижения правды жизни». И ещё говорит она, что «судьба любого большого поэта в России по главной сути всегда трагична и всегда одинока. Познавание добра и зла — воистину проклятый дар, на который обречён поэт, тем более такой, как Валерий Хатюшин, поэт с явно выраженной национальной гражданской позицией...»

Страницы книги Людмилы Воробьевой «Мир надежды, чуда, вдохновенья» довольно густо заселены такими интересными персонажами, как А. Аврутин, Н. Советная, А. Бесперстых, Л. Довыденко, В. Хатюшин, А. Яшин, А. Хабаров, М. Поздняков, С. Супрунова, В. Хомяков и другие замечательные авторы, стихи и проза которых уже давно и хорошо знакомы читателям России и Беларуси. Особое внимание Воробьевой вызывает творчество современного белорусского исследователя слова — Анатолия Павловича Бесперстых, у которого в различных издательствах Союзного государства вышло уже более 80-ти литературных словарей: эпитетов А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Сурикова, Ф. Тютчева, С. Бехтеева, С. Есенина, И. Тургенева, А. К. Толстого, Н. Рубцова, М. Пришвина, И. Григорьева, М. Богдановича, М. Исаковского, В. Бианки, Д. Ковалёва, А. Фатьянова, М. Румянцевой, Г. Горбовского, К. Скворцова, Г. Иванова, В. Поликановой, М. Позднякова, А. Андреева, Е. Матвеева, Н. Переяслова и других писателей, а также ряд тематических словарей: о счастье, о любви, о вере, о надежде, о душе, о гостеприимстве, о судьбе, о России, о русском слове, о литературе и творчестве, афоризмов Пушкина, Лермонтова, Достоевского и Чехова.

«В словаре чеховских афоризмов, включающем мудрые советы, — пишет Людмила Анатольевна, — об разные выражения, литературные цитаты, юмор, ставшие важным художественным открытием поэтики прозы Антона Павловича Чехова. Книга Анатолия Бесперстых «Афоризмы Чехова» — творческий тандем, своеобразный мост изящной русской словесности, переброшенный из чеховских времён во времена нового, третьего, тысячелетия». (Вот одна из тех творческих нитей, которые связывают прошлые дни

нашей истории с днём сегодняшним и даже всеми последующими за ним!..)

«Великий русский язык, — продолжает Людмила Воробьева, — это ключ к пониманию древней культуры человечества. В творчестве каждого современного писателя растворены идеи классиков. Словарь афоризмов А. Чехова, созданный лексикографом А. Бесперстых, — самобытное краткое описание жизни русского художника слова. Работа их двуедина: Бесперстых соучаствует и сотворчестваует Чехову, пронося эмоциональные и физические энергетические ощущения сквозь текст».

Для того, чтобы оборвать мысль Анатолия Бесперстых или же Воробьевой, приходится просто-таки прилагать немалые силы, заставляя себя останавливать процесс чтения. Работа Анатолия Павловича настолько глубока и интересна, что хочется цитировать её здесь чуть ли не в полном объёме. Об этом же и говорит в своей книге Людмила Анатольевна Воробьева:

«Нас ожидает увлекательнейшее чтение-путешествие в художественный мир Чехова: цитаты, крылатые фразы, высказывания, реплики персонажей, что врезаются в память надолго. Всё невероятно современно и актуально! И главную чеховскую мысль запрятать в футляр вам не удастся! Мы находим в словаре размышления писателя об особенностях языка: «Берегись изысканного языка. Язык должен быть прост и изящен», — так писал Антон Павлович своему брату Александру».

И далее она делает следующее заключение: «Исследователь и филолог Анатолий Бесперстых даёт нам понять, что порой даже гладко написанный текст — отнюдь не самое главное. Подлинная литература — то, что витает за текстом и над текстом. Чехов показал нам, что не дело литературы — учить. Она в первую очередь должна сострадать и будить высокие чувства...»

А это едва ли не стократ труднее, чем наполнять свой текст внешней красотой. Намного важнее красота — внутренняя, способная не только радовать мир с эстетической точки зрения, но ещё и проявлять своё сострадание к людям.

Работая над своей книгой, Людмила Воробьева приходит к выводу, что диалог культур — это наиболее продуктивная парадигма нашей современности. Поэтому книга русско-немецкого писателя Генриха Дика «Родство по слову» стала серьёзнейшим основанием для того, чтобы поразмышлять о том, что нас объединяет, и почему это стало сегодня так актуально и востребовано, как никогда раньше. «Что русскому сладко, то немцу горько», — замечал ещё Чехов в своём рассказе «Осколки московской жизни». Но именно в парадоксальности и заключается наше восполнение необходимого и недостающего каждому из нас. К этой мысли и подталкивает читателей критик Людмила Воробьева в своей книге «Мир надежды, чуда, вдохновения». А без понимания этого наша жизнь будет явно неполной.

ДУХОВНЫЙ СВЕТ ИСТИНЫ

(О книге Людмилы Воробьёвой «Миг надежды, чуда, вдохновения...» Литературная критика. Сборник статей. — Москва: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2022)

27 объёмных статей, составивших 608 страниц книги, говорят о талантливой отзывчивости Людмилы Воробьёвой на яркие явления в современном литературном мире в России, в Республике Беларусь и среди пишущих на русском языке в Германии. Все три части сборника подчинены единому стилю, в фундаменте которого «философия света и мудрости», тонкое кружево исторического и метафизического, при подчеркнутой приверженности Людмилы Воробьёвой критике в духе русской традиции.

Минчанка, она хорошо знакома читателям таких изданий, как «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва», «Берега», «День литературы», «Подъём», «Приокские зори», «Север», «Нёман», «Новая Немига литературная», «Российский писатель» и множества других, она автор книг: «Душа слова», «Время жизни, любви и подвига», «Единство вечных истин».

И вот новая, великолепная книга критики. Авторское чутьё Людмилы Анатольевны, сам воздух её критики, тепло дыхания в часто холодной атмосфере равнодушия обретают полноту и цельность при, казалось бы, таких разных творениях современников в их отражении действительности, в жанровом отношении, но скреплённых точностью схваченных деталей при разных ситуациях, пережитых героями статей, созданных Людмилой Воробьёвой.

Она видит в творчестве выбранных ею авторов реющие стяги истины, находки сердца и ума, души и образной речи поэтов и прозаиков, подчеркнуто дистанцировавшихся от постмодернизма и постчеловека, провозглашающего толерантность, но на самом деле такого далёкого от терпимости и благородного восприятия. Она различает иногда несоответствие автора книги и его героя, по-разному отыскивающего свой собственный путь в творчестве, сохраняя национальную самобытность. Как говорил Михаил Пришвин в своих дневниках: «Содержание произведения есть сам художник», поэтому так пристально всматривается Людмила Воробьева в отмеченных её вниманием литераторов. «У правды стоят всегда двое: тот, кто сражается против неё, и тот, кто стоит за неё», — пишет Людмила Анатольевна, размышляя о творчестве Игоря Григорьева, отмечая схваченную им и отражённую в поэтических строчках подлинность

бытия, тернистый путь России в поэмах: «Стезя», «Обитель», «Русский урок». «Несчётные суммы утрат» должны получить оправдание и должны быть восполнены, что особенно актуально в контексте вечного противостояния цивилизаций.

Анализируя творчество Натальи Егоровой, автор сборника критики внимательно всматривается в тему русской поэтической традиции, выделяя её триединство: Бог, Вера, Православие, сохраняя нравственно-философские и духовные ориентиры русской культуры, соединяя надмирное и повседневное. Выражение в слове непостижимого, «душ высоту, что идут по судьбе, как по водам», — это планетарный взгляд русского поэта Натальи Егоровой, утверждающей силу и энергию самой жизни. Её творчество — доказательство того, что могучие реки поэзии по-прежнему полноводны в России.

Неподдельная искренность отмечается в книгах Михаила Позднякова, это «школа простоты», «поход в детство», как когда-то ходили в народ, уважение к маленькой личности, и в основе всего — мелодия белорусского слова.

«Божественный свет любви и покаяния» льётся со страниц книги Натальи Советной «Угадывай любящим сердцем». Промысел Божий заключает в себе великую тайну о человеке. Это книга для каждого, потому что освещает «наше личное движение к Истине». Она направляет на труд души, даёт откровение, зывая к лучшему в сердце. Покаяние, духовное исцеление, подлинная картина бытия, широта мысли и евангельский свет — книга как органическое целое философии и литературы.

Нравственный императив самоусовершенствования личности доминирует в творчестве Анатолия Андреева. «Ундина. Монолог Маринеско» — это философско-психологическое произведение ставит во главу мысль об ипостаси гуманности. Борьба души, ума, психики и сознания становится предметом анализа Анатолия Андреева через образ Маринеско, его дилемму возмездия и прощения, невероятно сложный духовный путь к правде. Забытый подвиг поднимается из глубин забвения на поверхность жизни.

Невозможно перечислить все книги, которые анализирует Людмила Воробьёва, но это список реакций её затаённого внутреннего мира, где просторно большим смыслам для созерцания и соучастия, для расширения панорамы и внимания «субъектам» в их видимой единственности.

г. Калининград